ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Рогачев Андрей Михайлович

ШТРЕЙКБРЕХЕРСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Специальность 5.6.1. – отечественная история
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Ершова Тамара Витальевна

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..**4**

ГЛАВА I. ШТРЕЙКБРЕХЕРСТВО: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА…..…….18

1.1. Появление и эволюция термина «штрейкбрехер». Взгляды на штрейкбрехерство в источниках и литературе……...18

1.2. Мотивация и социальный состав российских штрейкбрехеров…….....31

1.3. Организация вербовки штрейкбрехеров…….…….…….…...47

ГЛАВА II: ШТРЕЙКБРЕХЕРЫ: МЕЖДУ РАБОЧИМИ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ И ВЛАСТЬЮ……....66

2.1. Формы и методы борьбы со штрейкбрехерством в рабочей среде……..…66

2.2. Обеспечение штрейкбрехеров льготами и преференциями со стороны государства и частных лиц…….....100

2.3. Охрана желающих работать во время забастовки: законодательство и практика……..120

ЗАКЛЮЧЕНИЕ …….....148

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ…….....155

ПРИЛОЖЕНИЯ……..171

Приложение № 1 Стихотворение неизвестного автора «По рельсам железной дороги…» (о срыве забастовки рабочих в Москве штрейкбрехерами) 171

Приложение № 2 Листовка Виленского комитета РСДРП (б) «Долой штрейкбрехеров!» (на латышском языке) 172

Приложение № 3 Перевод листовки Виленского комитета РСДРП (б) «Долой штрейкбрехеров!» 173

Приложение № 4 Заметка (чёрный список) неустановленного лица

«Список Юрьевских штрейкбрехеров» 175

Приложение № 5 Покаянные письма штрейкбрехеров-наборщиков

Л. Александровой и Н. Даниленко помещенные в большевистской газете «Правда» 176

Приложение № 6 Заметки о штрейкбрехерстве рабочих во время забастовок, помещённые в большевистской газете «Правда» 177

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Период конца XIX – начала XX вв. в Российской империи характеризовался беспрецедентным размахом революционного и забастовочного движения, повлиявшим не только на историю нашей страны, но и всего человечества. В ходе ожесточённой борьбы труда и капитала для противодействия бастующим активно привлекались штрейкбрехеры, порой игравшие ключевую роль в срыве забастовок. Штрейкбрехерство называлось социал-демократами главным врагом пролетарской сплочённости, а на его искоренение были брошены значительные силы социалистической пропаганды. Однако вплоть до настоящего времени это явление предметно практически не исследовалось отечественными историками. Определение роли штрейкбрехерства в социально-политических процессах конца XIX – начала XX вв. и того влияния, которое оно оказало на результаты борьбы пролетариата за свои права, даст возможность более объективно взглянуть на развитие рабочего движения в Российской империи, полнее рассмотреть политику предпринимателей и властей в отношении рабочего вопроса, а также подробнее реконструировать облик российского рабочего класса и ликвидировать ряд пробелов в его истории.

Под «штрейкбрехерами» в исследовании понимаются наёмные рабочие и служащие, выступающие на стороне хозяев предприятия во время забастовки и замещающие бастующих на их находящихся под бойкотом местах. Под «штрейкбрехерством» подразумевается деятельность таких работников, направленная на поражение забастовки.

Несмотря на то, что в СССР штрейкбрехерство считалось явлением изжитым, характерным для буржуазных стран, в современной России замещение бастующих не запрещено законодательством и активно практикуется. Широкие возможности отечественным предпринимателям в этой практике даёт развитие аутсорсинга и лизинга персонала. Штрейкбрехерство снижает эффективность забастовок, подрывает коллективную солидарность рабочих, мешает им

отстаивать свои права, ведёт к ухудшению условий труда и найма. Изучение опыта, накопленного рабочим движением в ходе стачек конца XIX – начала XX века может пригодиться при разрешении трудовых конфликтов дня сегодняшнего. Методы, которые использовал пролетариат Российской империи для противостояния штрейкбрехерам, скорректированные под современные условия, могут быть включены в арсенал российского профсоюзного движения.

Степень научной разработанности темы исследования. В *дореволюционный период* штрейкбрехерство преимущественно рассматривалось в публицистических работах, посвященных различным аспектам рабочего вопроса. Под влиянием революционных событий 1905–1907 годов среди исследователей в Российской империи возрос интерес к забастовочному движению. Неоднозначное отношение в российском обществе к стачкам способствовало амбивалентности во взглядах на деятельность тех рабочих и служащих, кто способствовал их срыву. В литературе этого периода поднимаются вопросы охраны и ограждения желающих работать во время забастовок, актуализируется иностранный опыт противодействия стачкам. Рассматриваются и методы борьбы со штрейкбрехерами[1].

В исследованиях *советского периода* штрейкбрехерство как предмет отдельного самостоятельного изучения не представлено. Однако ввиду того, что штрейкбрехерство являлось неотъемлемым спутником забастовок и рабочих протестов, оно нашло фрагментарное отражение во множестве публиковавшихся в советский период книг и статей, посвящённых рабочему и стачечному движению.

---

[1] Гриневич В. П. Профессиональное движение рабочих в России. СПб.: Слово, 1908. 287 с.; Громан В. В. Материалы к вопросу о мерах борьбы с забастовками. СПб.: Издание О-ва заводчиков и фабрикантов, 1914. 91 с.; Миклашевский А. Н. Стачки и социальный вопрос. Право стачек. СПб.: Типо-лит. А. Г. Розена, 1905. 72 с.; Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1906. 322 с.; Ососов А. В. О забастовках. СПб.: Изд-е Постоянной комиссии Народных чтений, 1906. 48 с.; Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб.: Тип. Общественная польза, 1907. 407 с.; Скаржинский Л. Б. Забастовки и рабочие сотоварищества. СПб.: Изд-е А.Э. Винеке, 1905. 394 с.; Смирнова С. И. Черная Сотня. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1906. 16 с.; Тихомиров Л. А. Рабочий вопрос: (практические способы его решения). М.: Тип. В. А. Жданович, 1909. 257 с.

Из первых публикаций советского периода выделим характерный для того времени труд революционера и ученого-марксиста Е. А. Преображенского «О морали и классовых нормах», в котором штрейкбрехерство рассматривалось с позиций марксистской философии и пролетарской морали [1]. Автор отмечал, что это явление считается одним из самых страшных преступлений против рабочей морали, так как действия штрейкбрехеров, их участие в трудовом конфликте на стороне предпринимателей, идут на руку буржуазии и противоречат интересам пролетариата. Борьба рабочих против штрейкбрехеров представляется Преображенским как следование нормам пролетарской морали и как проявление сознательности трудящихся, отстаивающих свои классовые интересы. Публицист Л.М. Клейнборт, в своей работе «Рабочий класс и культура», рассматривая вопросы личностного развития российских рабочих, обращал внимание на покаянные письма «ломающих стачку», считая их голосами рабочей совести [2].

Отдельную информацию о штрейкбрехерстве среди трудящихся некоторых профессий содержат сборники и материалы Комиссий по истории профессионального движения при Всесоюзном центральном совете профессиональных союзов (далее: ИСТПРОФ)[3].

В дальнейшем в работах советского периода, затрагивающих как общие вопросы рабочего движения, так и историю конкретных предприятий, также продолжали появляться отдельные сюжеты с упоминанием штрейкбрехеров[4]. Однако фокус повествования продолжал в первую очередь концентрироваться на

---

[1] Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 114 с.

[2] Клейнборт Л. М. Рабочий класс и культура. Т. 1. М.: ВЦСПС, 1925. 289 с.

[3] Айнзафт С. С. История рабочего и профессионального движения деревообделочников до революции 1917 года. М.: ЦК деревообделочников СССР, 1928. 320 с; Профессиональное движение московских пищевиков в годы первой революции. Сборник 1. М.: Мосгуботд. союза пищевиков, 1927. 208 с. и др.

[4] Иванова Н. А., Шелохаев В. В. Всероссийская почтово-телеграфная забастовка в ноябре 1905 года // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 51–66.; Ковалев С. М. Большевистская «Правда» 1912–1914 гг. М.: Госполитиздат, 1941. 184 с.; Костомаров Г. Д. 1905 год в Москве. М.: Московский рабочий, 1955. 336 с.; Мительман М. И. История Путиловского завода. 1801–1917. М.: Соцэгиз, 1961. 720 с.; Пушкарева И. М. Рабочее движение в России в период реакции, 1907–1910 гг. М.: Наука, 1989. 269 с.; Чебарин А. С. Москва в революции 1905 – 1907 г. М.: Госполитиздат, 1955. 264 с.; Шишкин В. Ф. Так складывалась революционная мораль: исторический очерк. М.: Мысль, 1967. 360 с. и др.

участниках забастовок, в то время как «ломающие стачку» отмечались эпизодически, как антагонисты сознательных трудящихся, а их деятельность порицалась.

Таким образом, на протяжении длительного времени шло накопление материалов о рабочем движении, что и привело к необходимости их систематизации и классификации.

Современный период. В последние годы существования Советского Союза и вплоть до наших дней, среди исследователей популярным направлением стало составление статистики и хроники российского рабочего движения. Была собрана обширная база хроники регионального рабочего движения[1]. В 2011 году выходит фундаментальная монография коллектива авторов: И.М. Пушкаревой, Л.И. Бородкина, С. В. Глазунова, А. В. Новикова, С.И. Потолова, И.В. Шильниковой, посвященная анализу массового комплексного источника «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 гг. Хроника» в хронологических рамках 1895–1904 гг.[2] Обширные сведения о стачках в России в период Первой мировой войны, содержатся в хронике, составленной Г.Г. Касаровым на основе широкого круга архивных и опубликованных источников[3]. Для представления данных и подсчета стачек автором была использована методика, разработанная коллективом авторов Института российской истории РАН И. М. Пушкаревой, Ю. И. Кирьяновым, Н. А. Ивановой, В. П. Желтовой и др.[4]

Одновременно в современный период возрос интерес к изучению правых рабочих организаций и черносотенного движения, предпринимательских практик

---

[1] Касимов А.С. Хроника рабочего движения в Центрально-Черноземном районе (1895-февр. 1917 г.). Пенза: ПГПИ, 1993. 196 с.; Мейерович М.Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 – феврале 1917 г. Хроника. Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова,1995. 120 с.; Юдина Л. С. Стачечное движение на Урале в 1905–1907 годах. Хроника. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1995. 208 с.

[2] Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. / И. М. Пушкарева [и др.]; отв. ред. И. М. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2011. 476 с.

[3] Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 г. — февраль 1917 г.: Хроника / авт.-сост. Г. Г. Касаров. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 832 с.

[4] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г.: Хроника. / И. М. Пушкарева (отв. ред.) [и др.]; Сост. В. П. Желтова (отв. сост.) [и др.] Вып. I − X. М.; СПб.: Институт российской истории РАН, 1992–2008.

противодействия стачкам. Так, например, в исследовании И.В. Омельянчука предметно рассмотрен вопрос привлечения рабочих правых взглядов для борьбы с забастовочным движением[1]. Автор указывает, что штрейкбрехеры, принадлежавшие к черносотенцам, оказывались заложниками своей деятельности, так как предприниматели использовали их лишь для достижения собственной выгоды, и после победы над бастующими тех зачастую ждало лишь ухудшение условий труда и найма. В труде С. А. Степанова рассмотрена эволюция и социальный состав черносотенных рабочих союзов и артелей, затронута их деятельность против забастовок[2]. Автор уточняет господствующий в советской историографии тезис о том, что в «Черную Сотню» вступали только малоквалифицированные рабочие, люмпен – пролетарии, разорившиеся ремесленники и «хозяйчики», на примере Путиловского завода убедительно доказывая, что среди черносотенцев были и представители рабочей аристократии. В исследовании отмечается неустойчивость правых союзов, неспособность последних защитить права состоявших в них рабочих.

В исследовании А. И. Богомолова рассмотрено положение рабочих–монархистов Урала в 1900–1919 годах[3]. Автор отмечает, что монархические рабочие организации Урала проявляли большую активность на казенных предприятиях, работники которых были лучше обеспечены, чем занятые на частных фабриках и заводах. Ретрансляторами консервативно-монархических ценностей, по мнению исследователя, являлись старые рабочие, воспитанные в патерналистской парадигме отношений с хозяевами.

Среди современных отечественных исследований отметим также статью И. В. Шильниковой, в которой приведены важные статистические данные по привлечению предпринимателями штрейкбрехеров во время трудовых

---

[1] Омельянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи: 1901–1914 гг.: дис. … д-р ист. наук. Воронеж, 2006. 901 с.

[2] Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М.: Яуза – Пресс., 2013. 669 с.

[3] Богомолов А. И. Уральские рабочие – монархисты в 1900–1919 гг.: механизмы эволюции политических взглядов.: дис. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2007. 251 с.

конфликтов в 1895–1904 годах[1] и публикацию Т. И. Трошиной, в которой упомянуты «позорящие» наказания штрейкбрехеров, практиковавшиеся в рабочей среде, и раскрыто их крестьянское происхождение[2].

Знаковым событием в изучении штрейкбрехерства как международного явления стала публикация в 2021 г. сборника статей «Corporate Policing, Yellow Unionism, and Strikebreaking, 1890–1930». Сборник вышел по итогам проведённого в 2018 году в Оксфордском университете симпозиума «Industrial vigilantism, strikebreaking and patterns of anti-labour violence, 1890s–1930s. A comparative and transnational perspective» и содержит исследования, посвящённые штрейкбрехерству в разных странах мира. К сожалению, работ, посвящённых Российской империи, в нём всего две. Это обстоятельная статья В. Куликова и И. Шильниковой, посвященная российскому забастовочному движению в целом, а также политике предпринимателей и властей в отношении рабочего вопроса[3], и публикация британского историка Г. Гилберта, посвященная антизабастовочным настроениям среди российских правых, в которой исследователь приходит к выводу, что создание многих правых организаций, члены которых выступали в качестве штрейкбрехеров, не было инициировано властями, а стало реакцией на действия революционеров[4]. Говоря о социальном составе таких союзов, автор замечает, что среди пролетариата правым в большей степени оказали поддержку чернорабочие и временные работники, особенно в юго-западных губерниях страны, с традиционно большим числом сезонных рабочих.

---

[1] Шильникова И. В. Предпринимательские стратегии в разрешении трудовых конфликтов на российских промышленных предприятиях в конце XIX – начале XX века. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Т. 21. № 1. Кострома.: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. С. 30 -35.

[2] Трошина Т. И. «Крестьянские самосуды» в революционную эпоху: актуализация коллективного опыта (на материалах северных губерний Европейской России) // Российская история. 2012. № 2. С.193-201.

[3] Kulikov V. Shilnikova I. Policies and practices against labor movement in the late Russian Empire. // Corporate Policing, Yellow Unionism, and Strikebreaking, 1890 – 1930. Routledge, 2021. P. 23 – 43.

[4] Gilbert G. In reaction to revolution: Anti-strike mentalities and practices in the Russian radical right, 1905–14. // Corporate Policing, Yellow Unionism, and Strikebreaking, 1890 – 1930. Routledge, 2021. P.168 – 185.

В настоящее время среди отечественных и западных специалистов продолжают появляться публикации[1], эпизодически затрагивающие штрейкбрехерство во время забастовок конца XIX – начала XX вв.

В целом, принимая во внимание разрозненность и фрагментарность сведений о штрейкбрехерах, следует резюмировать, что современный этап является фазой накопления нарративного и аналитического материала по исследуемой теме. Трудности в изучении проблемы возникают по причине непостоянства, скрытности, случайности штрейкбрехерских практик, отсутствия достаточных статистических данных, что осложняет фиксирование особенностей этого явления и проведение обобщений. Пока в фокусе внимания учёных оказывались в основном штрейкбрехеры из числа членов правых союзов, монархистов и черносотенцев, а само явление штрейкбрехерства изучалось, как правило, лишь опосредованно. Настоящая работа представляет собой попытку восполнить означенные пробелы.

Объект исследования: трудовые отношения на предприятиях Российской империи в условиях модернизации российской экономики, социальных и экономических потрясений конца XIX – начала XX вв.

Предмет исследования: штрейкбрехерство как фактор противодействия забастовкам в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1885 по 1914 гг. За нижнюю границу взят год принятия «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных…», в котором на законодательном уровне упоминаются работники, принуждаемые к участию в стачке насилием. Завершается исследование годом начала Первой мировой войны, вызвавшей, на своём раннем этапе, резкое уменьшение числа забастовок и стачек. В рамках изучаемого

[1] Омельянчук И. В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии): монография. М.: МГПУ, 2022. 444 с.; Рокки Т. Западные губернии Российской империи в Революции 1905–1907 гг.: элементы региональной самобытности и гражданской войны. // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. Барнаул., 2023. № 3 (131). С. 28–35. и др.; Шапошников Г. Н. Первый опыт информационной войны в России (Уральские связисты в русской революции 1905–1907 гг.) // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2023 № 26. С. 279–292.

периода фиксируются масштабные волны забастовочной активности, в ходе которых штрейкбрехеры становятся типичными акторами трудовых конфликтов. Это, в свою очередь, позволяет считать указанный период своеобразным «расцветом» штрейкбрехерства на территории Российской империи.

Цель исследования: анализ явления штрейкбрехерства в рабочем движении в Российской империи.

Задачи исследования:

1. Проследить генезис термина «штрейкбрехер» и его оценку в источниках и научной литературе.
2. Проанализировать социальный состав штрейкбрехеров и мотивы их участия в срыве стачек.
3. Показать основные способы вербовки штрейкбрехеров.
4. Выявить формы и методы противодействия штрейкбрехерству в рабочей среде.
5. Оценить обеспеченность штрейкбрехеров льготами и преференциями со стороны государства и частных лиц.
6. Рассмотреть меры по охране желающих работать во время забастовок в законодательстве Российской империи и на практике.

Источниковая база исследования представлена материалами, содержащимися в архивах, напечатанными отдельными изданиями, опубликованными в периодических и непериодических изданиях. Не введённые в научный оборот и не публиковавшиеся ранее материалы выявлены в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фондах: Департамента полиции Министерства внутренних дел (Ф. 102), уголовных отделений Первого департамента Министерства юстиции (Ф. 124), Московского жандармского полицейского управления железных дорог (Ф. 59), коллекции вещественных доказательств, изъятых жандармскими учреждениями при обысках редакций, газет и отдельных лиц (Ф. 1167), коллекции нелегальных изданий (листовок и брошюр), отложившихся в полицейских и судебных органах дореволюционной России (Ф. 1741).

Комплекс использованных в диссертации источников можно разделить на пять групп.

Первую группу источников представляют законодательные акты Российской империи, в которых содержится информация о наказаниях за снятие лояльных хозяевам рабочих во время забастовок и за различные насилия в их адрес. В неё, прежде всего, входят – Уложение о наказаниях 1885 года[1], Высочайше утвержденное 3 июня 1886 г. мнение Государственного совета по проекту Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих[2], Уголовное уложение 1903 года[3]. Анализ этой группы источников даёт представление о проводимой российским государством политике защиты и ограждения «желающих работать» во время забастовок. Отдельно стоит выделить Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 2-го декабря 1905 года[4], являвшийся фактически единственным законодательным актом, содержавшим меры поддержки штрейкбрехеров, пострадавших от насилия бастующих.

Вторую группу источников составляет делопроизводственная документация: секретные циркуляры Министерства внутренних дел о мерах борьбы с забастовками, материалы дознаний по делам о нападениях на штрейкбрехеров; ведомственная переписка жандармских полицейских управлений железных дорог, содержащая ценные сведения о забастовках, изменениях в положении и численности не принимавших участия в стачках

---

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 9 - е. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. 918 с.

[2] Высочайше утвержденное 3 июня 1886 г. мнение Государственного совета по проекту Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1888. Т. 6. № 3769. С. 262–266.

[3] Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: С мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. - особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. / Изд. Н. С. Таганцева. СПб.: Гос. тип, 1904. 1122 с.

[4] Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 2-го декабря 1905 г. О временных правилах о наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных, и об обеспечении судьбы тех служащих, кои, не принимая участия в забастовках, пострадали от учиненного над ними насилия. // Законодательные акты переходного периода. СПб.: Изд-е Юридического книжного склада «Право», 1909. С. 200–207.

рабочих и служащих железных дорог, мерах предпринимаемых для охраны штрейкбрехеров и замещения бойкотируемых рабочих мест; документы служебных расследований стачек.

Третья группа источников представлена периодической печатью. Рабочие газеты и журналы начала XX в. являются наиболее релевантным источником для изучения темы штрейкбрехерства. На страницах меньшевистских газет «Курьер», «Луч», «Живая жизнь», «Новая рабочая газета», большевистских изданий «Правда», «Наш путь» и др. публиковалась актуальная информация о проходящих на тех или иных предприятиях стачках и забастовках. Сообщалось и о появлении штрейкбрехеров. Рабочие газеты, являвшиеся основными рупорами пропаганды против штрейкбрехерства и инструментами координации и солидаризации пролетариата, сохранили на своих страницах имена, фамилии, клички, покаянные письма, обстоятельства вербовки, профессиональную принадлежность штрейкбрехеров, случаи противодействия им со стороны участников рабочего движения. Привлечение рабочей прессы также вскрывает «штрейкбрехерскую» подоплёку многочисленных сообщений о найме, публиковавшихся предпринимателями во время забастовок в бульварной и правой прессе.

Пропаганда правых против забастовок и взгляд на участие рабочих в срыве стачек, в свою очередь, нашли отражение в газетах «Московские ведомости» и «Свобода и порядок».

Четвертая группа источников объединяет летучие издания (брошюры, листки, прокламации). Материалы подобного рода писались «на злобу дня», став, как и газеты, важным инструментом борьбы с нарушителями рабочей солидарности. Обращение к ним позволило выявить ведущие нарративы пропаганды против штрейкбрехерства и углубить понимание основных форм и методов противостояния исследуемому явлению в рабочей среде.

Пятая группа включает источники личного происхождения: письма рабочих об обстоятельствах вербовки и действиях штрейкбрехеров во время стачек, мемуары участников революционного и забастовочного движения,

содержащие информацию, как о конкретных случаях штрейкбрехерства, так и о способах противодействия ему со стороны бастующих.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертационного исследования являются принципы научной объективности и историзма. Штрейкбрехерство в контексте трудовых отношений в противостоянии труда и капитала на предприятиях Российской империи рассматривается сквозь призму положений исторического материализма.

При написании диссертации были использованы как общенаучные методы анализа и синтеза, так и специальные исторические методы.

Сравнительно-исторический метод позволил выявить особенности мер защиты штрейкбрехеров и обеспечения их льготами и преференциями в Российской империи и за рубежом, установить наиболее эффективные методы противодействия штрейкбрехерству в рабочей среде, показать специфику вербовки таких работников на государственные и частные предприятия.

С помощью конкретно-исторического метода удалось рассмотреть явление штрейкбрехерства в Российской империи в контексте социально-экономических реалий конца XIX – начала XX вв.

Историко-системный метод дал возможность определить роль штрейкбрехеров в системе взаимоотношений сторон трудового конфликта, провести структурный анализ процесса вербовки штрейкбрехеров, организации «жёлтых» профсоюзов и штрейкбрехерских бюро на территории страны. Также его применение позволило выявить механизмы профессиональной реабилитации принимавших участие в срыве стачек работников, столкнувшихся с травлей и остракизмом со стороны коллег.

Микроисторический подход дал возможность установить конкретные мотивы и паттерны поведения штрейкбрехеров в условиях трудовых конфликтов.

Научная новизна исследования заключатся в том, что впервые была предпринята попытка предметно рассмотреть явление штрейкбрехерства среди российских рабочих и определить его роль в условиях нарастающего конфликта труда и капитала в Российской империи.

На основе изучения архивных документов, многие из которых введены автором в научный оборот впервые, и опубликованных источников раскрыты способы вербовки штрейкбрехеров на бастовавшие предприятия, а также рассмотрены меры охраны и поддержки таких работников со стороны предпринимателей и властей.

Проведенный анализ архивных документов и опубликованных источников способствовал выявлению наиболее распространённых форм и методов противодействия штрейкбрехерству в рабочей среде, определению основных мотивационных факторов участия рабочих в срыве стачек.

Теоретическая значимость результатов исследования способствует приращению научных знаний в сфере изучения рабочего и забастовочного движения конца XIX – начала XX вв. Основные научные положения и выводы диссертационного исследования дают возможность более полно и объективно изучить проблематику трудовых конфликтов на предприятиях Российской империи, а также предметно рассмотреть влияние штрейкбрехерства на ход и итоги стачек.

Практическая значимость исследования определяется тем, что материалы и выводы работы могут быть востребованы при разработке лекций для специальных и элективных курсов по социально-политической и экономической истории России периода конца XIX – начала XX вв. Положения и выводы работы могут быть включены в монографии, посвященные вопросам рабочего движения в Российской империи, применены в практике профсоюзной работы.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены при подготовке научных докладов на конференциях: «Ключевские чтения – 2020. Народ и Власть» (Москва, МПГУ. 2020 г.); «Ключевские чтения – 2022. Россия выбирает путь» (Москва, МПГУ. 2022 г.); «Гусевские чтения — 2023. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практика» (Москва, МГПУ. 2023 г.); «Гусевские чтения — 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практика» (Москва, МГПУ.

2024 г.); «Ключевские чтения – 2024. Освоение российского пространства и борьба за единство страны» (Москва, МПГУ. 2024 г.).

Основные результаты исследования изложены в девяти публикациях автора, три из которых опубликованы в научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Штрейкбрехеры являлись крайне неустойчивой социальной группой, включавшей в себя широкие слои трудящихся. В неё могли входить как люмпены, чернорабочие и крестьяне – отходники, так и представители рабочей аристократии и бывшие «сознательные» работники. Штрейкбрехерство рабочего, как правило, обуславливалось не идейными убеждениями или последовательной жизненной позицией, а было следствием его желания улучшить, или хотя бы не ухудшить своё положение.

2. Превалирующим мотивом штрейкбрехерства рабочих во время забастовок, несмотря на острую социально – политическую дифференциацию общества в конце XIX – начале XX века, оставался экономический фактор: желание получить дополнительный доход, безвыходное финансовое положение, боязнь остаться без средств к существованию, голод, бедственное состояние семьи.

3. Закреплённые законодательством льготы в исследуемый период могли получать лишь потерпевшие от насилия бастующих штрейкбрехеры, работавшие в правительственных учреждениях или на государственных и частных железных дорогах. В других случаях поощрение принимавших участие в срыве стачек работников зависело исключительно от милости их начальства и зачастую принимало форму незначительных подачек.

4. На особо важных государственных предприятиях, телеграфе и железных дорогах Российской империи старались заранее формировать резерв из числа лояльных кадров для замещения ключевых должностей во время возможных

забастовок. Владельцы частных производств, как правило, вербовали штрейкбрехеров уже по факту стачки.

5. На эффективность использования штрейкбрехеров во время забастовки влияла совокупность факторов: ситуация в отрасли, сезон работ, обеспеченность штрейкбрехеров охраной, количество и квалификация бастующих и желающих их заменить. Наибольшего успеха привлечение таких работников достигало при слабой координации и солидарности среди бастующих и наличии достаточной охраны из числа казаков, солдат и полиции. Вынужденные противостоять сильному рабочему движению конца XIX – начала XX вв. российские штрейкбрехеры, не имевшие какой-либо значимой поддержки со стороны своих хозяев, не смогли стать опорой предпринимателей в борьбе с организованными рабочими.

6. Ключевым инструментом противодействия штрейкбрехерству в пролетарской среде являлась социал-демократическая рабочая пресса, на страницах которой велась пропаганда против этого явления и обнародовались имена штрейкбрехеров. Широко применялся бойкот таких работников со стороны сознательных трудящихся, практиковалось создание им невыносимых условий для жизни и труда. Радикализация социально–экономических и политических отношений в Российской империи также способствовала распространению среди рабочих практик прямого насилия в отношении штрейкбрехеров.

Структура диссертационной работы обусловлена целью и задачами исследования, состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ГЛАВА I. ШТРЕЙКБРЕХЕРСТВО: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

1.1. Появление и эволюция термина «штрейкбрехер». Взгляды на штрейкбрехерство в источниках и литературе

Штрейкбрехеры являются одними из типичных акторов трудовых конфликтов. Этим термином называют часть рабочего коллектива или отдельных трудящихся, по тем или иным причинам занимающих сторону своего начальства в период забастовки и выполняющих работу за бастующих. Под это определение также подпадают выписываемые и нанимаемые на стороне работники, заступающие на места забастовщиков и те, кто прекратил бастовать до решения коллег о прекращении стачки.

Термин «штрейкбрехер» имеет немецкие корни и, согласно энциклопедическому словарю В. В. Серова, появился во время забастовки гамбургских портовых рабочих в 1896 – 1897 годах[1]. Впервые он был упомянут в статье немецкого профсоюзного деятеля Альберта Эльба в февральском номере социалистического журнала «Sozialistische Monatshefte» за 1897 год. Анализируя итоги прошедшей в Гамбурге стачки, Эльб указывал, что одной из причин её поражения стало широкое использование «Streikbrecher», или «разрушителей забастовок», которые набирались предпринимателями из местных и приезжих работников, причём в числе последних были как немцы, так и рабочие из других стран.

Используемый в статье термин изначально нёс отрицательную коннотацию и имел уничижительный оттенок. Отмечалось, что штрейкбрехеров, в массе своей состоявших из фермеров, мелких торговцев и сельскохозяйственных рабочих, привела в Гамбург не нужда, а жажда наживы. Позарившиеся на лёгкие деньги, бесплатное питание и проживание на квартирах, они с готовностью взялись срывать стачку, чем вызвали сильное недовольство бастующих. Власти и

[1] Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: «Локид – Пресс», 2005. С. 652.

работодатели Гамбурга называли таких работников «Arbeitswillige», «желающие работать», над чем Эльб прямо иронизировал: «Люди, для которых работа была мерзостью и которые годами бездельничали, внезапно «захотели работать» [1].

В России новый термин стал известен довольно быстро. Уже на страницах вышедшего в 1901 году энциклопедического словаря под общей редакцией академика К. К. Арсеньева и профессора Ф. Ф. Петрушевского, в статье, посвященной стачкам рабочих, он упоминался как одна из обидных кличек, наряду с «blackleg» и «beduino», которыми зарубежные пролетарии нарекали испытывавших нужду безработных, нанимавшихся во время стачек на места бастующих. Отмечалось и общее незавидное положение штрейкбрехеров, терпевших регулярные нападки и презрительное отношение со стороны подавляющего большинства трудящихся. При этом главным источником беспорядков во время стачек назывались именно конфликты между бастующими и желающими работать[2].

В повседневный обиход российских рабочих германизм «штрейкбрехер» прочно входит во время Первой русской революции. В эти и последующие годы он не покидает страниц пролетарских газет[3], встречается в пропагандистской литературе[4] и публицистике[5]. Популяризация понятия в рабочей среде, по всей видимости, была тесно связана с агитацией российских социал-демократов, державших руку на пульсе международного рабочего движения и позаимствовавших термин у немецких социал-демократов. Как и на Западе, в России это слово быстро стало позорным ярлыком, для обозначения изменника трудового коллектива. В дальнейшем его использовали и в адрес тех, кто хоть

---

[1] Elm A. V. Lehren des Hamburger Streiks. // Sozialistische Monatshefte. 1897. № 2. S. 73.

[2] Энциклопедический словарь Т. 39а: Статика – Судоустройство. СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1901. С. 528.

[3] См. Пролетарий. 1905. 27 мая. № 1. С. 15.; Курьер. 1906. 24 мая. № 7. С. 8.; Юршина М. Предатели среди нас! Штрейкбрехерство и как с ним бороться, опыт 1907 года. // Центральная профсоюзная газета «Солидарность». 2010. 26 апреля. [Электронный ресурс] URL: https://www.solidarnost.org/thems/profsoyuznyj-arhiv/profsoyuznyj-arhiv_2760.html и др.

[4] Зотов М. Товарищ, не изменяй! Увещание штрейкбрехера. Ростов-на-Дону.: Тип. Донская речь, 1906. 10 с.

[5] Гриневич В. П. Профессиональное движение рабочих в России. СПб.: Слово, 1908. 287 с.

напрямую не замещал бастующих, но своими действиями способствовал поражению стачек или наносил вред рабочему движению. К примеру, в изданном в 1929 году сборнике сочинений революционера Г. Е. Зиновьева, «активным штрейкбрехером» был назван академик и фабричный инспектор И. И. Янжул, за своё противодействие всеобщей забастовке почтово-телеграфных служащих в 1905 году[1].

После революции 1905–1907 годов слово «штрейкбрехер» появляется в отечественных словарях уже как отдельное понятие. Так, согласно изданному в 1909 году Малому энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, под этим термином понимался «нарушитель стачки»: рабочий, который «…вопреки решению товарищей начать забастовку, становится на работу»[2]. Несмотря на очевидную неполноту данного определения, отметим, что оно точно отражало ключевой аспект штрейкбрехерства, а именно нарушение рабочей солидарности во время трудового конфликта.

Жаргонизм употреблялся в пролетарской и социал-демократической среде и как синоним предателя, без прямой связи с забастовками. Характерным примером этого может служить известное письмо В. И. Ленина, направленное в ЦК РСДРП (б) накануне октябрьского переворота, в котором лидер большевиков назвал «штрейкбрехерскими» действия двух своих видных соратников Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева[3]. При этом, под «штрейкбрехерством» понимались не действия, направленные на поражение забастовки или ухудшение положения рабочих, а саботаж вооруженного восстания.

Бастующие, видя во время трудового конфликта своих собратьев по другую сторону баррикад, воспринимали это как эгоистичный и подлый поступок, так как работавшие во время стачки впоследствии сами нередко пользовались преференциями, с боем добытыми их же товарищами. Соглашательство штрейкбрехеров, их отказ от участия в общем деле, налагали дополнительные

---

[1] Зиновьев Г. Е. Партия и профсоюзы. М; Л.: Госиздат, 1929. Т.6. С. 206.
[2] Малый энциклопедический словарь. Т. 2. Вып. IV. СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1909. С. 2100.
[3] Ленин В. И. Письмо к членам партии большевиков // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 34. С. 419.

риски, ставя под угрозу разрешение трудового конфликта в пользу рабочих. В стихотворении под названием «Иван»[1], опубликованном осенью 1913 года в одном из номеров большевистской газеты «Наш путь», штрейкбрехерство рабочих метко сравнивалось с действиями свиньи из известной басни И. А. Крылова «Свинья под дубом»:

«Одни работают, а мы бороться станем,
И на работу мы не встанем,
А если нас сорвут, товарищи пусть вспомнят
Крыловскую свинью: что дереву она
Тому вредила,
С которого кормилася сама!»[2].

Рабочим, выступавшим на стороне своих хозяев во время забастовок, давали эмоционально окрашенные прозвища, подчёркивающие их предательство. В Российской империи наряду со «штрейкбрехерами» таких работников называли «изменниками рабочего дела»[3], «Иудами»[4], «чёрными рыцарями»[5] и другими неблаговидными кличками. Стоит отметить, что до распространения германизма «штрейкбрехер» на территории нашей страны, в жаргоне российского пролетариата, несмотря на более чем два десятилетия всё возраставшей забастовочной активности, единого, закрепившегося наименования для лиц, срывавших стачку, судя по всему, не существовало. В уже упомянутом нами словаре, вышедшем в 1901 году, использовался дословный перевод с немецкого, «ломающие стачку», отечественных же эквивалентов немецкому термину указано не было[6].

---

[1] Стихотворение повествует о рабочем по имени Иван, который, ища работу, решает поступить на забастовавшую фабрику штрейкбрехером. Однако, послушав разговоры бастующих и осознав вред штрейкбрехерства, он отказывается от своей затеи и уходит домой.
[2] Наш путь. 1913. 3 сентября. № 8. С. 4.
[3] Курьер. 1906. 3 июня. № 16. // ГА РФ. Ф. Р6935. Оп. 3. Д. 37. Л. 209.
[4] ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 5085. Л. 1.
[5] Правда. 1912. 4 сентября. № 108. С. 2.
[6] Энциклопедический словарь Т. 39 а: Статика – Судоустройство. СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1901. С. 528.

В ряде стран Запада, где рабочие к началу XX века имели богатый опыт организованной стачечной борьбы, устоявшиеся в обиходе аналоги рассматриваемого понятия уже были. Почти все они носили позорящий, уничижительный характер и нередко опирались на местную специфику. На родине тред-юнионизма, в Англии, тех, кто не заканчивал работу по требованию бастующих, презрительно называли «scab», что дословно означало «струп», «парша». Такие рабочие сравнивались с грибком, поражавшим здоровые участки кожи человека и, вероятно, в глазах забастовщиков отождествлялись с отвратительного вида наростами на теле рабочего класса. Обрело популярность и другое прозвище, «rat» (крыса), с которым связана любопытная традиция, распространившаяся в новейшее время уже на территории США. Здесь, со второй половины 70-х годов XX века, частым гостем на демонстрациях профсоюзов является надувная фигура крысы, получившая в 1990 году кличку «Scabby», символизирующая штрейкбрехера или рабочего, не состоящего в профсоюзе[1].

Распространенными в Великобритании жаргонизмами являются также «blackleg» и «knobstick». Известно, что «черноногими» в XIX веке здесь называли шахтёров, продолжавших работать в угольных шахтах во время стачки. Бастующие узнавали их по грязным ногам, когда те возвращались с работы. В XIX веке в среде шахтёров Нортумберленда появилась и стала популярной песня «Blackleg miner», посвященная таким рабочим. По её сюжету, бастующие ловят и калечат незадачливого «черноногого», а также выбрасывают его одежду и инструмент[2]. Песня прекрасно иллюстрировала общую ненависть и презрение, сопровождавшие штрейкбрехеров, и призывала тех под угрозой смерти вступать в профсоюз. Отметим, что в рассмотренной нами статье Альберта Эльба наряду со «Streikbrecher» упоминается и прозвище «blackleys», что, в свою очередь, может являться искаженным англицизмом «blackleg»[3].

---

[1] Gannon D. The story behind «Scabby the Rat». // 6sqft. 2017. July 12. [Электронный ресурс] URL: https://www.6sqft.com/scabby-the-rat-an-iconic-symbol-of-unionized-labor-in-nyc/

[2] Blackleg miner. // Mainly Norfolk: English Folk and Other Good Music. [Электронный ресурс] URL: https://mainlynorfolk.info/louis.killen/songs/blacklegminers.html

[3] Elm A. V. Lehren des Hamburger Streiks. // Sozialistische Monatshefte. 1987. № 2. S. 73.

Другим прозвищем, «knobstick», штрейкбрехеров нарекали уже во время забастовки ткачей города Престон в 1853–1854 годах[1]. Дословно переводящееся как «набалдашник» оно, в вульгарной трактовке, могло применяться в качестве синонима отщепенца и изгоя, так и мужского полового органа[2].

В испаноязычных странах для обозначения штрейкбрехеров применялся как относительно нейтральный термин «rompehuelgas», дословно означавший «ломающие стачку», так и получившие своё распространение ещё в середине XIX века уничижительные клички «esquirol» и «carnero». Первая из них происходит от названия населённого пункта Санта-Мария-де-Корко, также известного как «l'Esquirol»[3], откуда набирали штрейкбрехеров для срыва забастовки ткачей в испанском городе Манльеу. Второе прозвище, обретшее особую популярность в странах Латинской Америки, дословно означает «баран» и намекает на популярную испанскую поговорку о баране, что ведомый жадностью, нанёс вред самому себе[4].

Самобытные прозвища для обозначения штрейкбрехеров также были в Италии, где их называли «crumiro», отождествляя с дикого вида рабочими-арабами, которых завозили в страну из Северной Африки и привлекали, в том числе, для срыва забастовок; Франции, где применявшийся к таким работникам жаргонизм «renard» дословно обозначал «лисица», но мог и употребляться в значении «потаскуха», и в ряде других стран[5].

Для «ломающих стачку» существует ещё одно прозвище, ставшее интернациональным: «желтые». Так называют профсоюзы, отринувшие идею

---

[1] Dutton H. Ten Per Cent and No Surrender: The Preston Strike, 1853 – 1854. Cambridge.: Cambridge University Press, 1981. P. 204.

[2] Мостобай Т. Ф. Специфика обращения к викторианству в романе Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» и Д. Лоджа «Хорошая работа». // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. № 10. Новополоцк.: ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, 2011. С. 64.

[3] С исп.: «Белка».

[4] Sandrini P. El origen de las palabras «esquirol» y «carnero». // La Izquierda Diario. 2017. 2 de marzo. [Электронный ресурс] URL: https://www.laizquierdadiario.com/El-origen-de-las-palabras-esquirol-y-carnero.

[5] Nieto A. Rompehuelgas: sus lugares en las comunidades portuarias. // Revista de Estudios Marítimos y Sociales. Numero 17. Mar del Plata.: Universidad Nacional de Mar del Plata, 2020. P. 11.

классовой борьбы и вставшие на путь социального партнёрства и неучастия в забастовках. Впервые штрейкбрехеров стали ассоциировать с желтым цветом во Франции. Согласно исследованию советского учёного Е. О. Шатана, начало этой практике положили события, произошедшие в Париже, на рубеже XIX–XX веков. Во время конфликта с членами «красного» профсоюза группа штрейкбрехеров нашла убежище в одной из столичных кофеен, которую разъяренные рабочие стали забрасывать камнями. Разбитые окна этого заведения впоследствии заклеивали желтым картоном, что и породило подобное отождествление[1]. По другой версии, появление прозвища было связано с эмблемой выступавших против забастовок французских профсоюзов – желтым жёлудем[2]. Добавим, что желтый цвет также является символом предательства и ассоциируется с христопродавцем, изменником Иудой, что вполне соотносится с той ролью, которую играли штрейкбрехеры в глазах большинства рабочих[3].

Цветообозначение, появившись во Франции, впоследствии прочно вошло в обиход на Западе, где к середине 30 – х. годов XX века только в США в подконтрольных предпринимателям «желтых» союзах состояло 2,5 млн рабочих[4]. Однако широкого распространения среди российского пролетариата оно не получило. В начале XX века на территории нашей страны штрейкбрехерство скорее ассоциировалось с другим цветом, чёрным. Связано это было с антизабастовочной деятельностью правых, монархических организаций, вошедших в историю под общим названием «Чёрной сотни». Производный от этого ярлык «черносотенца» хоть и считался ругательным среди социалистов и революционно настроенных рабочих, но сами монархисты носили его с

---

[1] Шатан Е. О. Профсоюзы Западной Европы. Харьков.: Пролетарий, 1926. С. 97.

[2] Мукаева А. У., Юсупова Н. Р. Образность фразеологических единиц с компонентом цвета (на материале Французского языка). // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 44. Новосибирск.: Сибирская академическая книга, 2015. С. 84.

[3] Чуприна Е. А. Цветообозначения в европейских языках. // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 98-летию образования Белорусского государственного университета. Минск.: БГУ, 2019. С. 542.

[4] Кан А. Ю. Измена родине. Заговор против народа. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. С. 190.

гордостью[1]. В то же время ни предприниматели, ни власти не употребляли в адрес привлекавшихся для срыва стачек рабочих жаргонизм «штрейкбрехер», предпочитая называть их «консервативным элементом», «благоразумными работниками» и другими схожими наименованиями. Не называли себя им и черносотенцы.

В источниках и литературе встречаются диаметрально противоположные оценки штрейкбрехерства как явления. Уже в XIX веке ставился вопрос «моральности» участия рабочего срыве стачки. Члены «боевых» профсоюзов, участники революционного и забастовочного движения проявляли интернациональную ненависть и презрение к штрейкбрехерам, что даже находило отражение в программных документах некоторых рабочих организаций. Так, например, о «ломающих стачку» было сказано в тексте английского «Общего устава союза сапожников»: «Нарушающий забастовку для своей профессии представляет собою тоже, что изменник для своей родины; во время борьбы оба могут быть полезны той или другой из враждующих сторон, но в мирное время они всем внушают презрение к себе. Когда требуется помощь, нарушитель забастовки последний оказывает своё содействие, но он первый готов воспользоваться той выгодой, для достижения которой он никогда не работал. Он заботится только о самом себе, но он не думает о завтрашнем дне; ради кратковременного и ничего не стоящего успеха он рад продать друзей, семью и страну <…> Он – свой собственный враг, враг современного и будущего поколения»[2].

С неменьшим презрением относились к «ломающим стачку» и организованные трудящиеся Российской империи. Например, на проходившем во время забастовки омских торговых служащих в сентябре 1906 года собрании стачечников, один из ораторов высказался о штрейкбрехерах следующим образом: «Товарищи, не возмущайтесь тем, что некоторые служащие не с нами, а

---

[1] Омельянчук И. В. Монархическое (черносотенное) движение в России в 1905–1917 гг. // Ортодоксия. М.: Русская экспертная школа, 2021. № 4. С. 85.

[2] Цит. по: Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб.: Тип. Общественная польза, 1907. С. 111–112.

там за прилавком своих хозяев. На минуту представьте этих отсутствующих – это все Богом обиженные, бесталанные, которые не умеют работать, а лишь пресмыкаются и ползают перед своими хозяевами. Вы помните, что сказало купечество г. Москвы, когда ему были поднесены подписи не примкнувших к забастовке. Оно знало своих служащих хорошо, оно прочитало эти списки и ужаснулось кто с ними. Оно с брезгливостью заметило: «это подлецы, которые изменяют своим товарищам». Купечество не поверило им и было право: эти отбросы могли обмануть и своих хозяев»[1].

Критическое отношение к штрейкбрехерству прослеживается у исследователей левого толка. К примеру, российский юрист Н. Н. Полянский, ещё в 1907 году, при рассмотрении вопросов касающихся свободы коалиций и стачек, оспаривал тезисы о специальной охране «желающих работать», отмечая, что во время забастовки речь идёт не об индивидуальной свободе того или иного рабочего, а о групповых интересах трудящихся[2]. Полагая, что штрейкбрехеры своими действиями «…не только поступают наперекор требованиям профессиональной или корпоративной чести, но и причиняют ощутимый ущерб материальным интересам организаторов и участников забастовки»[3], он отстаивал право рабочих организовывать пикеты и публично оглашать имена штрейкбрехеров, показывая, что эти меры необходимы для успеха коалиционной деятельности рабочих.

Советский учёный-марксист Е. А. Преображенский, в своём исследовании, посвященном морали, взглянул на штрейкбрехерство с точки зрения классовой теории. Он отмечал, что это явление расходится с интересами трудящихся и наносит серьёзный ущерб борьбе и сплочённости рабочего класса, а потому порицается рабочими, как одно из самых тяжелых преступлений[4]. Преображенский указывал, что попытки пристыдить штрейкбрехеров, равно как и

---

[1] Иртыш. 1906. 20 сентября. № 49. // ГА РФ Ф. 6935. Оп. 3. Д. 32. Л. 17.
[2] Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб.: Тип. Общественная польза, 1907. С. 108.
[3] Там же. С. 111.
[4] Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. М; П.: Госиздат, 1923. С. 12.

принуждение их к забастовке, являются всецело в интересах пролетариата. В то же время для капиталистов срывающие стачку работники выгодны, поэтому насилие над ними выдается буржуазией за нарушение «общечеловеческих» моральных норм. Различие в классовых интересах порождает и ненависть к штрейкбрехерам со стороны сознательных рабочих. Там, где первые следуют нормам своего классового врага и идут по пути индивидуализма и конкуренции, вторые, наоборот, стоят на позициях солидарности и взаимопомощи[1].

Существует и другая точка зрения на штрейкбрехерство. Её обоснованием занимались ученые и публицисты преимущественно «либерального» лагеря. В отличие от марксистов и социалистов, акцентировавших внимание на групповых, классовых интересах трудящихся, этими авторами во главу угла ставилась индивидуальная свобода работника, или же «свобода труда».

Так, англичанин Уильям Коллинз, создатель крупнейшей в истории Великобритании штрейкбрехерской организации, обосновывал борьбу с забастовками необходимостью противодействия «тирании» профессиональных союзов в отношении не состоявших в них работников, т. н. «аутсайдеров». В Англии уже ко второй половине XIX века вошли в практику соглашения между предпринимателями и тред-юнионами, по которым во многие отрасли промышленности ограничивался доступ таким рабочим для недопущения снижения расценок на рынке труда.

Члены элитарных тред-юнионов часто воспринимали «аутсайдеров» как людей второго сорта. Такое отношение испытал на себе и будущий «Король штрейкбрехеров», при попытке устроится на работу без профсоюзного билета: «Я чувствовал, что меня преследуют и что я во власти тирании, которая, казалось, распространялась, как гниль, по всей поверхности индустриального мира, – писал позже Уильям Коллинз в мемуарах, – Я был человеком исключительной физической силы; у меня был безупречный послужной список, и я просил работу. Недостатка в работе не было. Напротив, работа ждала меня, но я был изгоем среди рабочих, потому что не принадлежал к определенному профсоюзу <…> В

[1] Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. М; П.: Госиздат, 1923. С. 18–23; 68.

то время мне пришло в голову, что должны быть тысячи других людей, таких же способных, как я, с таким же безупречным послужным списком, которые разделяют мое состояние отверженности. Тогда я подумал, что, если бы мы могли встретиться и провести совет вместе, мы могли бы прийти к некоторым общим стратегиям защиты и возмездия. Это была моя первая смутная мысль о свободе Труда…»[1].

Итогом изысканий Коллинза стало открытие им в 1893 году в Лондоне «Национальной ассоциации свободного труда». Его организация за 20 лет собрала под свои знамёна около 850 000 несоюзных работников и способствовала срыву 682 забастовок[2]. Несмотря на «грязные» методы работы ассоциации, участие в заказных убийствах профсоюзных деятелей, а также полную зависимость от предпринимателей и консервативных политиков, Коллинз представлял создание своего детища как акт социальной справедливости, защиты от «тирании» и проявление свободы человека трудиться и выбирать место работы.

Нередко во время стачек о «свободе труда» вспоминали и предприниматели, стараясь вразумить бастующих. Уже упоминавшийся Е. А. Преображенский, в своей работе приводил пример подобных речей: «…вот на сцену появляется фабрикант и обращается к стачечникам с громовой речью. Нужно бы ожидать, что он скажет: «Мошенники, вы <…> мешаете мне сорвать стачку, вы нагреваете меня на десятки тысяч рублей убытку». Ничего подобного. Наш фабрикант предпочитает язык морали. «Как, вы препятствуете работать желающим? — говорит фабрикант. — «Но ведь вы покушаетесь на свободу человека, вы совершаете насилие над личностью. Разве вы сами не хотите свободы? Почему же вы посягаете на эту свободу по отношению к другим, раз они с вами не согласны?»[3].

Несколько с иных позиций смотрели на штрейкбрехерство черносотенцы. Безусловно порицая забастовки и считая их вредными, в том числе, для

[1] Collison W. The Apostle of Free Labour. London.: Hurst and Blackett, 1913. P. 42.
[2] Alderman G. The National Free Labour Association // International Review of Social History. XXI. 1976. P. 324.
[3] Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах / М; П.: Госиздат, 1923. С. 18–19.

благополучия самих рабочих, в их глазах те трудящиеся, которые не присоединялись к стачечному движению, виделись честными, благоразумными, трудолюбивыми людьми. Так, во время забастовки судовых и портовых рабочих в Одессе в конце 1906 года, «Союз русского народа» представлял действия штрейкбрехеров по замещению судовых команд как «патриотическое дело» истинно русских людей[1]. В мае 1914 года, правая газета «Свобода и порядок», с восторгом писала о работниках патронного завода в Петербурге, сдавших полиции агитатора и отказавшихся примыкать к забастовке: «Среди рабочих этого прекрасного завода царит бодрый дух созидательного труда и надежды на то, что и другие их собратья очнутся от угара забастовочно-революционного движения и <…> объединившись в общий честный и благоразумный союз рабочих, достигнут при помощи Царского правительства благополучного разрешения рабочего вопроса и устройства рабочей жизни»[2]. Из примеров следует, что черносотенцы, очевидно, положительно относились к штрейкбрехерству, видя в нём проявление «честного труда».

Американский экономист, либертарианец Уолтер Блок, рассматривает штрейкбрехерство с позиций рыночных отношений. В своей книге «Defending the undefendable», вышедшей в 1976 году, он приводит аргументы в защиту этого явления. В штрейкбрехере он видит участника капиталистического рынка, осуществляющего обмен своей рабочей силы на заработную плату в условиях забастовки. По его утверждению, неверно заявлять, что штрейкбрехеры выполняют работу забастовщиков, так как сама работа не может принадлежать кому-либо, являясь предметом торговли между работником и работодателем[3].

Блок экстраполирует понятия «моя работа» и «моё рабочее место», к которым апеллируют забастовщики, на них самих: «Что, если бы один работодатель обвинял в штрейкбрехерстве другого, осмелившегося нанять «его»

---

[1] Народный труд. Сборн. 8-й. Спб.,1906. С. 61–70. // ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 3. Д. 609. Л. 75.
[2] Свобода и порядок. 1914. 31 мая. № 112. С. 3.
[3] Блок У. Овцы в волчьих шкурах: в защиту порицаемых. / Пер. с англ. под ред. В. Новикова. Челябинск.: Социум, 2011. С. 279.

работника!»[1] - восклицает он. Обозначенный Блоком подход не порицает штрейкбрехерство, но даже приветствует его, так как это явление составляет неотъемлемую часть свободной конкуренции, а значит, не противоречит нормам капиталистического рынка. Важным аспектом, на котором стоит автор в оправдании штрейкбрехеров, является вопрос собственности. Рабочий для американского экономиста видится в первую очередь собственником своей рабочей силы. Вступая в добровольные контрактные отношения с владельцем рабочих мест, он совершает акт торговли и выступает как субъект частнособственнических отношений. Возможные проявления насилия со стороны штрейкбрехеров в отношении забастовщиков автором порицаются, однако здесь он подмечает, что насилие не является определяющей характеристикой штрейкбрехеров, а инициаторы его действуют в первую очередь как отдельные люди, а не как штрейкбрехеры[2].

Итак, термин «штрейкбрехер» и подобные ему жаргонизмы формировались в языках рабочих мира на протяжении XIX – начала XX веков. Вероятно, эта тенденция была связана с последствиями промышленной революции, появлением крупных капиталистических предприятий с тяжелыми условиями труда и, как следствие, ростом числа стачек, в ходе которых бастовавшие работники сталкивались с теми из своих коллег, кто не примыкал к их протесту. Термины, обозначавшие штрейкбрехеров, вне зависимости от страны появления, носили уничижительный характер, что, в восприятии бастующих, подчеркивало как оторванность этих работников от остального коллектива, так и подлость, и бесчестность совершаемых ими поступков. Несмотря на это, штрейкбрехерская деятельность имеет диаметрально противоположные оценки среди ученых и публицистов. Как правило, выступали против штрейкбрехеров исследователи левых взглядов, концентрируя внимание на вреде, который те несут общим интересам рабочих. Одобряли же штрейкбрехерство авторы правого лагеря, видя

[1] Блок У. Овцы в волчьих шкурах: в защиту порицаемых. / Пер. с англ. под ред. В. Новикова. Челябинск.: Социум, 2011. С. 280.
[2] Там же. С. 281.

в нём, в зависимости от идейных позиций, как проявление «свободы труда» и индивидуальной свободы личности, так и «патриотическое дело», честный труд на благо страны. Показательно и практически полное отсутствие нейтральных оценок, что, в свою очередь, может свидетельствовать как об острой идеологизированности в рассмотрении изучаемого явления, так и его социальной значимости.

1.2 Мотивация и социальный состав российских штрейкбрехеров

Многие забастовки рабочих в конце XIX – начале XX века, вне зависимости от конкретных целей их участников, призваны были, так или иначе, улучшать положение трудящихся. Различные левые партии и организации в своих прокламациях разъясняли пролетариату необходимость и важность солидарного выступления в период стачки, показывали выгоду этого способа борьбы за свои права. Действительно, в результате забастовок российским рабочим удавалось добиваться более человечных условий работы, уважительного к себе отношения, увеличения заработной платы и других целей. Однако среди рабочих и служащих оставалось немало тех, кто не примыкал к забастовкам или же вовсе им противодействовал. Постараемся выявить основные побудительные мотивы участия российских штрейкбрехеров в срыве стачек и определить их социальный состав.

Современный российский социолог И. М. Козина указывает, что штрейкбрехеры, как правило, набирались из деклассированных и несознательных работников, а основой штрейкбрехерства являлась безработица[1]. В целом, это утверждение применимо и к реалиям Российской империи конца XIX – начала XX века. Регулярные неурожаи и голод в провинциях способствовали массовому отходничеству крестьян, вынужденных обивать проходные предприятий, в надежде найти работу. Квалификация таких работников зачастую оставляла

[1] Козина И. М. Рабочее движение в России: Анатомия забастовки. // Журнал исследований социальной политики. № 4. Т. 7. Москва.: Высшая школа экономики, 2009. С. 497.

желать лучшего, но под угрозой голодной смерти, они с охотой шли на бойкотируемые места.

Малоквалифицированные, легко заменяемые работники, боявшиеся увольнения, были гораздо покорнее администрации. Готовые браться за любую работу чернорабочие и крестьяне-отходники действительно являлись социальной базой штрейкбрехерства. Зависимые от сезона работ, они не только привлекались хозяевами для борьбы с забастовщиками, но и даже сами иногда проявляли в этом деле инициативу. Например, во время стачки иваново-вознесенских рабочих, проходившей с мая по июль 1905 года, работники из числа «серяков» и «кафтанов», узнав о том, что забастовка ткачей подходит к концу, потянулись в город, намереваясь найти здесь подсобную работу. Их присутствие дополнительно ослабило сплочённость забастовщиков, ускорив свёртывание стачки. Фиксировались даже стычки между передовыми рабочими и представителями «кафтанов». Последние, испытывая крайнюю нужду, отчитывали руководителей забастовки: «Долго ли вы нас проморите? Скоро ли начнете работы?»[1].

Во время Первой русской революции неквалифицированные работники сыграли свою роль в штрейкбрехерстве и на территории одесского порта. Из-за больших очередей на рабочие места многие грузчики здесь трудились не более 15 дней в месяц, остальное время, вынужденно прозябая в ночлежках[2]. Этой ситуацией воспользовались местные власти, предприниматели и «Союз русского народа». Используя недовольство грузчиков своим положением, а также умело разжигая межнациональную вражду (в порту работало много рабочих-евреев, специализировавшихся на погрузке некоторых видов товаров), правым удалось создать здесь в начале 1907 года свои штрейкбрехерские артели, которые на время парализовали забастовочную активность. Однако эти организации не

[1] Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году. // Сб. документов и материалов. Иваново.: Ивановское книжное издательство, 1955. С. 238.
[2] Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М.: Яуза – Пресс, 2013. С. 384.

смогли защитить своих членов от произвола предпринимателей, и уже в конце 1907 года среди грузчиков в артелях начались брожения[1].

Труд штрейкбрехеров-чернорабочих применялся даже в тех областях промышленности, которые требовали от трудящихся определённых умений и навыков. Так, в ходе стачки московских булочников в апреле 1905 года, хозяева за повышенную плату привлекали к выпеканию хлеба спившихся маргиналов с Хитровки, стараясь хоть как-то возобновить работу своих пекарен[2].

Во время забастовки в Поти на лесопильном заводе Сбровоякина в 1913 году, агенты администрации набирали штрейкбрехеров из числа обнищавших батумских татар. В итоге им удалось привести на завод 36 рабочих, находившихся в отчаянном финансовом положении. Набранные работники, узнав о тяжелых условиях труда на предприятии, попытались было уехать, но ввиду того, что агенты администрации отобрали у них паспорта и отказались возвращать их, пока те не приступят к работе, всё же вынужденно пошли на штрейкбрехерство[3].

Желая на время стачки иметь под рукой покладистых и не требовательных сотрудников, хозяева привлекали на замену бастующим особо уязвимых работников: женщин, стариков, подростков. Например, в сентябре 1913 года, во время забастовки на фортепианной фабрике братьев Дидерихс в Петербурге, администрация набирала штрейкбрехеров из мальчиков, учеников, стариков и инвалидов[4].

Слабая социальная поддержка рабочих со стороны предпринимателей и властей, способствовала тому, что тех, кого вела на путь штрейкбрехерства нужда, было немало и среди квалифицированных рабочих. В случае закрытия фабрики по тем или иным причинам, её работники зачастую мгновенно оказывались в условиях нищеты. Хорошим примером привлечения таких работников на бойкотируемые места могут служить события в Тейково в конце

---

[1] Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М.: Яуза – Пресс, 2013. С. 399.
[2] Профессиональное движение московских пищевиков в годы первой революции. Сб. 1. С. 106.
[3] Новая рабочая газета. 1913. 30 октября. №. 70. С. 3.
[4] Новая рабочая газета. 1913. 11 сентября. №. 29. С. 3.

осени 1911 года, где приехавшие из Златоуста со сгоревшей фабрики ткачи, под угрозой голода, сорвали упорную стачку своих коллег: «Сначала /мы/ раб. баст.[1] думали, что они не знают про забастовку и что узнавши о ней уедут восвояси. Но это мнение оказалось ошибочно. Первая партия приезжих ткачей, состоявшая из 25 человек, хотя про забастовку и узнала от местных ткачей, но не только не уехала обратно, но и ещё привезла новых. Теперь их работает человек 200–250. <…> И так забастовка проиграна благодаря приезду новых ткачей. Им положили 1 рубль в день мужчине и 80 копеек женщине, а также дали хозяйские квартиры и стол. Они и сорвали забастовку. Много в этом направлении поспособствовал и голод. Теперь у нас все живые силы выкинуты и всё разрушено. Надежд на восстановление профессионального общества нет. Выкидывается 300 человек и с семействами до 1000 человек остаётся без хлеба»[2] – писал о последствиях приезда штрейкбрехеров один из рабочих-активистов.

В условиях массовой нищеты и бедственного положения рабочего класса, те работники, которым удавалось занять привилегированное или просто стабильное положение, подчас держались за своё место всеми силами. Некоторые из них, находясь на хорошо оплачиваемых должностях, негативно относились к забастовкам, так как последние нарушали нормальный ход работ, негативно сказываясь на их финансовом положении. Не желая терять жалование и расположение начальства из-за действий бастующих, такие сотрудники нередко оставались на стороне хозяев во время трудового конфликта и либо тайком, либо открыто становились на бойкотируемые места.

Так, в Иваново-Вознесенске, по воспоминаниям большевика Ф. Н. Самойлова, антизабастовочные настроения преобладали среди самых обеспеченных трудящихся: мастеров, подмастерьев и табельщиков, которые не только не сочувствовали забастовочному движению, но и относились к нему с

[1] Бастующие рабочие.
[2] ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 4. Д. 161. Л. 173.

явной враждебностью[1]. Среди московских булочников штрейкбрехерствовали и выполняли функции хозяйских шпионов приказчики пекарен, чьё положение было более стабильным, чем у рядовых пекарей[2]. В ходе ноябрьской всероссийской забастовки почтово-телеграфных служащих 1905 года, ядро штрейкбрехеров составляли чиновники высших разрядов, отрицательно относившиеся к стачке[3].

Отсюда, на наш взгляд следует, что социальный состав штрейкбрехеров преимущественно состоял как из неквалифицированных и наиболее уязвимых рабочих (чернорабочих, отходников, голодающих крестьян, женщин, инвалидов, стариков, мальчиков и подростков) так и хорошо оплачиваемых, квалифицированных работников и представителей рабочей аристократии. Штрейкбрехеры при этом являлись очень неустойчивой социальной группой, в её рядах мог оказаться любой работник, от забитого и бесправного подростка-чернорабочего, до пламенного профсоюзного агитатора, сломавшегося под давлением обстоятельств. Однако заметность участия в срыве стачек выявленных категорий трудящихся показывает, что основным мотивом штрейкбрехерства на территории Российской империи являлся в первую очередь экономический фактор. Основа изучаемого явления, находящаяся в сфере трудовых отношений, тоже напрямую сигнализирует об этом.

В ряду причин, толкавших российских рабочих на участие в срыве забастовок отдельно стоит выделить идеологические и ценностные установки некоторых из них. Идейное штрейкбрехерство получило широкое распространение на всей территории нашей страны. В конце XIX – начале XX века относительно спокойная и размеренная жизнь Российской империи была нарушена обострившимися противоречиями и кризисами, а широкие массы российских подданных оказались втянуты в водоворот социальных и

---

[1] Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году. // Сб. документов и материалов. Иваново.: Ивановское книжное издательство, 1955. С. 62.

[2] Профессиональное движение московских пищевиков в годы первой революции. Сборник 1. М.: Мосгуботд. союза пищевиков, 1927. С. 102.

[3] Иванова Н. А., Шелохаев В. В. Всероссийская почтово-телеграфная забастовка в ноябре 1905 года //Вопросы истории. 1976. № 10. С. 58.

экономических потрясений, революций и войн. Радикализм «освободительного» движения, террор революционеров, массовые забастовки с сопутствующими им тяготами и невзгодами, порождали у населения чувство неуверенности в завтрашнем дне, недовольство методами революционеров и забастовщиков[1]. Происходила и социально-политическая поляризация общества. Среди выступавших против забастовочного движения, были как просто считавшие себя «честными подданными» и желавшие спокойствия в вихре перемен, так и те, кто готов был рьяно отстаивать идеалы монархического строя.

Примерами идейного штрейкбрехерства могут послужить акты противодействия забастовкам со стороны патриотично настроенных подданных империи, а также деятельность членов правых союзов, появление которых стало, в том числе, реакцией на события Первой русской революции. В октябре 1905 года произошла своего рода «контрреволюция» снизу, объединившая тех подданных, кто был недоволен манифестациями и забастовками революционеров. Являвшаяся, по сути своей, чередой стихийных выступлений, она быстро вылилась в погромы и нападения на социалистов, агитаторов и прочих, как писал 27 октября 1905 года своей матери император Николай II, «скверных людей»[2]. Среди тех, кто выступил против «крамолы» было немало рабочих и служащих.

Консервативная печать отмечала случаи противодействия забастовкам в пролетарской среде. Например, 11 октября 1905 года правая газета «Московские ведомости» сообщала, что во дворе товарной станции Московско-Нижегородской ж/д., прибывшие туда за приёмом товаров ломовые извозчики, озлобленные невозможностью начать работы из-за железнодорожной забастовки, избили бастующих кондукторов[3]. В ноябре того же года газета писала о неудачных попытках агитаторов принудить к забастовке уже петербургских извозчиков, которые, несмотря на нападения «крамольников», дали им отпор и не остановили

---

[1] Белов А. М. Проявление революционных и антиреволюционных настроений в условиях модернизации России в начале XX века. // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Том 20. № 6. Калуга.: Изд. – во КГУ, 2014. С. 90.

[2] Письмо Николая II к Марии Федоровне от 27 октября 1905 г. // Красный архив. 1927. Т. 3. С. 169.

[3] Московские ведомости. 1905. 11 октября. № 270. С. 3.

движения. Упоминала она и о случаях задержания и враждебного отношения к «забастовочным делегатам» со стороны торговых служащих Петербурга[1].

С 1908 по 1914 годы под эгидой «Русского народного союза имени Михаила Архангела» выпускалась «Книга русской скорби», представлявшая собой список биографий погибших от рук революционеров деятелей реакции. Несмотря на то, что среди упомянутых в ней лиц большинство составляли чины полиции, нашлось в ней место и представителям рабочего класса, а также служащим (главным образом, на железных дорогах), выступавшим во время забастовок в качестве штрейкбрехеров. Сама «Книга…» была написана исключительно эмоциональным языком и являлась важным пропагандистским материалом[2]. Здесь в жизнеописания конкретных людей вплетались идеологические постулаты правых.

Интересно, например, изложена биография табельщика Великолуцких железнодорожных мастерских Игнатия Савельева. Во время всеобщей забастовки в октябре 1905 года он уклонился от участия в ней и вместе со своими товарищами фактически организовал бесперебойную работу мастерских. Помимо этого, Савельев вёл активную агитацию против «освободительного» движения, чем настроил против себя революционеров, которые и организовали убийство непокорного табельщика весной 1906 года. В тексте посвященной ему заметки можно найти типичные для правой печати агитационные штампы, направленные на дискредитацию забастовочного движения. Указывается, что рабочие сами виноваты в собственном угнетении, так как оно происходит «…от (их) лени, пьянства, невежества, безграмотности»[3], тем самым подразумевая, что только честный труд приводит к процветанию. Отмечается и вред забастовок для трудящихся. В частности, безапелляционно сообщается, что октябрьская политическая стачка была устроена с целью разорить рабочих, лишить их

[1] Московские ведомости. 1905. 13 ноября. № 299. С. 2.
[2] «Книга…» была нацелена на распространение среди широкого круга читателей разного достатка, для чего цена первого номера была снижена до 40 копеек. Издания «Книги…» также закупались властями и распространялись среди нижних чинов полиции.
[3] Пуришкевич В. М. Книга русской скорби. Вып. 1. СПб.: Типо – литография Невский, 1908. С. 134.

пропитания и, тем самым, заставить обездоленных людей поддержать революционеров[1].

Ярким примером идейного штрейкбрехерства, приведённого в «Книге…», служит судьба и другого железнодорожного служащего, Льва Осиповича Вартенбурга, работавшего начальником службы тяги в Тифлисе. Стойкий противник стачек, он, во время забастовки в 1904 году, вместе с начальником депо лично подал паровоз под пассажирский поезд, с которым отказались ехать бастующие машинисты: «Л. О.[2] и начальник депо отправились только вдвоём в депо и вывели оттуда в присутствии нескольких тысяч забастовавших рабочих паровоз и подвели его к поворотному кругу. Некоторые из рабочих хотели помочь им, но были забросаны камнями. Тогда Л. О. сошел с паровоза и вместе с начальником депо при безмолвствующей толпе повернул паровоз и подал его под поезд. Этот геройский пример увлёк одного из машинистов: он вскочил на паровоз, поезд пошел, и публике была дана возможность уехать из бунтующего город»[3].

Вартенбург отметился и во время забастовки в 1905 году, доведя оставленный за семафорами поезд по занятым бунтовщиками путям на станцию в Тифлис. В своём отклонённом прошении об отставке Лев Осипович указывал, что делал всё от него зависящее для поражения забастовок и организации «…наилучшего хода дела»[4] на своём участке. Вред, который наносил своим штрейкбрехерством Вартенбург, не остался незамеченным революционерами и в июне 1906 года, он был убит ими у своего дома[5].

Как видно из приведённых примеров, правые настроения и идейное штрейкбрехерство получили особое распространение на железных дорогах. Несмотря на имевшуюся дифференциацию по заработной плате,

---

[1] Пуришкевич В. М. Книга русской скорби. Вып. 1. СПб.: Типо – литография Невский, 1908. С. 135.
[2] Лев Осипович.
[3] Пуришкевич В. М. Книга русской скорби. Т. 7. СПб.: Типо – литография Невский, 1911. С. 118.
[4] Там же. С. 119.
[5] Там же. С. 120

железнодорожники пользовались определённым кругом льгот и преференций, что выделяло их среди других категорий рабочих, а полиция и охранка по мере сил старалась здесь укрепить положение «консервативного элемента», ввиду особой важности отрасли для государства. Как отмечал в своей статье И. В. Омельянчук, именно среди железнодорожных рабочих чаще всего возникали различные монархические общества, что в свою очередь исследователь связывал с высоким уровнем заработной платы на железных дорогах[1]. Таким образом, среди рабочих и служащих, состоявших в правых организациях, для которых участие в забастовках особенно сильно било по карману, мотивами штрейкбрехерства становились не только их идейные воззрения, но и уже упоминавшийся экономический фактор, выражавшийся в нежелании терять свой доход.

Наличие, однако, выраженного идейного штрейкбрехерства, на наш взгляд, отличает российское рабочее движение от, например, английского, с его подчёркнутым экономизмом. Многие создававшиеся во время низового порыва против революции монархические организации, действительно объединяли людей, истово ненавидящих «крамолу». Власти империи практически сразу стали брать возникавшие союзы под своё крыло. Например, уже в декабре 1905 года основанное месяцем ранее петербургское «Общество активной борьбы с революцией и анархией», по ходатайству своих учредителей получило от Министерства внутренних дел разрешение на покупку оружия для вооружения своих боевых дружин, которых предполагалось использовать в деле борьбы с вооруженными забастовщиками[2]. «Общество…» выделялось из числа других правых организаций тем, что изначально повело свою деятельность именно среди рабочих. Его члены, выступая в качестве штрейкбрехеров, смогли сорвать стачки на Франко-Русском, Путиловском и некоторых других заводах[3]. Однако, как отмечал российский историк А. Н. Кураев, число «активников» было невелико,

---

[1] Омельянчук И. В. Рабочий вопрос в идеологии и практике российских консерваторов начала XX века. // Вопросы истории. № 3. М., 2010. С. 22–27.

[2] Справка департамента полиции о боевых дружинах правых организаций. Май 1909 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/190905boev.html.

[3] Кураев А. Н. Правые рабочие организации в 1905–1907 годах // Человеческий капитал. № 7 (43). 2012. С. 163.

так как «Общество…» помимо нападений на революционеров и бастующих, а также политического провокаторства, практически ничего не могло предложить рабочим[1].

Среди биографий штрейкбрехеров, чьи действия определялись в первую очередь верноподданническими настроениями и следованию идеалам «Триады Уварова», выделяется судьба мастера Невского судостроительного завода Василия Снесарёва, который командовал боевой дружиной черносотенцев за Невской заставой в Петербурге, терроризировавшей бастующих рабочих[2]. Так, мастеру – монархисту вместе с двумя подельниками удалось прервать выдачу денег бастующим в трактире «Васильки». Снесарёв лично напал на занимавшихся этим курсисток и пожилых евреев, избил их и украл забастовочную кассу. В другом случае он, угрожая револьвером, в одиночку смог разогнать революционную процессию, выйдя невредимым из перестрелки с её участниками[3]. Полиция закрывала глаза на выходки дружины, а сам Снесарёв для своей защиты не брезговал прибегать к услугам казаков. Однако активный черносотенец настолько сильно успел насолить революционерам, что ни правоохранительные органы, ни товарищи по дружине предотвратить расправу над ним уже не смогли. 26 апреля 1906 года, прямо на территории Невского завода он был убит выстрелом в спину[4].

В разряд идейных причин штрейкбрехерства, на наш взгляд, стоит определить не только верноподданнические настроения рабочих, но и идеологические разногласия с бастующими. Конкуренция за умы трудящихся среди представителей различных левых течений и организаций, склоки и споры между ними также могли привести к неучастию в забастовке некоторых политически мотивированных рабочих или даже штрейкбрехерским действиям с

---

[1] Кураев А. Н. Правые рабочие организации в 1905–1907 годах // Человеческий капитал. № 7 (43). 2012. С. 164.
[2] Черновский А. Союз русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М; Л.: ГОСИЗДАТ, 1929. С. 41.
[3] Пуришкевич В. М. Книга русской скорби. Вып. 1. СПб.: Типо – литография Невский, 1908. С. 105–106.
[4] Там же. С. 107.

их стороны. Ярким примером может служить знаменитая Бакинская стачка, прошедшая в декабре 1904 года. Устроительницей стачки была созданная братьями Львом, Ильёй и Глебом Шендриковыми «Организация Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих», находившаяся в натянутых отношениях с местным отделением РСДРП (б). Так, летом 1904 года бакинские большевики исключили из РСДРП одного из братьев Шендриковых за «авантюристско-дезорганизаторские действия», а 1 ноября того же года выпустили прокламацию, в которой клеймили всю их «Организацию…» как антипартийную[1].

Разлад в лагере революционеров привёл к тому, что большевики, выступавшие изначально против стачки, в ходе неё организовали совместно с гнчакистами[2] собственный стачечный комитет, который первым пошел на переговоры с хозяевами нефтепромыслов и призвал рабочих возвращаться к работе[3]. Возмущённые этим шендриковцы объявили большевиков штрейкбрехерами и отказались заканчивать забастовку, попутно организуя поджоги нефтяных вышек[4]. Не смотря на то, что стачка всё же закончилась убедительной победой рабочих, большевики справедливо критиковали варварские методы «Организации…»: «Помните <…> товарищи, что такие явления, как разгромы, пожары и убийства из-за угла, сильно повредят будущности нашего рабочего движения, которое сильно только сознательностью и организованностью»[5] – сообщалось в прокламации Бакинского комитета РСДРП (б) от 31 декабря 1904 г.

Не только экономические и идеологические причины толкали рабочих на «измену» коллективу. Распространение получило штрейкбрехерство, вызванное личностными особенностями того или иного работника (например,

---

[1] Бакинская стачка 1904 года. Сб. документов под ред. О. Н. Чаадаевой. М.: Госполитиздат, 1940. С. 14.

[2] Члены армянской социал-демократической партии «Гнчак», дружественной большевикам.

[3] Бакинская стачка 1904 года. Сб. документов под ред. О. Н. Чаадаевой. М.: Госполитиздат, 1940. С. 46.

[4] Аксёнов А. Поп Гапон и японские винтовки. 15 поразительных историй времен дореволюционной России. М.: «Альпина Нон-фикшн», 2023. С. 77.

[5] Бакинская стачка 1904 года. Сб. документов под ред. О. Н. Чаадаевой. М.: Госполитиздат, 1940. С. 47.

мировосприятием). Так, среди возрастных рабочих Российской империи было немало тех, для кого патриархальные устои фабричной жизни, подчинённое и бесправное положение рядового труженика являлись само собой разумеющимися. Привыкшие к патернализму хозяев, они без особого интереса, а то и вовсе негативно относились к забастовочной борьбе. В формировавшейся долгое время на российских фабриках и заводах модели взаимоотношений, владелец должен был восприниматься работниками как благодетель и покровитель. Подобное отношение к начальству, например, согласно утверждению российского историка А. И. Богомолова, сохранялось у многих рабочих старшего поколения горнодобывающих заводов Урала, не забывших дореформенные порядки[1]. Забастовки при такой модели воспринимались как дерзость, проявление чёрной неблагодарности по отношению к фабриканту-кормильцу. Однако парадигма, при которой хозяин был как бы «отцом» для своих рабочих, к началу XX века быстро размывалась, что особенно было заметно на частных предприятиях, где фабриканты, в погоне за прибылью, меньше внимания уделяли благополучию своих работников.

В мемуарах фабричного инспектора А. К. Клепикова можно найти критику сложившихся на предприятиях традиций патернализма, а также взглядов российских фабрикантов и заведующих на ведение дел. Интересно описание инспектором некоего фабриканта Z, с которым он вынужден был пересекаться по роду службы и который воплотил в себе подобные взгляды. Этот фабрикант, ярый сторонник патриархальных отношений, установил жесткие порядки на своём предприятии, часто игнорируя рекомендации инспекции и нарушая фабричное законодательство. При этом он видел себя благодетелем и кормильцем, дававшим трудящимся работу и считавшим, что последние должны были быть ему за это безмерно признательны[2].

---

[1] Богомолов А. И. Уральские рабочие – монархисты в 1900–1919 гг.: механизмы эволюции политических взглядов.: дис. …. канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2007. С. 81.

[2] Клепиков А. К. Записки фабричного инспектора. М.: Тип. В. Рихтер, 1911. С. 15–17; 49; 154–156.

Важной личностной причиной штрейкбрехерства являлся фатализм рабочего, его неверие в успех забастовки. Подобное мировосприятие могло быть вызвано как неудачным опытом участия в стачке, так и тяжёлыми, беспросветными условиями пролетарской и крестьянской жизни, что было особенно характерно для малоквалифицированных рабочих. В пропагандистской брошюре Михаила Зотова «Товарищ не изменяй!» встречается критика подобного взгляда на мир, обращенная к увещаемому штрейкбрехеру: «Когда в нашей деревне мы устроили союз для улучшения условий работы, ты сказал, что нет никакой надежды перевернуть и устроить по-своему свет, что с тех пор как стоит мир, всегда были господа и хозяева и всегда они останутся, что совершенно глупо и бесполезно пытаться каким-нибудь образом улучшить нашу жизнь»[1].

Малоквалифицированных рабочих, согласно канадскому историку Давиду Манделю, также характеризовала зависимость от внешних лидеров[2]. Эта особенность, как и зависимость от лидеров вообще, могла влиять на поведение таких работников во время забастовки. Старшие рабочие часто приводили на заводы молодых крестьян из своих деревень, которые оказывались в зависимости от их авторитета «успешного рабочего». Если старшие работники штрейкбрехерствовали в ходе стачки, то к ним могли примыкать и их молодые односельчане. Например, в черносотенную организацию на Путиловском заводе часто вступали рабочие из одного села, шедшие туда вслед за своими земляками, у которых находились в зависимости «и по деревне, и по работе»[3].

Недостаток образования и, как следствие, узкий кругозор, также способствовали забитости рабочего. Описывая в мемуарах свою пролетарскую молодость, Н. С. Хрущёв отмечал, что у рабочих-строителей, выходцев из деревни, было слабо развито классовое сознание, они не интересовались забастовками и почти не примыкали к ним, не понимая выгоды солидарного

---

[1] Зотов М. «Товарищ, не изменяй!»: Увещание штрейкбрехера. Ростов на Дону.: тип. Дон. речь,1906. С. 1.

[2] Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года. М.: Новый хронограф, 2015. С. 45.

[3] Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М.: Яуза – Пресс., 2013. С. 391.

выступления рабочих. Образованные и «сознательные» трудящиеся любили потешаться над ограниченностью таких работников. Никита Сергеевич даже приводит популярный в их среде анекдот: «…пришли они[1] к хозяину и говорят: «Барин, мы бастовать будем». – «Зачем?» – «Затем, что не станем работать». – «А чего же вы хотите?» – «Требуем, чтобы или рабочего дня прибавить, или жалованье убавить». <…> Хозяин отвечает: «Ребята, дня я прибавить не могу, это от Бога зависит, он установил день и ночь. А вот жалованье убавить могу». «Спасибо, барин!»[2]. Натянутые отношения между рабочими, в том числе разной квалификации, неуважительное и недоверчивое отношение их друг к другу, равно как и конфликты на бытовой почве внутри трудового коллектива не способствовали единению трудящихся и также могли послужить причинами штрейкбрехерства.

На штрейкбрехерство во время забастовки могли подтолкнуть и дружеские, или даже родственные связи с начальством. Так, например, описывалось появление штрейкбрехеров на забастовавшем предприятии в стихотворении «Иван»:

…нашлись штрейкбрехеры и здесь:
Кто кум «старшому», кто – племянник «самому», –
И заварили «кутерьму»
Ну, с мест кое-кого переманили,
И безработные за ними повалили;
И вот, опять,
Хотя не вся, но стала фабрика «стучать»[3]

Разумеется, практика привлечения мелкими предпринимателями к замещению бойкотируемых рабочих мест своих родственников или приятелей не являлась художественным вымыслом. Так, во время апрельской забастовки московских булочников в 1905 году, хозяева некоторых пекарен, надеясь

[1] Несознательные рабочие – выходцы из деревни.
[2] Хрущёв Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. В. 2 кн. Кн. 1. М.: Вече, 2016. С. 664.
[3] Наш путь. 1913. 3 сентября. № 8. С. 4.

восстановить производство, приглашали на работу «своих чад и домочадцев»[1]. В ходе забастовки на фортепианной фабрике братьев Дидерихс в августе 1913 года хозяин посылал мастеров на квартиры своих «любимчиков», тоже приглашая тех на работу для срыва забастовки[2]. Не являлось из ряда вон выходящим, что, испытывая нехватку рабочих рук, предприниматели пытались привлечь к срыву стачки лично зависимых от них родственников или работников.

Заметную роль во время забастовок играло и «невольное» штрейкбрехерство. Утаивание информации о трудовом конфликте позволяло администрации обманом набирать рабочих на бойкотируемые места, делая тех невольными штрейкбрехерами. Одним из наиболее частых мотивов своего штрейкбрехерства рабочими в покаянных письмах называлось именно незнание о забастовке, или что выполняемая ими работа находится под бойкотом.

Так, наборщик Еличев писал в сентябре 1912 года в «Правду»: «Я, нижеподписавшийся, проработав по незнанию один день в забастовку в типографии Сойкина, нашел себя в списке штрейкбрехеров. Прошу у товарищей печатников над собой третейского товарищеского суда, решению которого обязуюсь подчиниться»[3]. В другом письме переплётчик Василий Иванов сокрушался по поводу своей невольной «измены»: «Я встал в ряды штрейкбрехеров <…> в переплётной Николаева. Я, товарищи, прошу извинения в том, что там работал. Я не знал, что происходил в мастерской конфликт. Прошу, товарищи принять меня в рабочую семью»[4]. Далеко не всегда участникам забастовки удавалось информировать коллег об остановке предприятия, чем не брезговали воспользоваться хозяева. Однако, заявление о «неосведомлённости» могло быть и попыткой штрейкбрехера утаить свои реальные, более корыстные мотивы. В «Правде» по всей видимости, тоже относились к некоторым таким письмам с подозрением. Например, при публикации письма некоего Вильгельма Шибе, извинявшегося за то, что два дня работал в типографии Смирнова во время

[1] Профессиональное движение московских пищевиков в годы первой революции. Сб. 1. С. 106.
[2] Новая рабочая газета. 1913. 24 августа. №. 14. С. 3.
[3] Правда. 1912. 9 сентября. № 113. С. 3.
[4] Правда. 1913. 23 февраля. № 45 (249). С. 3.

проходившей там стачки, после слов о его «незнании» редактором был поставлен знак вопроса[1].

В разряд «невольного» штрейкбрехерства попадало не только замещение бойкотируемых рабочих мест, но и просто случайное выполнение работы за бастующих. К примеру, во время забастовки на фортепианной фабрике братьев Оффенбахер в августе 1913 года, хозяин разослал несколько пианино по кустарным мастерским. Рабочим удалось узнать, что некоторые пианино привезли в мастерскую Эрнста Изе, о чём они и проинформировали коллег через «Новую рабочую газету», прося «изевцев» и работников других мастерских не выполнять за них работу: «Товарищам фортепианщикам работы хватит и помимо той, которая под бойкотом»[2] – писали в газете. Однако не известно до всех ли работников дошли в итоге эти сведения.

Итак, нами выявлены три группы основных мотивов участия рабочих в срыве стачек: экономические, идеологические и личностные. Получило распространение и «невольное» штрейкбрехерство, вызванное незнанием рабочих о проходившей забастовке. Штрейкбрехерство в конце XIX – начале XX века охватывало самые широкие слои трудящихся, однако, наиболее заметное участие в срыве забастовок принимали представители верхов и низов пролетариата. Многие квалифицированные рабочие и служащие, например, железных дорог, чьё положение было достаточно прочным и обеспеченным, негативно относились к забастовкам, так как те угрожали их финансовому благополучию. В свою очередь чернорабочие и сезонные работники, оказавшиеся в тяжелых жизненных условиях, хватались за любую возможность «поработать» чтобы прокормить себя и свои семьи. Значение имел и возраст работника. Старшие рабочие, привыкшие к патриархальным отношениям, были гораздо менее подвержены бунту и неповиновению начальству, чем их более молодые коллеги.

[1] Правда. 1913. 3. февраля. №. 28 (232). С. 3.
[2] Новая рабочая газета. 1913. 27 августа. №. 16. С. 3.

1.3. Организация вербовки штрейкбрехеров

Для предпринимателей, на фабриках и заводах которых начиналась забастовка, одной из ключевых задач становилось обеспечение бесперебойного функционирования предприятия и скорейшее возобновление нормального хода работ. В целях предотвращения потерь прибыли могли использоваться различные средства восстановления порядка, от удаления наиболее беспокойных рабочих до вызова войск и казаков. Тем не менее, для хозяев нелишним было иметь под рукой штат верных работников, способных по команде пустить производство в ход и своими действиями сорвать стачку. Штрейкбрехерами при этом могли послужить как лояльные рабочие с забастовавшего предприятия, так и набранные извне.

На многих частных предприятиях штрейкбрехеров вербовали прямо с улицы. Для этой цели на воротах фабрик или заводов вывешивались объявления о наборе работников, а также посылалась соответствующая реклама, преимущественно в черносотенные и бульварные газеты. Например, в Петербурге, одними из тех изданий, где встречались подобные публикации, были «Копейка», «Герольд» и «Петербургский листок»[1]. В объявлении, как правило, ни слова не говорилось об идущей на предприятии забастовке, что позволяло обманом набирать даже тех рабочих, которые сочувствовали стачечному и революционному движению. Эффективность подобной практики снижалась против организованных рабочих, зачастую информируемых своими товарищами о тех или иных забастовках путём публикаций в пролетарской прессе. Эти материалы и сейчас позволяют вскрыть «штрейкбрехерскую» подоплёку многих, на первый взгляд, безобидных сообщений о найме.

Так, например, группа рабочих петербургской фабрики Хаймовича предостерегала коллег о появлении подобных объявлений через меньшевистский «Курьер»: «Товарищи рабочие. В «Петербургском листке» в № 140 и 141 было напечатано, что требуются токари, слесаря и шорники на фабрику Хаймовича.

[1] Новая рабочая газета. 1913. 1 октября. № 46. С. 3.

Товарищи. Потому только там требуются, что все эти цеха забастовали, о чём и было помещено в «Призыве», «Волне» и «Курьере» <…> ещё раз просим вас товарищи не срывать нашей забастовки и не поступать на фабрику Хаймовича»[1]. Меньшевистско-ликвидаторская «Новая рабочая газета» информировала рабочих о попытках администрации фабрики Дидерихс через «Копейку» навербовать штрейкбрехеров для срыва забастовки деревообделочников: «Добрый хозяин <…> призвал на помощь штрейкбрехерскую газету «Копейку», в которой от 26 - го сент. за № 1866 появилось следующее объявление: «На фабрике бр. Дидерихс требуются немедленно на постоянное место столяры, краснодеревцы и полировщики, работающие на фортепианных фабриках». Видно, администрация думает, что рабочие прислушиваются к бульварной газете «Копейка». Ошибаетесь, господа, рабочие имеют свою газету, которая не продаёт интересы рабочих»[2].

Большевистская «Правда» обвиняла ту же «Копейку» в вербовке детей на бойкотируемые места: «Уже несколько дней на 1-ой полосе газеты «Копейка» идёт объявление: «Требуются опытные мальчики для резки и подборки адресов. Обращаться: Троицкая ул., 16, Главная Контора «Копейки». Мало им взрослых штрейкбрехеров, так вербуют детей на позорное дело!»[3]. О целом ряде таких объявлений, помещённых уже в московской «Трудовой копейке» с указанием конкретных номеров, писала и большевистская газета «Наш путь», предупреждая рабочих о вреде этого издания для трудящихся[4].

Если обманом и удавалось набрать рабочих, те нередко уходили с предприятия, узнав о реальном положении дел. Так, из числа набранных администрацией фортепианной фабрики Рениш в Петербурге работников, которые должны были заменить забастовавших летом 1913 года грунтовщиков, по прибытии на место остался работать только один, и то, не более чем на час,

[1] Курьер. 1906. 27 мая. № 10. С. 5.
[2] Новая рабочая газета. 1913. 29 сентября. № 45. С.3.
[3] Правда. 1913. 27 апреля. № 96 (300). С. 5.
[4] Наш путь. 1913. 4 сентября. № 9. С. 1.

остальные же сразу ушли, не желая прослыть штрейкбрехерами[1]. Во время проходившей в Саратове стачки рабочих мебельно-столярной фабрики Ступина им на замену попытались послать мастеровых из фабричного магазина, однако, те не только отказались выполнять работу за бастующих, но и сами примкнули к ним[2]. Любопытно, что даже нанятые по объявлениям в черносотенных изданиях, невольные штрейкбрехеры, случалось, бросали работу по выяснении полных обстоятельств своего найма. К примеру, так было во время стачки в столярной мастерской Зимина в Петербурге, где набранные обманом работники не только потребовали расчёта, узнав в чём дело, но и предъявили хозяевам претензии за то, что те умолчали об идущем на предприятии трудовом конфликте[3].

В том случае, если рабочие населённого пункта, в котором проходила забастовка, были достаточно организованы и оперативно информировали друг друга о ходе трудового конфликта, набрать штрейкбрехеров по объявлению в местных газетах становилось непростой задачей. Для решения этой проблемы объявления могли рассылаться и в иногородние газеты. Так, осенью 1913 года в одном из воронежских бульварных изданий было опубликовано сообщение о вербовке рабочих на московскую мебельную фабрику Мюр и Мерилиз, якобы из-за расширения производства[4]. Хозяева хотели набрать рабочих из другого города, надеясь, что те, вследствие своего незнания о проходящей в Москве стачке, охотнее заступят на работу. Рабочих также иногда вербовали порознь, из нескольких населённых пунктов сразу, чтобы нивелировать возможность сговора между ними.

В ходе забастовки на небольшом предприятии его владелец мог лично участвовать в вербовке штрейкбрехеров, при необходимости выезжая за ними даже в другие населённые пункты. Однако чаще к набору новых работников привлекались оставшиеся верными хозяевам рабочие, мастера, табельщики, представители администрации и конторские служащие. Они же, наряду с

[1] Живая жизнь. 1913. 31 июля. № 18. С. 3.
[2] Луч. 1913. 12 марта. № 59 (145). С. 3.
[3] За Правду! 1913. 28 ноября. № 46. С. 3.
[4] Наш путь. 1913. 11 сентября. № 15. С. 3.

хозяевами агитировали за скорейшее восстановление работ, а также распространяли различные слухи, призванные дезорганизовать только что нанятых рабочих и деморализовать бастующих.

Примером могут послужить события на петербургской фабрике братьев Дидерихс в 1913 году, где штрейкбрехеры, не сумевшие во время забастовки из-за недостатка квалификации пустить всё предприятие в ход, решили исправить ситуацию, навербовав себе помощников. Так, один из них, некто Гюнтер, выписал из Нарвы рабочего Майера, тоже, однако, не имевшего, требуемых навыков[1]. Особо энергичные штрейкбрехеры при этом зазывали и даже тащили на фабрику проходивших мимо неё рабочих: «…поймав на улице одного из рабочих и взяв его под руки они (штрейкбрехеры) повели его, говоря: пойдём работать, что ты смотришь на этих красных хулиганов!»[2]. Стремясь сломить бастующих, «желающие работать» стали распространять новость о том, что все рабочие фабрики уволены, забастовка якобы кончилась, а хозяин оставил только их, как «…честных и специалистов»[3]. Делалось это ими для того, чтобы набираемые работники думали, что места, на которые они заступают, более не объявлены под бойкотом.

Одними из распространённых мест вербовки штрейкбрехеров являлись чайные и пивные, где можно было встретить отдыхавших работников различных специальностей. Во время упоминавшейся выше забастовки в мастерской Зимина, представитель администрации Квятек, вкупе с рассылкой объявлений в «Петербургский листок», ходил по чайным, набирая рабочих после личной беседы с каждым из них по отдельности[4]. И, хоть ему удалось провести завербованных таким образом штрейкбрехеров тайком на предприятие, один из них, узнав в чём дело, покинул мастерскую[5].

---

[1] Новая рабочая газета. 1913. 20 сентября. № 37. С. 3.
[2] Новая рабочая газета. 1913. 1 октября. № 46. С. 3.
[3] За Правду! 1913. 5 октября № 4. С. 3.
[4] За Правду! 1913. 26 ноября. № 44. С 3.
[5] За Правду! 1913. 27 ноября. № 45. С 3.

Пытаясь найти штрейкбрехеров среди рабочих забастовавшего завода или фабрики, вербовщики могли ходить и по домам стачечников, уговаривая их бросить бастовать. Во время забастовки, проходившей в селе Тейково в ноябре 1911 года, этим, например, занимались табельщики остановившего работу текстильного предприятия[1].

За определённую плату администрация могла договориться с подрядчиками и вербовщиками, поставлявшими штрейкбрехеров. Так, в ходе длительной забастовки на петербургской ящичной фабрике (отделение завода «Вулкан») в 1913 году, к вербовке новых работников приступил подрядчик Данилов, не в первый раз поставлявший рабочих для этого предприятия и во время предыдущей стачки уже набиравший 13 человек. Тогда штрейкбрехеры смогли собрать более 800 ящиков за бастующих, но, вследствие массового брака, все ящики пришлось выбросить в кочегарку, что говорило о низкой квалификации нанятых рабочих[2]. Для того чтобы забастовщики не препятствовали штрейкбрехерам, на имя рабочего фабрики, некоего Сизова, было снято отдельное помещение, куда завезли необходимое для работы оборудование. Также, во время этой стачки, хозяева в деле найма пошли ещё на одну хитрость. По соглашению с извозопромышленниками, они выписывали на забастовавшую фабрику по несколько чернорабочих, которые приезжали вместе с извозчиками и занимались укладкой досок в штабеля[3].

Вербовали штрейкбрехеров и через артели. Например, решающую роль в поражении забастовки трамвайщиков в Петербурге в июне 1909 года сыграли три артели, Александровская, Биржевая и Владимирская, а также Невское взаимнокомиссионное товарищество, поставлявшие по соглашению с властями города кондукторов и вагоновожатых на бойкотируемые места[4]. Члены артелей вносили денежный залог и давали подписку, в случае нарушения которой теряли свой взнос и обязывались, сверх того: «…пополнить артели все убытки

[1] ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 4. Д. 161. Л. 172.
[2] Новая рабочая газета. 1913. 21 сентября. № 38. С.3.
[3] Новая рабочая газета. 1913. 19 сентября. № 36. С.3.
[4] Годес Я. Г. Этот новый старый трамвай. Л.: Лениздат, 1982. С. 56.

вследствие <…> участия в беспорядках и забастовках»[1]. Очевидно, что эти объединения не являлись независимыми. Как писал о них в своей книге главный редактор журнала «Ленинградские магистрали» Я. Г. Годес: «…во главе артелей стояли капиталисты и дельцы, промышлявшие спекуляцией рабочей силой»[2]. В дальнейшем, после срыва забастовки трамвайщиков, с помощью этих артелей в городе обеспечивалась фильтрация кандидатов при найме вагоновожатых и кондукторов.

Хозяева могли выписывать себе штрейкбрехеров и с других предприятий. Так, во время упорной забастовки на Шайтанском железоделательном заводе, произошедшей в 1895 году, заводоуправление приглашало на бойкотируемые места работников с соседних заводов. Первыми прибыли на заработки рабочие Бисертского завода, которых приманили жалованием, значительно превышавшим размер того, за который работали местные трудящиеся. Хозяева, на свою беду, не сумели оградить штрейкбрехеров, и те, переговорив с бастующими, сочли их притязания справедливыми, вследствие чего оставили бойкотируемые места[3]. На смену бисертцам отправили рабочих Ревдинского завода. Ревдинцы повели себя уже как «злостные» штрейкбрехеры и, ведомые интересами собственного кармана активно взялись выполнять работу за бастующих. Между пришлыми и местными работниками разгорелся конфликт, перешедший в драку, по итогам которой ревдинцы были с позором изгнаны с завода[4]. Лишившись верных штрейкбрехеров, заводоуправление, после 45 дней стачки, всё же было вынуждено пойти на уступки своим работникам.

Для успешного замещения бойкотируемых мест, набранных штрейкбрехеров важно было оградить, или даже изолировать от бастующих. Это нужно было не столько для того, чтобы гарантировать им безопасность, сколько для недопущения вредного воздействия забастовщиков, которые могли помешать

---

[1] Цит. по: Годес Я. Г. Этот новый старый трамвай. Л.: Лениздат, 1982. С. 57.
[2] Там же. С. 57.
[3] Гаврилов Д. В. Горнозаводской Урал 1861–1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 318.
[4] Там же. С. 319.

выполнять работу. Заводоуправление Шайтанского завода не смогло вовремя оградить штрейкбрехеров и, в итоге, уступило своим рабочим. Однако, известны случаи, когда всё же удавалось минимизировать контакты набранных работников с внешним миром, что, конечно, благотворно влияло на ход работ, но делало из штрейкбрехеров по сути своей арестантов. Например, «Новая рабочая газета», освещая уже упоминавшуюся забастовку на ящичной фабрике, с издевкой писала, что рабочие, выполнявшие работу за бастующих: «…не выходят ни обедать, ни спать, штрейкбрехерам гигиена не нужна»[1]. Такие работники подчас и сами были рады штрейкбрехерствовать подальше от глаз забастовщиков, опасаясь возможной мести с их стороны[2].

Влияние на успех вербовки штрейкбрехеров, на наш взгляд, могла оказывать сезонная миграция рабочей силы, ввиду одной из особенностей российского рабочего класса, заметная часть которого ещё не порвала связи с деревней[3]. Весной многие рабочие возвращались в свои сёла и приступали к посевной, в то время как в зимние месяцы переполненный рынок труда позволял хозяевам пользоваться услугами дополнительно пополнявшейся крестьянами-отходниками армии безработных, обивавших проходные предприятий. Значение для вербовки имели положение конкретной отрасли производства, а также ситуация на рынке труда. Усиление безработицы, вследствие экономического спада в той или иной отрасли, или же общего ухудшения экономической конъюнктуры, также давало предпринимателям возможность привлекать для срыва стачек, испытывавших нужду и находившихся в поисках работы трудящихся.

Оказывали влияние и специфические условия губернии или населённого пункта, где проходила забастовка, а также, что особенно важно, квалификация рабочих. Так, во время забастовки ткачей в селе Тейково в октябре-декабре 1911 года, первые партии выписанных штрейкбрехеров не соответствовали тем

---

[1] Новая рабочая газета. 1913. 19 сентября. № 36. С 3.
[2] За Правду! 1913. 20 ноября. № 40. С. 3.
[3] Дробижев В. З. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М.: Изд-во Московского университета, 1974. С. 4.

должностям, на которые были наняты, и не представляли серьёзной опасности для успеха забастовки. К тому же, привезённых работников поначалу даже не удавалось оградить от влияния забастовщиков. Администрация говорила штрейкбрехерам: «Если вам нужно чего, то обращайтесь в контору и вам всего доставят, а сами в Тейково не ходите»[1]. Но те всё же встретились с местными рабочими, сообщив им, что наняты обманом, так как думали, что едут на новую постройку. Следующую группу штрейкбрехеров ещё на станции встретили насмешками собравшиеся там местные трудящиеся, издевательски крича им «золотые работники», намекая на их некомпетентность[2]. Бастующими, например, было выяснено, что один из прибывших работал извозчиком и с ткацким делом знаком никогда не был. Для ограждения «желающих работать» администрации пришлось под конвоем доставлять тех на фабричную кухню, где и запирать, не допуская контактов с забастовщиками. Среди штрейкбрехеров была и группа местных рабочих, а также жён служащих, не имевших нужных для требуемой работы навыков. Их подняли на смех за дурную работу и, впоследствии, часть из них взяла расчёт.

Наём чернорабочих на специальности, требующие высококвалифицированного труда, не позволял восстановить работу предприятия в полной мере. Бастующие, в таком случае, нередко оказывались в выигрыше, так как хозяин нёс убытки и мог охотнее пойти на уступки. Более того, неквалифицированные рабочие браковали товар и материалы, в результате чего владельцы дополнительно теряли прибыль. Тем не менее, если администрации позволяли ресурсы, она могла долгое время пользоваться трудом чернорабочих, беря квалифицированных работников на измор и вынуждая их закончить стачку.

Для замещения бастующих могли свозить арестантов. Такая практика получила распространение на транспортных узлах, вроде портов и железнодорожных станций, где подобные подневольные работники могли эффективно замещать грузчиков и прочую малоквалифицированную рабочую

[1] ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 4. Д. 161. Л. 171.
[2] Там же. Л. 172.

силу. Характерным примером может служить августовская забастовка в порту Риги в 1913 году. Здесь штрейкбрехеры из числа арестантов как раз исполняли роль грузчиков, занимаясь нагрузкой судов, в то время как забастовавшим портовым рабочим был объявлен локаут со стороны подрядчиков[1].

В качестве штрейкбрехеров привлекали и военнослужащих. Так, в ходе забастовки хлебопеков в 1906 году, Городская Дума Петербурга планировала снять в аренду пекарни в казармах и поставить работать солдат в качестве штрейкбрехеров[2]. Во время забастовки трамвайных служащих в Киеве в мае 1906 года, бастующих заменяли сапёрами, а также «частными лицами», из-за неопытности которых, у вагонов были испорчены моторы, тормоза и якоря. Происходили и столкновения трамваев[3]. Силами «частных лиц», например, была сломлена забастовка трамвайщиков в Москве, в сентябре 1913 года. Здесь в качестве штрейкбрехеров успешно выступили инженеры и студенты-практиканты[4].

Предприниматели могли вербовать работников через правые рабочие союзы. В частности, ярко проявили себя штрейкбрехеры из «Союза русского народа» в конце 1906 года в Одессе, сорвав там забастовку грузчиков и судовых команд. «Русское общество пароходства и торговли», столкнувшись с неповиновением моряков, решило обратиться за содействием к одному из своих служащих, председателю одесского отдела СРН графу А. И. Коновницыну, для выписки в порт и на суда вооруженной охраны из числа «союзников»[5]. Командующий войсками одесского военного округа, генерал Каульбарс оказывал активную протекцию союзу, намереваясь использовать его в качестве орудия против левых радикалов и забастовщиков. При его непосредственной поддержке была создана дружина, численность которой доходила до 200 человек,

[1] Наш путь. 1913. 25 августа. № 1. С. 2.
[2] Курьер. 1906. 9 июня. № 21. С. 3.
[3] Курьер. 1906. 23 мая. № 6. С. 4.
[4] Зиновьев Г. Е. Партия и профсоюзы. М; Л.: Госиздат, 1929. Т.6. С. 247.
[5] Черновский А. Союз русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М; Л.: ГОСИЗДАТ, 1929. С. 217.

организованная по – военному и вооруженная огнестрельным оружием[1]. Уже в первый день забастовки, дружинники, вооруженные резинами, нагайками и револьверами заполонили порт, парализовав действия бастующих.

Члены дружины ночевали в специальной казарме на территории порта, которую им подготовило «Русское общество пароходства и торговли». Помимо охраны судов, штрейкбрехеры избивали и задерживали бастующих, рассылали соглядатаев и провокаторов[2]. Из членов СРН так же набирались временные экипажи для судов. Таким командам, однако, не хватало квалификации. Игнорируя тревогу шкиперов, пароходы с командами из «союзников», в итоге вышли в море. Пароход «Руслан», вышедший 21 ноября, сел на мель вблизи Евпатории. Пароход «Цесаревич», ушедший было в заграничное плавание, вынужден был возвратиться обратно в порт. Пароходы «Корнилов» и «Новороссийск» были также посажены на мель, а последний при этом и вовсе загорелся из-за неумелых действий экипажа[3]. Однако, несмотря на низкую квалификацию штрейкбрехеров, решительные действия войск, полиции и дружинников позволили нанести поражение бастующим морякам и грузчикам.

В вопросах вербовки штрейкбрехеров отечественные фабриканты были знакомы и с зарубежным опытом. Так, в 1914 году, петербургским «Обществом заводчиков и фабрикантов» была издана книга В. В. Громана, популяризировавшая методы, применявшиеся немецкими организациями для противодействия забастовкам[4]. В работе, помимо прочего, давалась характеристика двух существовавших в Германии систем штрейкбрехерских бюро (т. н. «бюро по указанию труда»), сложившихся к концу XIX века среди предпринимательских кругов Берлина и Гамбурга, и облегчавших вербовку работников на замену бастующим.

---

[1] Черновский А. Союз русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М; Л.: ГОСИЗДАТ, 1929. С. 217.
[2] Народный труд. Сборн. 8 – й. СПб.,1906. С. 61–70.
[3] Там же.
[4] См. Громан В. В. Материалы к вопросу о мерах борьбы с забастовками. СПб.: Издание О-ва заводчиков и фабрикантов, 1914. 91 с.

«Берлинские» бюро представляли собой сеть контор, собиравших сведения о благонадёжности рабочих на рынке труда. В случае найма нового сотрудника хозяева могли обратиться в бюро за получением информации о нём[1]. В России, однако, предприниматели задумывались о создании таких контор уже в ходе революционных событий 1905–1907 годов. Например, фабриканты Либавы хотели создать в 1907 году справочное бюро, т. е. фактически контору «Берлинского» типа, но в дело вмешались местные полицейские власти, рекомендуя вместо этого учредить специальную полицейскую команду. Городской полицмейстер, подполковник Подушкин, предложил хозяевам делегировать функции справочного бюро фабричному приставу, «…у которого были бы сосредоточены все сведения о рабочих, которые уже ранее работали на какой-либо фабрике в Либаве»[2] и должность которого планировалось учредить на средства фабрикантов, соединяя тем самым полицейский надзор со справочной конторой. После обсуждения делегаты от фабрикантов единогласно приняли предложение полиции, предоставив в распоряжение полицмейстера 9000 рублей на два года, для осуществления этих целей, так как за это время предполагалось выяснить пользу от данного учреждения[3].

«Гамбургские» бюро в Германии напрямую использовались для вербовки штрейкбрехеров. Де-юре они оказывали содействие рабочим при поиске работы, однако предприниматели активно использовали их и для замещения бойкотируемых рабочих мест. Фабриканты, входившие в союз, под эгидой которого действовало «Гамбургское» бюро, обязывались нанимать себе сотрудников только при его посредничестве, что позволяло закрывать отмеченным в бюро рабочим доступ на фабрики и заводы, если те вдруг решали выступить против своего начальства[4]. В Германии «бюро по указанию труда», действуя при 183 союзах предпринимателей, за один только 1912 год стали

---

[1] Громан В. В. Материалы к вопросу о мерах борьбы с забастовками. СПб.: Издание О-ва заводчиков и фабрикантов, 1914. С. 30.
[2] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 64. Д. 11. ч. 145. Л. 6.
[3] Там же. Л. 7.
[4] Громан В. В. Материалы к вопросу о мерах борьбы с забастовками. СПб.: Издание О-ва заводчиков и фабрикантов, 1914. С. 30.

посредниками при замещении 1 307 753 рабочих мест[1]. В Российской империи схожие функции выполняли подконтрольные фабрикантам «бюро по приисканию работ и рабочих рук». Пункты о возможности открытия таких бюро можно найти во многих уставах отечественных предпринимательских организаций[2].

На территории Российской империи, как и на Западе, фабрикантами применялись системы «рекомендаций», позволявшие отсеивать неблагонадёжных работников. Примером могут служить события 1907 года, когда владельцы щетинных предприятий польского и литовского районов, желая сломить существовавший среди их рабочих сильный союз, объявили локаут, помимо прочего постановив принимать работников только при предъявлении ими рекомендации от предыдущего нанимателя[3]. В годы реакции даже некоторыми губернаторами было издано постановление, вводившее для рабочих специальную регистрацию на благонадёжность[4]. Однако, распространение практики вербовки штрейкбрехеров «с улицы», в «экстренном» режиме, а также частые случаи найма во время стачек менее квалифицированной рабочей силы, всё же позволяют судить об отсутствии среди основной массы предпринимателей практики формирования резерва из надёжных рабочих на случай забастовки.

Иной ситуация была на особо важных для страны предприятиях и объектах, вроде железных дорог, железнодорожных мастерских и телеграфа. Здесь, учтя опыт Первой русской революции, наличием штрейкбрехеров старались озаботиться заранее, ещё до возникновения каких-либо волнений и стачек. На железных дорогах, как государственных, так и частных, жандармерия вела списки не участвовавших в забастовочном движении работников, периодически проверяя их положение и численный состав на службе. К примеру, в октябре 1910 года, начальник Штаба Отдельного корпуса жандармов, генерал Д. К. Гершельман

---

[1] Громан В. В. Материалы к вопросу о мерах борьбы с забастовками. СПб.: Издание О-ва заводчиков и фабрикантов, 1914. С. 31.

[2] ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 4. Д. 166. Л. 4; Устав общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района. М., 1910. С. 4 и др.

[3] ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 2. Д. 42. Л. 29.

[4] Пушкарева И. М. Рабочее движение в России в период реакции, 1907–1910 гг. М.: Наука, 1989. С. 28.

отправил запрос всем начальникам отделений жандармских полицейских управлений железных дорог, кроме Амурской железной дороги, для выяснения количества, а так же текущего положения бывших против забастовок в 1905 году рабочих и служащих (в частности, требовалось сообщить, о понижении или повышении по службе таких работников), чтобы иметь представление о состоянии резерва благонадёжных сотрудников[1].

Подобные проверки, как можно предположить, проходили довольно редко, поскольку присланные отчёты хоть и содержали богатейшие данные о штрейкбрехерах, но не имели единой формы. Многие жандармские управления испытывали трудности с предоставлением требуемой от них информации. К примеру, начальник Московско-Рижского жандармского полицейского управления железных дорог, сообщил на запрос Гершельмана, что списки в подконтрольных ему отделениях своевременно не велись, отправив примерные данные[2]. Практически не имелось сведений о штрейкбрехерах на Китайско-Восточной железной дороге, где подобные реестры сотрудников в ряде отделений также не составлялись. Тем не менее, здесь смогли прислать в штаб приблизительные данные о повышении и понижении работников[3]. Начальник Владикавказского жандармского полицейского управления железных дорог, сославшись на то, что забастовки пришлись на долю его предшественника, к моменту составления отчёта уже умершего, а среди начальников отделений из 12 человек, бывших свидетелями беспорядков, осталось на службе всего 8, тоже указал в своём рапорте лишь примерное количество служащих[4].

Обращает на себя внимание и различное понимание жандармскими чинами поставленной задачи. В ряде отчётов в разряд «не принимавших участия в забастовке» записывались все работники, кто продолжал трудиться во время революционных событий 1905 года, в то время как, к примеру, начальники Арзамасского отделения Московского жандармского полицейского управления

---

[1] ГА РФ. Ф.110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 2.
[2] Там же. Л. 539.
[3] Там же. Л. 57.
[4] Там же. Л. 29.

железных дорог, Московско-Камышинского жандармского полицейского управления железных дорог и нескольких других управлений указали только тех, кто активно противодействовал бастующим[1]. Обстоятельность предоставляемых данных сильно варьировалась от отделения к отделению. Отчёты могли выглядеть как простое перечисление лояльных рабочих с указанием их общего числа, так и содержать подробные сведения с описанием штрейкбрехерских действий конкретных работников, с разбивкой по службам дороги и материалами по награждению или понижению сотрудников. Тем не менее, предоставляемая информация давала в целом объективное представление о числе лояльных рабочих и позволяла осуществлять контроль за положением «консервативного элемента» на железных дорогах.

В случае объявления всей железной дороги или её части на положении чрезвычайной охраны или при введении военного положения, обеспечение потребного количества служащих из числа благонадёжных сотрудников возлагалось на особые комитеты, которые образовывались на основании Именного высочайшего указа от 14-го декабря 1905 года. Комитеты создавались отдельно для каждой железной дороги и подчинялись напрямую местным генерал-губернаторам или градоначальствующим[2]. В их состав входило по представителю от военного ведомства, администрации железной дороги и жандармерии[3].

Для железных дорог и станций существовали разнарядки по минимальному количеству служащих, нужных для нормального их функционирования. Составление списков возлагалось на предварительные совещания членов особых комитетов. Частично такой минимум покрывался из местных лояльных

---

[1] ГА РФ. Ф.110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 82, 535.

[2] Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 14 –го декабря 1905 г. О правилах чрезвычайной охраны на железных дорогах. // Законодательные акты переходного периода. СПб., 1909. С. 213.

[3] Мурашко А. И. Деятельность железнодорожных жандармов по обеспечению государственной безопасности Российской империи // Вестник Воронежского института МВД России. № 3. Воронеж, 2013. С. 211.

работников, но также могли быть переброшены сотрудники и с других станций и направлений[1].

Из числа рабочих монархических взглядов, а также членов правых организаций, формировались добровольческие дружины, готовые в случае надобности заместить бастующих. Штаб одной из них находился на станции Христиновка, Юго-Западной железной дороги. В её состав входили рабочие и служащие, являвшиеся членами местного отдела «Союза русского народа». На 16 декабря 1911 года численность дружины составляла 40 человек, способных заменить рабочих и служащих более 20 специальностей, от начальников станций и машинистов до слесарей и бухгалтеров. Судя по именному списку, некоторые штрейкбрехеры могли замещать сразу несколько должностей, так как были обучены разным специальностям. К примеру, паровозный машинист Евдокимов, являлся также токарем по металлу и главным кондуктором, смазчик вагонов Римарчук вместе с тем был помощником машиниста и т. д.[2]

Члены особых комитетов имели полномочия входить в сношения с начальниками телеграфных округов, для выписки на замену бастующим чиновников правительственного телеграфа. Одним из центров поставок штрейкбрехеров-телеграфистов стал Орловский телеграфный округ. Так, согласно утвержденным министром внутренних дел Н. А. Маклаковым по соглашению с министрами военным и путей сообщения 24 марта 1914 года «Особым правилам для борьбы с ж/д. забастовками», из числа его сотрудников могло быть выделено 100–120 чинов, которые, в случае необходимости, командировались на остановившие работу станции[3]. В крайнем случае, забастовавшие телеграфисты могли быть заменены жандармскими унтер-офицерами, часть которых специально обучалась для этой цели[4].

«Особые правила…» содержали инструкции и по замещению других должностей во время забастовок на железных дорогах. Первым делом, следовало

---

[1] ГА РФ. Ф. 59. Оп.1. Д. 440. Л. 155.
[2] ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 962. Л. 1, 2.
[3] ГА РФ. Ф. 59. Оп.1. Д. 440. Л. 156.
[4] Там же. Л. 159.

озаботиться запасом помощников машинистов, слесарей депо и паровозных кочегаров. Для усиления контроля над паровозными бригадами должны были быть привлечены особо надёжные машинисты, старшие машинисты и помощники начальников депо. При необходимости должности водокачальных машинистов замещались лояльными слесарями. На места кочегаров, смазчиков и осмотрщиков назначались благонадёжные служащие депо[1]. Кондуктора замещались свободными от работы низшими станционными служащими. Ремонтные рабочие, как штатные, так и поденные, наряду со служащими также могли привлекаться к несению охраны важных объектов или грузов[2].

В случаях, когда необходимые для возобновления движения сотрудники отсутствовали на своих рабочих местах, их розыск возлагался на чины жандармской и общей полиции, а также на военнослужащих летучего отряда, если тот вызывался на станцию. Причём командир отряда имел полномочия насилием принуждать таких служащих к работе, если они не желали бросать стачку[3].

На железных дорогах применялись и усиленные процедуры выявления и недопущения на работу ненадёжных в политическом плане лиц. В тексте «Особых правил…» обеспечение личного состава служащих благонадёжным элементом называлось самой важной мерой в деле предупреждения забастовок[4]. Начальники отделений жандармских полицейских управлений железных дорог вели на находящихся в их ведении станциях списки всех служащих с указанием их актуальных адресов, а также снабжали их удостоверениями личности с фотографическими карточками. Во время подбора персонала следили, чтобы кандидаты не принадлежали к запрещённым политическим организациям. Замеченных в этом предписывалось немедленно увольнять[5].

---

[1] ГА РФ. Ф. 59. Оп.1. Д. 440. Л. 156.
[2] Там же. Л. 158, 159, 160.
[3] Там же. Л. 129.
[4] Там же. Л. 153.
[5] Там же. Л. 154.

Служащие также должны были давать расписку о неучастии в противозаконных организациях и об ознакомлении с Именным высочайшим указом Правительствующему Сенату 2-го декабря 1905 года. Отметим, что расписки о неучастии в забастовках с рабочих брали не только на железных дорогах, но и на казённых и многих частных предприятиях империи. В начале 1914 года, вероятно в связи с усилением стачечного движения, на находившемся в ведении морского ведомства Обуховском заводе в этом деле пошли ещё дальше. Здесь была введена особая категория рабочих, приравнивавшаяся своим положением к нижним воинским чинам, и считавшаяся состоящей на военной службе. Входившие в неё работники принимали присягу, обязывающую их не прерывать работу во время трудового конфликта и не участвовать в забастовках и демонстрациях[1].

В целях выявления неблагонадёжных лиц на железных дорогах, жандармами для поступающих на службу составлялись специальные опросные листы. Также, жандармерии приписывалось устраивать слежку за прилегающей к дороге местностью, железнодорожными школами, училищами и общественными библиотеками[2]. Внимание уделялось каталогам библиотек, которые жандармы должны были периодически просматривать на предмет запрещённой литературы, и политической благонадёжности их заведующих. Надёжные служащие, чьи дети занимались в школах и училищах, привлекались к сбору сведений о педагогическом составе учебных заведений. Также, для усиления надзора за работниками дороги, жандармы практиковали привлечение местных жителей и наиболее проверенных служащих, в качестве осведомителей[3].

Однако практическое применение всех этих мер трудно назвать успешным. Несмотря на более привилегированное положение рабочих и служащих железных дорог в сравнении с остальным российским пролетариатом, в их среде сохранялись протестные настроения. Уволенные за стачки работники нередко

[1] Московские ведомости. 1914. 29 января. № 23. С. 3.
[2] ГАРФ Ф. 59. Оп.1. Д. 440. Л. 154, 155, 164.
[3] Там же. Л. 165.

вновь поступали на работу, сохраняя опасность распространения забастовочного движения. Во многом это происходило из-за недостаточного контроля за кадрами и игнорирования рекомендаций со стороны полиции. Например, в ноябре 1911 года имело место появление отстранённых за забастовку рабочих на станции Владимир, Московско-Нижегородской железной дороги. Впоследствии выяснилось, что грузоотправители и подрядчики хоть и получили от начальника станции требование не брать этих работников, но не придали ему должного значения, наняв уволенных вновь на работу[1]. В некоторых случаях, наём бывших забастовщиков проходил даже при содействии начальствующего состава дороги и в обход жандармерии, как, например, это было на Полесских железных дорогах, находившихся в зоне ответственности Виленского Губернского жандармского управления[2].

Присланные в 1910 году в штаб Отдельного корпуса жандармов списки вновь принятых на службу участников стачек позволяют судить о том, что на работу возвращались и те, кто во время забастовок совершал различные насилия в отношении штрейкбрехеров. Например, среди служащих Московско-Курской и Нижегородской железных дорог, вернувшихся на службу в районе ответственности Подольского отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог, значился конторщик службы тяги Михаил Колоколов, который во время волнений 1905 – 1906 годов: «…управлял огнем при обстреливании церковной школы на станции Тула, руководил организацией забастовок, объявлял бойкот старшему табельщику за то, что он не желал присоединиться к забастовке»[3]. Однако, по состоянию на 10 ноября 1910 года, Колоколов характеризовался жандармами уже как безусловно бездействующий и не внушавший никаких подозрений.

Итак, в деле вербовки штрейкбрехеров на территории Российской империи были распространены два подхода. Первый был характерен для частных фабрик,

[1] ГА РФ. Ф. 59. Оп.1. Д. 56. Л. 135.
[2] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 25.
[3] Там же. Л. 479.

заводов и мастерских. Вербовщиками здесь являлись как сами хозяева, так и лояльные им сотрудники, а также различные посредники. Набор шел либо с улицы, путём расклейки объявлений или публикаций в газетах, либо осуществлением выписки работников с других предприятий, привлечением арестантов, солдат, членов правых союзов и частных лиц. Отличительной чертой этого типа вербовки являлось то, что штрейкбрехеры, как правило, набирались уже по факту забастовки. Эффективность найма могла зависеть от сезона работ, положения отрасли, квалификации работников, а также общей координации и организованности рабочих. Чем крепче была солидарность и полнее информированность трудящихся, тем сложнее было найти новых работников нужной квалификации на замену бастующим.

Второй подход применялся на частных и казенных предприятиях особой значимости, вроде железных дорог. От первого он отличался большей тщательностью и затратами, и включал в себя комплекс предупредительных и контрольных мер, таких как полицейский мониторинг численности и положения лояльных рабочих, фильтрация сотрудников, превентивное формирование штрейкбрехерских дружин, разработка инструкций по замещению должностей бастующих и т. д. Все эти меры не являлись панацеей, но, тем не менее, позволяли в случае начавшейся забастовки более оперативно восстанавливать функционирование остановивших работу объектов.

ГЛАВА II: ШТРЕЙКБРЕХЕРЫ: МЕЖДУ РАБОЧИМИ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ И ВЛАСТЬЮ

2.1. Формы и методы борьбы со штрейкбрехерством в рабочей среде

В условиях обострения кризисных тенденций конца XIX – начала XX века, слабости фабричной инспекции, несовершенства трудового законодательства и бесправия наёмных рабочих, для участников российского рабочего движения стачка стала едва ли не единственным эффективным способом противодействия произволу со стороны предпринимателей, пусть и, в известной степени, рискованным. Будучи нацеленной на самое болезненное место капиталиста, его карман, она нередко позволяла добиваться рабочим своих требований в вопросах улучшения условий труда и найма. Однако без достижения единства и монолитности трудящихся, о получении ими каких-либо положительных результатов в ходе стачечной борьбы, оставалось только мечтать. Поэтому штрейкбрехеры, нарушавшие во время забастовки коллективную солидарность, объявлялись профсоюзными активистами главными врагами пролетарской сплочённости: «…есть очень много вредных обстоятельств, которые при случае нарушают нашу солидарность, вреднее всего разумеется то, что из нашей собственной среды являются изменники. Разве мы можем думать о каком-либо солидарном выступлении, если там, где мы по-братски подаём друг другу руку, нашу борьбу выдают противникам наши собственные товарищи»[1] – говорилось в прокламации Виленского комитета РСДРП (б) «Долой штрейкбрехеров».

Соглашательство с хозяевами, поддержка начальства во время трудового конфликта, шпионаж за коллегами и прочие подобные деяния встречали резко негативную реакцию со стороны сознательных рабочих. Советский историк В. Ф. Шишкин отмечал, что отношение к штрейкбрехерству как к презираемому и позорнейшему деянию прочно укрепилось в среде пролетариата в годы Первой

[1] ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 33104. Л. 1. (См.: Приложение № 2; Приложение № 3).

русской революции[1]. Однако, как мы увидим далее, акты противодействия штрейкбрехерам приобретают заметные масштабы уже в конце XIX века.

Одним из наиболее значимых способов воздействия на штрейкбрехеров являлась пролетарская пресса. Ориентированные на трудящихся газеты, помимо обычных новостей, сообщали своим читателям об условиях труда на фабриках и заводах, положении дел внутри рабочих коллективов, освещали проходившие забастовки и другие трудовые конфликты. Писали они и о появлении штрейкбрехеров. Распространялись такие издания, как правило, левыми партиями и организациями, а также рабочими союзами, нося при этом выраженный оппозиционный характер. Для тех же социал-демократов, в деле борьбы за политическую власть в стране, организация забастовок имела большое значение, а потому консолидация пролетариата, культивирование стойкости и единства среди бастующих, стояли для них далеко не на последнем месте. Многие их газеты становились рупорами агитации против штрейкбрехерства.

Большевистские «Правда», «Наш путь», меньшевистские «Луч», «Курьер», «Новая рабочая газета» и другие издания публиковали на своих страницах обличительную пропаганду, печатали гневные письма рабочих в адрес штрейкбрехеров, фиксировали случаи «измены» рабочему делу на фабриках и заводах. «Стыдно и грязно, товарищи, срывать стачку, разве вам так живётся хорошо?»[2] – укорял в изъятом полицией письме в газету «Путь Правды» рабочий-пекарь своих не присоединившихся к забастовке коллег. «Так кому же порадоваться, как не капиталисту, что есть на матушке Руси рабочие, которые в нужную ему минуту согласны работать за более дешевую плату, чем работавшие прежде непокорные рабочие <…>, вставать на места бастующих является недостойным каждого честного рабочего, не только члена какой-либо организации…»[3] – стыдили штрейкбрехеров в «Луче». Особо выделялась на поприще борьбы с «ломающими стачку» ленинская «Правда», в публикациях

[1] Шишкин В. Ф. Так складывалась революционная мораль: исторический очерк. М.: Мысль, 1967. С. 339.
[2] ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 3909. Л. 1.
[3] Луч. 1913. 6 апреля. № 80 (166). С. 3.

которой нашли отражение различные явления рабочей жизни, в том числе и штрейкбрехерство. В юбилейном выпуске газеты сообщалось, что исследователи, бытописатели, поэты и художники рабочего класса смогут, благодаря этому, почерпнуть со страниц газеты наиболее полные сведения обо всех аспектах жизни пролетариата[1]. Однако, в первую очередь, материалы о штрейкбрехерах носили практический характер, печатаясь с целью информирования рабочих.

Рабочими газетами обнародовались имена и клички нарушителей пролетарской солидарности, указывались их профессиональная принадлежность, численность, обстоятельства вербовки, словом всё, что удавалось разузнать корреспондентам. К примеру, так выглядело типичное сообщение о штрейкбрехерах на страницах «Правды»: «Забастовка продолжается 9-й день. Штрейкбрехерствует 40 чел. Один, по прозвищу «пятиалтынный», Василий Козлов, перешел от Наумова, член профессионального общества. Ему вынесено бастующими, до 60 чел., порицание с требованием уйти от Савкова или из о-ва. Работают бараночники: Александр Смирнов, Константин Царев, Константин Толкачев, Николай Яковлев. Толкачев, проработав день, присоединился было к бастующим, теперь опять штрейкбрехерствует. Фамилии остальных выясняются. На всех штрейкбрехеров наложен бойкот»[2].

«Забастовка продолжается 13 дней. Несмотря на общее постановление рабочих – не ходить на работу до полного удовлетворения, всё – таки нашлись слабые товарищи, которые не выдержали и 26 августа с утра вышли на работу в количестве 12 человек, почти все чернорабочие. Но проработав до обеда и увидев, что их так мало, после обеда уже вышли на работу не все, а только следующие рабочие: 3 слесаря – Ратцаль, Медведев, Орлов, из машинного отд. – Кузнецов, Александров и регулятор Викман, да в магазине на Казанской улице штрейкбрехерствуют полировщик Яковлев и настройщик Ильин»[3] – писала о

[1] Правда. 1913. 23 апреля. № 92 (296). С. 5.
[2] Правда. 1913. 2 апреля № 77 (281). С. 3. (См.: Приложение № 6).
[3] Новая рабочая газета. 1913. 27 августа. № 16. С. 3.

штрейкбрехерах на фортепианной фабрике братьев Оффенбахер «Новая рабочая газета».

Из-за скрытности штрейкбрехеров, обрывистости данных о них, а также для экономии места, в газетах часто публиковались только фамилии «изменников»: «Забастовка продолжается 22 - й день. Работают два штрейкбрехера – Хувянен и Кузьма»[1] – писала в заметке о стачке в футлярной мастерской Йегесса «Правда». «Настроение бодрое, большая часть организованных. Штрейкбрехерствуют три столяра: Г. Титма, Глинский, Казаков и несколько чернорабочих»[2] – также лаконично сообщала «Новая рабочая газета» о ходе трудового конфликта в мастерской шведско-американской конторской мебели.

Обнародование сведений о штрейкбрехерах выходило за рамки простого информирования рабочих, выполняя также позорящую функцию для тех, чьи имена становились достоянием пролетарской общественности. Даже столь куцые публикации порой серьёзно влияли на жизнь штрейкбрехеров. «Прославившись» на страницах газет, последние становились целями бойкота и даже нападений со стороны бастующих, причём дурная слава об их деяниях могла распространиться не только среди местных рабочих, но и выйти за пределы волости или губернии, вынуждая испытывать трудности при поиске нового места работы.

Власти, однако, пытались бороться с подобными «позорящими» публикациями. Известно, например, что в сентябре 1913 года один из номеров газеты «Правда труда», за статью известного большевика В. М. Молотова «Торговля штрейкбрехерами» был конфискован, а против автора статьи и редактора газеты начато судебное преследование. Петербургский комитет по делам печати отмечал, что «…автор пользуется случаем, чтобы опозорить предполагаемых заместителей бастующих московских трамвайщиков, называя их

[1] Правда. 1913. 26 февраля. № 47 (251). С. 3.
[2] Новая рабочая газета. 1913. 11 сентября. № 29. С. 3.

презрительно кличкою «штрейкбрехеров», штрейкбрехерскими душами», «штрейкбрехерскими молодцами», «штрейкбрехерским сбродом» и т. п.»[1].

Рабочие газеты освещали не только неблаговидные поступки штрейкбрехеров, но и обращали внимание на курьёзные случаи, произошедшие с ними. Такие заметки выставляли нарушителей коллективной солидарности в неприглядном и комичном свете. Например, газета «За Правду!» сообщала читателям о рабочем Воробьёве, который, даже узнав от хозяина петербургской мастерской Зимина об идущей на ней забастовке, ломился туда «поработать», крича при этом, что здешние рабочие неправильно бастуют. Также в заметке говорилось, что Воробьёв был при этом «…пьян и говорил, как битая сковорода»[2].

Особо отмечались случаи перехода сознательных рабочих в стан штрейкбрехеров. Если «тёмному», неграмотному чернорабочему ещё могли простить подобное, то предательство, совершенное рабочим-активистом, порицалось особенно строго. На страницах рабочих газет бывшие товарищи по пролетарской борьбе старались пристыдить и опозорить «изменников»: «Один из старых штрейкбрехеров не выходит на работу уже во второй раз, но к остальным присоединились ещё два: регулятор Дунаевский и Лукашевич. Как они, так и те, о которых уже сообщалось, раньше были самыми заядлыми агитаторами за забастовку. Но теперь фабриканту не время разбираться с качеством человека»[3]; «Поступил на работу токарь Иванов, который много лет состоял в профессиональном обществе по обработке дерева и на собраниях всегда ораторствовал: товарищи, с капиталистом надо всегда бороться, ни перед чем не останавливаясь и терпя всякие лишения. А когда капиталист прислал ему письмо с угрозой, если он не явится в понедельник на работу, то его место займёт другой, то этот «смелый» борец не только сам стал штрейкбрехером, но и привёл

---

[1] Цит. по: Лурье М. Л. Работа товарища Молотова в «Правде» (1912-1914гг.). Историк-марксист. № 3(079). 1940, С. 3–23. [Электронный ресурс] URL: https://clck.ru/3Ezq96
[2] За Правду! 1913. 23 ноября. №. 42. С. 3.
[3] Новая рабочая газета. 1913. 29 августа. № 18. С. 3.

новенького на заготовку»[1]; «Хотя на собрании и было поставлено, чтобы держатся дружно и не отказываться от своих требований, но на другой же день рабочий Миллер вышел на работу штрейкбрехером. А между тем, он сам настаивал на том, чтобы на уступки не идти»[2]– писали о случаях такого перехода в «Новой рабочей газете».

Штрейкбрехеры становились и персонажами пролетарского творчества. В предыдущих параграфах мы уже упоминали о стихе, в котором они сравнивались со свиньёй из басни Крылова. В Государственном архиве Российской Федерации хранится рукопись ещё одного стихотворения, высмеивавшего штрейкбрехеров[3]. В нём безымянному автору удалось ярко представить образы срывавших стачку рабочих, культивировавшиеся в среде организованного пролетариата:

По рельсам железной дороги механик поехал в Москву
Набрал там чужого народа, чтоб в корне разбить крамолу
Привёз и нанял им квартирку, деньжонками тоже ссуждал
И был он доволен собою, что первое мая сорвал.
На практике вышло обратно, пришло роковое число
Звонки на работу звонили, с Москвы не пришло никого
Пустует фабричное зданье, подростки стучат молотками
Штрейкбрехеров горсть небольшая, механик с своими молодцами. –
Совет они крепко держали, чтоб в корне разбить крамолу
Соратники им помогали, чтоб ближе прильнуться к нему
Прошли золотые денёчки, на мизерный влезли оклад
Работают даже и ночки, что – бы только хозяин был рад. –
Изменники нашего дела, продали рабочую честь
И служат царю капиталу чтоб ближе к начальству пролезть
Ведь были же вы батраками, мозоли имели в руках
Просвет вы когда-то видали, теперь вы живёте впотьмах. –

[1] Новая рабочая газета. 1913. 18 сентября. № 35. С. 3.
[2] Новая рабочая газета. 1913. 30 августа. № 19. С. 3.
[3] См.: Приложение № 1.

Но мы же работники дела, уверены будет просвет
Куём и работаем смело, всю правду «Иудам» во вред
Встряхнулся уже весь пролетарий, волненье повсюду идёт
В четвёртый апрель прокричали, гляди первый май идёт[1].

Штрейкбрехеры в стихотворении изображаются как подлые и несознательные, «тёмные» рабочие, готовые пресмыкаться перед начальством ради призрачных перспектив. Слабость и малочисленность этих работников сравнивается с силой и единством сознательных трудящихся. Отождествляются они и с предателем Иудой.

Такие приёмы встречаются и в аналогичных работах других авторов левых взглядов, позволяя предположить об их типичности. Например, слабость штрейкбрехеров противопоставляется стойкости бастующих в рассказе «Штрейкбрехер» революционера и писателя А. К. Гастева[2]. Приравнивание штрейкбрехерства к предательству Иуды встречается как у Гастева в его «Поэзии рабочего удара»[3], так и в брошюре публициста М. Зотова «Товарищ, не изменяй!»[4].

Для информирования рабочих о появлении штрейкбрехеров использовались также специальные «черные списки». Приём этот, вероятно, был подсмотрен у фабрикантов, схожим образом, передававшим друг другу сведения о ненадёжных работниках. Списки служили средством передачи данных между рабочими активистами и могли предназначаться как узкому кругу лиц, которые готовили штрейкбрехерам «тёплый приём», так и широкой рабочей общественности.

Например, в изъятом полицией в редакции неустановленного журнала «черном списке», содержатся имена наборщиков и машинных мастеров, участвовавших в срыве стачки в городе Юрьеве. Безымянный активист

[1] ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 5085. Л. 1.
[2] Гастев А. К. Штрейкбрехер. // Поэзия рабочего удара . Петроград.: Изд-е Пролеткульта, 1918. С. 49 – 54.
[3] Васильченко Н. А. «Поэзия рабочего удара» А. Гастева в журнальном контексте «Пролеткульта». // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. № 2 – 3 (66 – 67). Кубань.: Кубанский социально – экономический институт, 2015. С. 69.
[4] См.: Зотов М. Товарищ, не изменяй! Увещание штрейкбрехера. Ростов на Дону.: Тип. Донская речь, 1906. 10 с.

предупреждает о возможном их появлении в Петербурге, так как часть из них работала в нем ранее, прилагает список из 33 фамилий, разделённый по специальностям. Особое внимание уделяется некому Жике Атанасковичу, болгарину из Софии, который назван «международным штрейкбрехером»[1]. Небольшой размер бумаги, а также мелкий, убористый почерк писавшего, могут свидетельствовать о том, что этот список передавался негласно[2]. В дальнейшем имена упомянутых в нём штрейкбрехеров, очевидно, ждало обнародование в одной из рабочих газет.

«Чёрный список» содержала изданная в Риге латышским отделением РСДРП (б) прокламация «Долой штрейкбрехеров!». Распространялась она среди деревообделочников города в августе 1913 года. Структурно в ней можно выделить две составные части. Первая представляла собой агитационный текст, в котором культивировался типичный для социал-демократов призыв о важности классовой солидарности трудящихся[3]. Вторая часть листовки содержала список с именами штрейкбрехеров (всего около 30 человек) и мест их работы. Черный список распространялся среди рабочих, для последующего бойкотирования указанных в нём «изменников». Перед именами последних также указывалось, что они: «составляют целую шайку штрейкбрехеров и провокаторов, которая работает в промышленности по обработке дерева, в отмеченных предприятиях по 3–4 раза испортили забастовки, выдали администрации и полиции лучших товарищей, присвоили деньги рабочих и т. д.»[4]. Как можно судить из текста, речь шла не просто о невольных штрейкбрехерах, а о тех, кого сознательные трудящиеся именовали «злостными штрейкбрехерами» – работников, неоднократно принимавших участие в срыве стачек, или совершавших особо презираемые в пролетарской среде поступки, приносившие вред коллективу.

---

[1] ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 5433в. Л. 1.
[2] См.: Приложение № 4.
[3] ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 33104. Л. 1.
[4] Там же.

Распространенным способом борьбы со штрейкбрехерством являлся бойкот. Этот метод на страницах рабочей прессы культивировался как основной в деле воздействия на «ломающих стачку». Так, например, о нём писали в «Правде»: «На штрейкбрехеров наложен бойкот, – заявляют забастовщики. Это значит, что ни один честный рабочий не должен работать рядом с тем, кто оказался изменником рабочему делу»[1].

О том, что ожидало подвергшихся бойкотированию работников, а так же, как проходила процедура назначения этого наказания, красноречиво свидетельствуют, к примеру, следующие положения о бойкоте, разработанные Петербургским областным комитетом железнодорожного союза в мае 1906 г.:

1. Лицам, от которых зависит или зависело оставление места за пострадавшим товарищем[2] или оставление его места вакантным, посылается официальное предупреждение о бойкоте, с указанием срока, в который нарушение прав пострадавшего должно быть устранено.

2. По истечению этого срока производится ежемесячно публикация данных лиц, с указанием обстоятельств, вызвавших объявление бойкота. Эта публикация производится до смерти бойкотируемых, главным образом по месту их пребывания.

3. Пока бойкотируемые остаются на службе, всякие товарищеские отношения с ними прекращаются.

4. При первой возможности союз принимает меры к устранению бойкотируемых с железных дорог.

5. Бойкот объявляется лишь после самого тщательного расследования дела и смягчающих вину обстоятельств[3].

Изгнание штрейкбрехера не только било по его моральному состоянию, но порой обрекало, если не на голодную смерть, то на серьёзное ухудшение

---

[1] Правда. 1913. 22 мая. № 116 (320). С. 1.
[2] Имеется в виду рабочий, уволенный за забастовку.
[3] Курьер. 1906. 24 мая. № 7. С. 5.

материального положения, так как никто из трудящихся не хотел находиться с ним в стенах одного предприятия.

В этой связи показательна история резальщика Герасимовича, выкинутого хозяином на улицу из переплётной мастерской Улемана в Петербурге, несмотря на его штрейкбрехерство и доносы на коллег. Оставшись без работы, Герасимович попытался поступить в типографию Бенке, однако здешний коллектив, состоявший из сознательных рабочих, был наслышан о его похождениях, потребовав немедленного удаления «изменника». Работники, вопреки призывам владельца типографии к человеколюбию, пригрозили забастовкой, после чего штрейкбрехер всё же был уволен. «Случай с Герасимовичем показывает, какая сила у рабочих, если они сплочены и организованы. Побольше бы такой сплоченности и вряд ли отваживались впредь такие рабочие как Герасимович, вставать на места тех товарищей, которые, не взирая на жертвы, ведут упорную борьбу за свои правовые и экономические интересы»[1] – одобрили действия типографских рабочих на страницах «Правды».

Схожая судьба ожидала и работников, сорвавших упорную стачку на петербургском заводе «Сименс и Гальске» в 1912 году. Несмотря на поражение бастующих, те постепенно выживали штрейкбрехеров с предприятия. «Наконец-то, 20 мая 51-е отделение избавилось от 2-х последних штрейкбрехеров»[2] – отчитались работники этого завода в газету.

О распространённости бойкота среди рабочих свидетельствуют многочисленные покаянные письма штрейкбрехеров, которые те посылали в рабочие газеты, надеясь на реабилитацию в глазах представителей своей профессии. Организаторами подобной практики, по всей видимости, являлись большевики. В «Правде» несколько сотрудников редакции напрямую занимались принятием и публикацией писем раскаявшихся штрейкбрехеров. Ведущую роль в этом процессе играла секретарь и член редколлегии газеты, видная революционерка Конкордия Николаевна Самойлова. Она неоднократно хлопотала

[1] Правда. 1912. 22 апреля № 1. С. 4.
[2] Правда. 1913. 29 мая № 122 (326). С. 3.

за приходивших в редакцию «изменников», за что шутя была прозвана коллегами «штрейкбрехерской матушкой»[1]. Решение о публикации того или иного письма принимал заведующий отделом рабочей хроники, революционер Константин Степанович Еремеев. Приёмом штрейкбрехеров занимался помощник Еремеева, журналист Григорий Шидловский[2].

Каким бы жестоким и суровым ни был бойкот, публичные извинения давали провинившимся возможность влиться обратно в профессиональную среду. В покаянных письмах душевные мытарства штрейкбрехеров находили своё исключительно яркое выражение. Так, чернорабочий завода Сименс и Гальске Фёдор Павлов, после почти года бойкотирования его другими рабочими писал: «Я <…> поступил работать в экономическую забастовку 1912 года, 22 июля. Прошу у товарищей извинения. Впредь этого не сделаю, я желаю выйти из этого ада. Это не жизнь, а ад кромешный. Желаю стать на ту точку, на которой стоят все рабочие»[3]. Ставший изгоем рабочий-металлист Николай Садунов уже через два месяца после объявления ему бойкота отнёс покаянное письмо в «Правду»: «Каюсь в своём поступке перед всеми товарищами рабочими по металлу. Даю слово, что моя нога впредь никогда не ступит на скверный и позорный путь штрейкбрехерства. Товарищи, каюсь перед вами!»[4]. Наличие этих писем свидетельствует о том, что бойкот строго соблюдался организованными трудящимися, а покаяние фактически являлось последней соломинкой, за которую хватались провинившиеся рабочие.

Трудно сказать, насколько искренни были штрейкбрехеры в покаянных письмах. На некоторые из них впоследствии приходили жёсткие ответы, указывающие на лукавство кающихся[5]. Одним из наиболее распространенных

---

[1] Братская могила: Биогр. словарь умерших и погибших членов Моск. орг. РКП(б). Вып. 2 / Моск. ком. РКП(б). Губ. бюро комис. по истории Окт. рев. и РКП. М.: ИСТПАРТ, 1923. С. 213.
[2] Ковалев С.М. Большевистская «Правда» 1912-1914 гг. М.: Госполитиздат, 1941. С. 176 – 177.
[3] Правда. 1913. 3 мая. № 100 (304). С. 5.
[4] Правда. 1912. 22 сентября. № 124. С. 3.
[5] Правда. 1912. 4. сентября. №. 108. С. 4.; Правда. 1912. 3. октября. №. 133. С. 4.

мотивов своего штрейкбрехерства рабочие называли незнание о забастовке[1]. Среди мотивов в письмах также часто встречался экономический фактор: безвыходное положение, голод, отсутствие возможности оплатить жильё, тяжёлое положение семьи и т. д.[2] При этом акцент делался на крайнюю нужду кающегося, но не его возможные корыстные интересы. Указывали штрейкбрехеры и на страх перед начальством, а также на необдуманность своего деяния и собственное невежество[3]. Случалось, что штрейкбрехером называлось сразу несколько причин, толкнувших его на совершение «измены». Так, рабочий Даниленко писал в своём письме, что на штрейкбрехерство в типографии Стасюевича его толкнул страх не найти работу, приличный заработок, привычка (Даниленко проработал в этой типографии несколько лет), а также удобство. Отдельно он указывал на свою инвалидность (отсутствие ноги) и трудности с трудоустройством из-за этого увечья[4]. Среди писем не удалось найти раскаяний черносотенцев и тех, кто шел на «измену» по идейным причинам. Тем не менее, советский исследователь и публицист Л. М. Клейнборт полагал, что если некоторые письма и не являлись искренними, то в большей части в тех из них, где штрейкбрехеры ссылались на свою темноту и несознательность, действительно звучат голоса рабочей совести. По его словам, срывавшие стачки рабочие были «забитыми людьми» из деревни, которые первые попытки стать «человеком» делают на фабрике[5].

Перспектива оказаться изгоем среди своих товарищей настолько пугала отдельных рабочих, что они каялись в своём проступке, даже не совершив акт «измены». В одном из воскресных номеров «Правды» было помещено письмо монтёра Чиркова, который просил прощения у рабочих технической конторы

---

[1] Правда. 1912. 4 сентября. №. 108. С. 3; Правда. 1912. 27 сентября. №. 128. С. 3; Правда. 1912. 30 сентября. №. 131. С. 4; Правда. 1913. 8 января. №. 6 (210). С. 3; Правда. 1913. 3 февраля. №. 28 (232). С. 3; Правда. 1913. 23 февраля. №. 45 (249). С. 3; Правда. 1913. 2 июля. №. 149 (353). С. 3. и др.

[2] Правда. 1912. 29 сентября. №. 130. С. 3; Правда. 1913. 12 апреля. №. 85 (289). С. 5; Правда. 1913. 22 мая. №. 116 (320). С. 5; Правда. 1913. 5 июня. №. 127 (331). С. 3. и др.

[3] Правда. 1913. 8 января. №. 6 (210). С. 3; Правда. 1913. 24 мая. №. 118 (322). С. 3; Правда. 1913. 9 июня. №. 131 (335). С. 3. и др.

[4] Правда. 1912. 4 сентября. №. 108. С. 4. (См.: Приложение № 5).

[5] Клейнборт Л. М. Рабочий класс и культура. Т. I. М.: ВЦСПС, 1925. С. 64.

Меррет и Джонс, за то, что поступил работать во время забастовки по своему незнанию[1]. Однако рабочие этого предприятия сообщили в газету, что Чиркова они за штрейкбрехера не считают, так как он не выполнял работы бастующих[2]. Поступивший также по незнанию в типографию Зархи рабочий Моисеев не только опубликовал свои извинения в «Правде», но и отправился в петербургское общество рабочих печати с письмом от управляющего этой типографии, в котором сообщалась информация с обстоятельствами его найма[3]. Сознательные работники, опасаясь прослыть невольными штрейкбрехерами, даже иногда справлялись по поводу того или иного объявления о работе, не является ли оно ловушкой и не идёт ли на самом деле набор на бойкотируемые места[4].

Часто бойкот предварялся различными «позорящими» ритуалами, призванными посрамить штрейкбрехера. Некоторые из них коренились ещё в крестьянских обычаях. Так, например, иногда к рукам штрейкбрехеров привязывали жердь и водили их по предприятию, как обычно водили воров по селу[5]. Сельские корни имел и самый распространенный из таких ритуалов, вывоз на тачке. В рамках начатой революционерами во время Первой русской революции кампании по изгнанию черносотенцев с фабрик и заводов, этому наказанию подвергались многие противостоявшие забастовкам рабочие правых взглядов[6]. Применялась эта мера и против неугодных представителей администрации, фабричных инспекторов, доносчиков и тех, кто, по мнению рабочих, совершал неблаговидные поступки внутри рабочего коллектива.

Проходил вывоз следующим образом. Провинившегося сажали в тачку, иногда набрасывая на него мешок[7], после чего везли через всё предприятие,

---

[1] Правда. 1913. 26 мая. №. 120 (324). С. 4.
[2] Правда. 1913. 1 июня. №. 125 (329). С. 3.
[3] Правда. 1913. 16 января. №. 12 (216). С. 3.
[4] Правда. 1913. 2 февраля. №. 27 (231). С. 3.
[5] Трошина Т. И. «Крестьянские самосуды» в революционную эпоху: актуализация коллективного опыта (на материалах северных губерний Европейской России) // Российская история. № 2. 2012. С.196.
[6] Смирнова С. И. Черная Сотня. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1906. С. 4.
[7] Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году. // Сб. документов и материалов. Иваново.: Ивановское книжное издательство, 1955. С.233 – 234.

попутно насмехаясь над ним и всячески оскорбляя. По окончании унизительной процедуры несчастный выбрасывался за ворота фабрики или завода. Таким образом, например, на заводе Пасторова в Петербурге рабочие пытались вывезти мастера Зикмана за черносотенную пропаганду, однако тот, увидев тачку, смог сбежать[1]. На заводе Гентке в Саратове, был вывезен мастер Добровольский, подозреваемый в доносительстве[2]. На бумагопрядильной фабрике Провиали, работница Ольга Алексеева, славившаяся своими доносами администрации, была в мешке вывезена на набережную, за избиение бастующей работницы[3].

Перспектива стать неприкасаемым в рабочей среде являлась не самым страшным последствием для штрейкбрехера. Революционный террор начала XX века, ставший обыденностью на территории Российской империи, не обошел стороной и лояльных хозяевам работников. Вынужденные существовать в условиях обострения социальной вражды, российские штрейкбрехеры регулярно становились объектами нападений и насильственного снятия с работ со стороны забастовщиков и революционеров.

К началу XX века практика силового воздействия на штрейкбрехеров массово распространилась, например, на территории черты оседлости и была связана с деятельностью еврейских социал-демократических рабочих групп. Не желавшие участвовать в стачках работники оказывались в сложной ситуации. Например, в конце 1900 года полицией в Минске была вскрыта деятельность организации подмастерьев-шапочников, которые вербовали в свои ряды недовольных условиями труда и найма работников-евреев. Группа активно подбивала рабочих на забастовки, вела пропагандистскую работу на базе местной иудейской молельной школы, а также угрозами и нападениями терроризировала не желавших бастовать работников. К примеру, входившие в эту организацию шапочники, в мае 1900 года так избили рабочего, нанявшегося на бойкотируемое

[1] ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 3. Д. 37. Л. 141.
[2] Курьер. 1906. 19 мая. № 3. С. 4.
[3] Курьер. 1906. 11 июня. № 23. С. 3.

место в мастерскую Зельдина, что тот со страху примкнул к стачечникам[1]. Во время попытки избиения очередного штрейкбрехера, полиции удалось задержать двоих членов этого союза, что послужило поводом для начала дознания, в ходе которого почти все основные члены организации были подвергнуты аресту[2].

В местечке Березина также действовало нелегальное объединение рабочих-евреев, избивавших тех работников, кто не бросал работу во время стачек, доносил на них в полицию, сопротивлялся решениям их организации и не присоединялся к ней. Для высылки прибывавших со стороны, на замену рабочим, штрейкбрехеров и для обеспечения укрывавшихся от правоохранительных органов лиц, ими даже была учреждена специальная касса[3]. Как и в случае с предыдущей группой, союз был разогнан полицией, а его члены арестованы.

Нападения на штрейкбрехеров совершали и русские рабочие. Например, освещая забастовку на Путиловском заводе, в январе 1905 года большевистская газета «Вперёд» отмечала, что: «Избиение штрейкбрехеров приняло здесь повальный характер»[4]. Фабричный инспектор И. И. Янжул в то же время сообщал об общем распространении в стране прямого принуждения во время стачек: «Рядом с добровольным прекращением работы, на многих промышленных и торговых учреждениях России имело большую силу, в особенности в последних забастовках, прямое принуждение и угрозы, поэтому русские забастовки отличались <…> глубоким злом общего разорения, которое они наносили хозяйству страны»[5] – писал он в 1906 году.

Увеличение числа избиений, во время начавшейся в 1912 году очередной стачечной волны, даже вынудило «Правду» выпустить статью с критикой подобных методов. «За последнее время сознательным рабочим с трудом удаётся удерживать товарищей от насилий над штрейкбрехерами, да и не везде удаётся. <…> следует раз и навсегда заявить: физические насилия над штрейкбрехерами

[1] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 341. Л. 4.
[2] Там же. Л. 4–5.
[3] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 349. Л. 1.
[4] Вперед. 1905. 28 февраля. №. 8. С. 10.
[5] Янжул И. И. Забастовки или стачки рабочих и чиновников, их значение, критика и возможность их замены. СПб.: Друзья свободы и порядка, 1906. С. 8–9.

не допустимы. Большая часть штрейкбрехеров поступает так по своей несознательности, по темноте. <…> Злостных штрейкбрехеров, заведомо идущих на предательство гораздо меньше. И если даже с этими субъектами недопустима кулачная расправа, то тем более недопустимо избиение рабочих за их малую сознательность, за непонимание своих и общих интересов»[1] – писала газета в мае 1913 года.

В нападениях и запугивании штрейкбрехеров участвовали и специальные «боевые дружины» из числа забастовщиков. Например, так свой опыт встречи с подобной дружиной во время декабрьской забастовки 1905 года описывал маневровый машинист Московско-Брестской железной дороги Валюкскас: «В день забастовки 7 декабря я отправился в 12 часов дня с передачей с Брянского поста на Алексеевский пост. Около Ваганьковского моста меня окружила толпа человек 50, вооруженная кинжалами и револьверами и требовала остановки поезда и спуска пара. Я вместе с главным кондуктором поезда Волковым и агентом службы движения Королевым стали упрашивать их, чтобы они пропустили нас на Алексеевский пост. После долгих переговоров они согласились, но только при условии, чтобы я по возвращении с Алексеевского поста не ездил больше с поездом, на что я вынужден был дать согласие. <…> После этого я <…> был в таком удрученном состоянии, что не мог продолжать службу и, сдав паровоз в депо кочегару, ушел домой»[2].

Часто работники выжидали удобный момент для нападения, а именно, когда штрейкбрехер оказывался один на улице, вдали от полицейских чинов. Однако были и случаи избиения таких рабочих прямо на месте их работы. Обычно били тех, кто при попытке снятия их с работ, проявлял упорство и не следовал указаниям бастующих. Таким образом, например, был избит пекарь Мойша Штук, работавший в булочной Диманштейна на Госпитальной улице в Вильно. Группа рабочих пришла на предприятие и предложила ему бросить работу, на что тот ответил отказом, спровоцировав нападение бастующих. При этом под горячую

[1] Правда. 1913. 22 мая. № 116 (320). С. 1
[2] ЦГА Москвы. Ф. 281. Оп. 5. Д. 14. Л. 119.

руку попали и хозяин пекарни вместе с женой[1]. Стоит отметить, что атаки на штрейкбрехеров почти всегда совершались толпой или группой рабочих, свидетельств одиночных нападений практически нет.

Оступившемуся рабочему могли и спустя годы при удобном случае с охотой «припомнить» его прошлые деяния. Подобное преследование 27-ми летнего рабочего-пекаря Генриха Кубятовского закончилось трагически. В январе 1901 года, на улице Варшавы он подвергся нападению трёх рабочих, за то, что вышел на работу во время имевшей место в 1897 году забастовки пекарей. Предвидя возможность повторных нападений, избитый Кубятовский для самозащиты взял револьвер, после чего встретился со своими обидчиками и застрелил одного из них[2].

Конфликт из трудовой сферы мог вылиться в нападки на родственников и друзей штрейкбрехеров, превращая жизнь целых семей в ад. Так, чудовищный случай мести отказавшемуся бастовать рабочему случился в местечке Крынки, Гродненской губернии. Здесь, 23 января 1901 года, работник кожевенного завода Хаим Трощан, вместе со своими родственниками, прямо во время свадьбы подвергся нападению толпы рабочих. Когда Трощан встал с невестой под хупу,[3] из собравшейся на свадьбу толпы кожевников, по знаку одного из рабочих, посыпались пожелания смерти, вслед за которыми в молодоженов полетели камни. Несколько кожевников, вооружённых палками и склянками с кислотой стали бить родню и друзей Хаима, попутно обливая их едкой жидкостью[4]. На этом страдания брачующихся, однако, не закончились. После того как процессия направилась к дому с арендованным помещением для праздничной трапезы, рабочие стали бить стёкла и бросать камни в окна этого здания, чем сорвали праздник. Только прибытие на место станового пристава урезонило толпу, заставив нападавших кожевников разойтись по домам. К счастью, Хаим и его

[1] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 190. Л. 1.
[2] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 287. Л. 1–2.
[3] Традиционный для еврейского свадебного обряда балдахин, символизирующий семейный дом.
[4] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 323. Л. 1, 31.

родня отделались не опасными для жизни ожогами, ссадинами и испорченной одеждой. Однако часть лица несчастного штрейкбрехера была навсегда обезображена кислотой.

Под горячую руку бастующих попадали и несовершеннолетние работники, как это, к примеру, случилось весной 1901 года в Вильно. Здесь трое рабочих подвергли избиению двух мальчиков, работавших в табачной лавке. При этом сам хозяин магазина настолько боялся мести со стороны забастовщиков, что даже не сообщил в полицию о стачке[1]. Там же, в Вильно, в ходе забастовки приказчиков аптечного магазина неизвестные запугали двух оставшихся работать в нём сотрудников, а также избили поступившего во время трудового конфликта мальчика, Самуила Генделя[2]. Эти случаи скорее выбиваются из общей картины, так как обычно несовершеннолетних рабочих старались не трогать и даже иногда позволяли им работать во время забастовки. Особенно характерно это было для предприятий, требующих квалифицированного труда, потому что здесь рабочие не считали детей, которым не хватало опыта и сил выполнять сложную работу, способными сорвать стачку. Однако, в случае с избиением малолетних работников табачного магазина, обращает на себя внимание молодость нападавших, которым было 15, 16 и 18 лет соответственно, что и может объяснить произошедший акт насилия[3]. Стоит, однако, признать, что подобные нелицеприятные эксцессы нападений на несовершеннолетних всё же случались.

Нападавших не останавливал и пол штрейкбрехеров. Так, во время забастовки на фабрике искусственных цветов в Вильно летом 1901 года мужчины-забастовщики подвергли преследованию трёх работниц, не желавших бросать работу вместе с остальными. При этом к одной из них на дом пришло десять неизвестных ей рабочих, которые угрозами убийством пытались принудить её бросить работу. Нападение было также совершено на малолетнюю дочь хозяйки фабрики, одну из мастериц и на заведующего, за которым, к тому

[1] ГА РФ. Ф. 124. Оп.10. Д. 295. Л. 1.
[2] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 306. Л. 1.
[3] ГА РФ. Ф. 124. Оп.10. Д. 295. Л. 1.

же, установили слежку неизвестные. При задержании последних выяснилось, что эти рабочие являлись пекарями и совершенно не были связаны с производством искусственных цветов. К другой профессии принадлежал и некий столяр Геллер, совершивший нападение на дочь хозяйки и на мастерицу. Вероятно, здесь существовал подпольный союз, объединявший работников разных профессий. Могло быть дело и в широких дружественных связях забастовавших рабочих, привлекших своих знакомых к охоте на штрейкбрехеров. Хотя четверых нападавших в итоге арестовала полиция, стачечникам всё же удалось принудить штрейкбрехеров оставить работу [1].

Не всегда бастующие останавливались на кулачной расправе. Нередки были и случаи убийств штрейкбрехеров. Так, во время всеобщей политической стачки в январе 1905 года, вызванной расстрелом мирного шествия рабочих в Петербурге, при попытке возобновить работы в Привислинских железнодорожных мастерских, 22 января было убито несколько штрейкбрехеров[2]. В Тифлисе, 24 января 1905 года в результате волнений в городе забастовщики убили несколько штрейкбрехеров, а также полицейских и солдат[3]. Во время забастовки трамвайщиков в Риге в 1906 году на штрейкбрехеров и вовсе было устроено настоящее сафари. Разъярённые забастовщики мастерили самодельные бомбы и забрасывали ими трамваи тех работников, кто осмелился выйти на маршруты. Администрация города привлекла к охране вагонов городовых, но предотвратить теракты не смогла. Так, 22 августа, брошенной на Столбовой улице бомбой, был тяжело ранен городовой и убит один из пассажиров трамвая. 12 сентября ещё один пассажир стал жертвой взрыва, при этом ранения получили городовой, вагоновожатый и ещё два пассажира. В тот же день удалось задержать одного из бомбистов, который уже 15 сентября был казнён по приговору военно-полевого суда. 10 сентября неизвестными был застрелен контролёр-штрейкбрехер Фильрозе, а 14 сентября у трамвайного депо обстреляли группу продолжавших

[1] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 302. Л. 1–2.
[2] Вперед. 1905. 15 марта. №. 10. С. 8.
[3] Вперед. 1905. 28 февраля. № 8. С. 11.

работать кондукторов. При этом один из них был убит, двое других тяжело ранены[1].

Маловероятно, что рабочие, совершая акты прямого насилия, ставили себе целью перевоспитание штрейкбрехеров. Скорее это являлось актом выражения коллективной ненависти. Такие действия, однако, всё же влияли на других членов трудового коллектива. Судьба штрейкбрехера была предостережением и напоминанием для рабочих о том, что их может ожидать в случае «измены». Травля, угрозы, избиения и убийства слабо способствовали солидаризации пролетариата. «Солидарность» в таком случае основывалась на страхе. Сломленный и запуганный преследованием со стороны коллег, штрейкбрехер вряд ли мог искренне встать на сторону сознательных рабочих. Именно поэтому многие социал-демократы старались предотвращать физический террор в отношении таких работников.

Например, в 1906 году, меньшевистский «Курьер», освещая собрание работников свекловичных плантаций, акцентировал внимание на позитивных сдвигах в их отношении к противодействию штрейкбрехерам: «(работники) особенно подробно останавливаются на вопросе о борьбе с штрейкбрехерами и решают: для успешной борьбы со штрейкбрехерами нужна литература. Это решение особенно ценно, как крупный шаг вперёд по сравнению с прошлогодним взрывом, (когда) забастовщики по отношению к штрейкбрехерам действовали больше кулаком, чем убеждением»[2]. Критиковали избиения штрейкбрехеров и большевики: «Кулак и дубина самое неверное средство убедить непонимающего. <…> Передовые рабочие должны разъяснять массам вред «кулачной» агитации»[3] – писали в 1913 году в «Правде».

Важным способом борьбы со штрейкбрехерством во время идущей забастовки являлась организация наблюдательных постов, так называемых пикетов. Эти посты, как правило, состояли из небольших групп рабочих, и

---

[1] Забастовки трамваев в Риге и Вильне. // Трудовой народ. Народно – социалистическое обозрение. Вып. 11. 1906., С. 74–77.
[2] Курьер. 1906. 24 мая. № 7. С. 7–8.
[3] Правда. 1913. 22 мая. № 116 (320). С. 1

расставлялись близ завода или фабрики. В задачи пикетчиков входила слежка за штрейкбрехерами и не допуск их на предприятие. Между постами курсировали патрули из рабочих, которые могли обходить не только прилегающую к фабрике местность, но и следить за домами штрейкбрехеров. В случае если желающий «поработать» попадался пикету, то его старались разными способами уговорить не идти на предприятие[1]. В отношении особо упорных штрейкбрехеров применяли силу. Эффективно показали себя пикеты, например, во время знаменитой стачки иваново-вознесенских рабочих в мае – июне 1905 года. Местные фабриканты здесь, по сути, бросили лояльных им работников на произвол судьбы, уехали в Москву и решили дожидаться подхода войск и казаков. Бастующие же, на своём собрании, состоявшемся 20 мая, постановили, что для охраны правопорядка в городе и недопущения возобновления работ на фабриках, заводах и в мастерских нужно создать охранную стражу из рабочих[2]. «Совет (рабочих депутатов) поручил милиции наблюдать за порядком в городе и не допускать к работе штрейкбрехеров. В первые недели забастовки около фабрик по утрам расставлялись назначаемые Советом патрули милиции для проверки, не идёт ли кто-нибудь на работу. В патруле по поручению Совета приходилось неоднократно бывать и мне. Рано утром, когда только всходило солнце, стоишь, бывало, на главной дороге, ведущей к фабрике, и смотришь, не покажется ли где штрейкбрехер. Но проходит час, другой – кругом всё тихо и безлюдно»[3] – вспоминал свой опыт участия в пикете большевик, деятельный участник стачки Ф. Н. Самойлов.

Известны случаи, когда для того, чтобы сорвать работу штрейкбрехеров, им незаметно ломали инструменты. Практика эта получила широкое распространение в рамках так называемой бисерной забастовки и даже привлекла

---

[1] Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1907. С. 109.

[2] Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году. // Сб. документов и материалов. Иваново.: Ивановское книжное издательство, 1955. С. 144.

[3] Журавлев В. В. Первый штурм самодержавия. М.: Политиздат, 1989. С. 117.

внимание полиции. Бисерная забастовка была очень схожа с итальянской[1], но её участники не только строго следовали всем инструкциям, но и ленились при осуществлении своих трудовых обязанностей. Штрейкбрехерами в таком случае выступали те работники, которые продолжали трудиться в стандартном темпе.

В начале января 1911 года начальник Московского жандармского полицейского управления железных дорог предостерёг циркуляром всех начальников отделений вверенного ему управления о возможности начала волны таких забастовок в железнодорожных мастерских, отметив также что: «Если кто из служащих не желает примкнуть к забастовщикам, то все забастовщики, как бы случайно, такому служащему мешают: портят ему инструмент, делают ему неприятности по службе в том деле, за которое он ответственный и этим в глазах начальства делают его нерадивым и неспособным»[2]. Полицейским чинам предписывалось действовать осмотрительнее и тщательнее разбираться в ситуации, чтобы потерпевший от происков бастующих, не пострадал по ошибке ещё и от полиции.

При более «традиционных» формах стачек инструменты у штрейкбрехеров иногда просто отбирали. К примеру, «…отнятию и унесению инструментов»[3] со стороны бастующих неоднократно подвергались рабочие и надсмотрщики, пытавшиеся во время декабрьской политической забастовки 1905 года восстановить телеграфное сообщение на Московско-Брестской железной дороге. Лишь выделение достаточной охраны, позволило штрейкбрехерам, наконец, выполнить свою работу.

Применялись и другие способы помешать труду штрейкбрехеров. Например, во время забастовки петербургского парового трамвая в 1906 году, забастовщики использовали оригинальный способ для остановки движения не примкнувших к ним машинистов. Работники сталелитейной мастерской

---

[1] При итальянской забастовке работники не бросают работу, а осуществляют свои трудовые обязанности очень медленно, в соответствии со всеми формальными предписаниями и законоположениями.
[2] ГА РФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 56. Л. 147.
[3] ЦГА Москвы. Ф. 281. Оп. 5. Д. 4. Л. 28.

Семянниковского завода, по просьбе забастовщиков выкатили на тележке 86 – пудовую болванку, положив её поперёк путей. Только привлечение солдат, стащивших с дороги препятствие, позволило восстановить движение[1]. Однако стойкость бастующих, равно как и поддержка семянниковцев, проявивших солидарность с трамвайщиками, способствовали в итоге окончанию забастовки в пользу рабочих[2].

Случалось, что путём интриг, стачечники натравливали на штрейкбрехеров полицию или администрацию предприятия, в результате чего те могли потерять работу. Зачастую это практиковалось по завершении трудового конфликта и являлось своего рода местью за срыв стачки. Так, после окончания уже упоминавшейся в параграфе декабрьской забастовки 1905 года, на станции Минск Московско-Брестской железной дороги были уволены телеграфисты Тишинский, Латушко и Бортновский. Всех троих обвиняли в агитации, подстрекательстве и организации забастовок, а их фамилии были даже напечатаны в правой газете «Минская речь», которая клеймила этих телеграфистов как деятельных забастовщиков[3]. В результате расследования, проведённого Минским отделением Московско-Рижского жандармского полицейского управления железных дорог, выяснилось, что на служащих возвёл напраслину некий механик Пашков, который, во время забастовки, сам способствовал распространению депеш от стачкома, скрывая их от полиции[4].

Важную роль в реабилитации штрейкбрехеров-телеграфистов сыграли свидетельства их сослуживцев из числа «благоразумного» элемента, а также письмо запасного телеграфиста станции Минск Владимира Кренивицкого, в котором тот сообщал, что уволенные: «… службу всё время забастовки несли добросовестно, согласно правилам. Что же касается принятия комитетских депеш,[5] то названные телеграфисты <…> очень часто отказывались от приёма

[1] Курьер. 1906. 15 июня. №. 15. С. 3.
[2] Курьер. 1906. 17 июня. №. 17. С. 3.
[3] ЦГА Москвы. Ф. 281. Оп. 5. Д. 4. Л. 57.
[4] Там же. Л. 40.
[5] Имеются в виду телеграммы забастовочного комитета.

таковых, а если и принимали, то очень часто уничтожали, находя их по своему личному усмотрению вредными как правительству, так и всем агентам»[1].

Криневицкий также указывал, что штрейкбрехеры уговаривали и своих коллег не принимать депеши комитета, за что, вместе с ним подвергались угрозам со стороны мастеровых: «…мастеровые угрожали лишением нас жизни, что было доказано на фактах 9 декабря минувшего года: мастеровые, встретив меня идущего <…> по воинской платформе угрожали убить, если я и товарищи мои не будут принимать деятельного участия в распространении комитетских депеш. <…> …но и после всего этого вышеупомянутые телеграфисты всё-таки скрывали подобные депеши, не смотря на все эти угрозы, а напротив, ревностно заявили, что готовы даже и пострадать, но распространять не согласны»[2]. По выяснении полицией невиновности Тишинского, Латушко и Бортновского, начальник Московско-Брестской железной дороги рекомендовал начальнику телеграфа принять вновь на службу несправедливо уволенных служащих, за исключением, однако, их прежнего места работы: станции Минск[3].

Здесь же, на Московско-Брестской железной дороге, провалилась интрига и против другого штрейкбрехера, старшего механика службы телеграфа Осипа Пенькославского. Последний, в ходе октябрьской стачки 1905 года смог наладить функционирование телеграфа, устранив все повреждения, а также обеспечив дежурство группы телеграфистов, уверив тех в бессмысленности угроз забастовщиков. Помимо этого, как сообщал начальнику дороги сам Пенькославский: «В других отделах моей деятельности как то: Телеграфной мастерской, Телефонном Отделе, моей конторе и технический персонал по всей линии никто к Октябрьской забастовке не примыкал и исполнение служебных обязанностей как моих подчиненных, так равно и мной не на один час не

[1] ЦГА Москвы. Ф. 281. Оп. 5. Д. 4. Л. 57
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 44.

прекращалось…»[1]. Не поддержал он и декабрьскую забастовку, обеспечивая в период с 15 по 17 декабря восстановление телеграфной линии.

Вопреки этому, на Пенькославского, прослужившего на дороге около 16 лет, и имевшего безупречный послужной список, был написан донос, обвинявший его, помимо прочего, в участии в забастовках. Однако штрейкбрехера в итоге не постигли ни санкции, ни увольнение. Вероятно, были приняты во внимание прежние заслуги Пенькославского, оправдывающие свидетельства коллег, и его собственные объяснения, подтверждавшие пустоту предъявляемых обвинений. Для старшего механика, тем не менее, эта ситуация превратилась в личную драму. Донёсший на него надсмотрщик Сергей Кубрин пользовался доверием Пенькославского и был его воспитанником.

Вспомогательными инструментами противодействия штрейкбрехерству являлись листки, брошюры и прокламации, издававшиеся с целью сохранения монолитности рабочих во время забастовки и вовлечения трудящихся в стачечную борьбу. Такие материалы часто содержали угрозы, направленные в адрес штрейкбрехеров. Например, в ходе борьбы рабочих-ремесленников города Щавли Ковенской губернии за уменьшение рабочего времени на окнах и дверях тех мастерских, где рабочие продолжали трудиться более 12 часов в день, в конце 1900 года стали появляться листки следующего содержания: «Работники соединяйтесь. Щавельская социал-демократическая партия работников просит прочих работников заниматься работою только с восьми до восьми – 12 часов в день, а в случае нежелания будем знать, что делать»[2]. Последняя фраза обращения прямо намекала на применение насилия к тем, кто ослушается указаний бастующих. И действительно, забастовщики здесь подкрепляли свои угрозы бросанием камней в окна предприятий, работавших сверх указанного в листках времени, а также прибегали к избиениям, как рабочих, в том числе несовершеннолетних, так и хозяев мастерских[3].

---

[1] ЦГА Москвы. Ф. 281. Оп. 5. Д. 4. Л. 66.
[2] ГА РФ. Ф.124. Оп. 10. Д. 336. Л. 1.
[3] Там же.

В другой прокламации, ходившей во время забастовки в июле 1901 года среди типографских рабочих Нижнего Новгорода, помимо призывов к единству и стойкости, имелось и предупреждение о том, что тех из работников, кто позарится на хозяйские подачки и «…станет на работу в своей или чужой типографии, (мы) будем считать изменниками и изгоним их из своей товарищеской среды»[1]. Здесь штрейкбрехеров пугали уже не прямым насилием, а бойкотом, который, как уже было отмечено, являлся не менее эффективным в деле превращения жизни таких рабочих в ад.

Сохранилось и изданное летом 1905 года, объявление рабочих Иваново-Вознесенска, в котором те угрожали штрейкбрехерам физической расправой: «В виду донесений <…> что фабриканты заявили желание выписать рабочих из Симбирской, Тамбовской, Казанской, Рязанской и Вологодской губерний, но мы, рабочие г. Ив.-Вознесенска, новых вышеозначенных рабочих из 5-ти губерний не принимаем, в случае фабрич. управление и выше упомянутые не примут к сведению нашего объявления, то над вновь нанявшимися рабочими будут приняты самые энергичные меры, они не должны быть уверены за безопасность шкуры, а фабрики остановим и начнём всеобщую забастовку»[2].

Ещё одним примером массово распространявшегося материала, в котором содержались угрозы штрейкбрехерам, может служить телеграмма, рассылавшаяся на дорогах Московского железнодорожного узла во время забастовки почтово-телеграфных служащих в конце 1905 года: «Соединенное собрание делегатов служащих и рабочих Московского железнодорожного узла и центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза постановило прекратить на всех железных дорогах прием и передачу частных и правительственных телеграмм, явно противообщественного характера, имеющих целью противодействовать почтово-телеграфной забастовке, а также всех шифрованных депеш. К тем из телеграфистов, которые нарушат это постановление, будут применены крайние

[1] ГА РФ. Ф.124. Оп. 10. Д. 361. Л. 3.
[2] Панкратова А. М. 1905: Стачечное движение: Материалы и документы. М; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 271.

репрессивные меры»[1]. Власти пытались бороться с рассылкой этих депеш, но, несмотря на все принимаемые ими меры, прервать её не удавалось долгое время.

Сохранились пропагандистские материалы, направленные и на увещание штрейкбрехеров. Само их наличие особенно интересно в свете той ненависти и презрения, которые проявляли во время забастовок организованные рабочие к «изменникам» из своей среды. Однако, на практике грань между «сознательностью» и «штрейкбрехерством» была крайне тонка и «ломающий стачку» мог впоследствии стать союзником бастующих, от чего переманивание в свои ряды таких рабочих было не менее важно для агитаторов, чем их нейтрализация путём психологического или физического насилия.

О том, насколько размытой была эта грань, красноречиво свидетельствуют события, произошедшие на табачной фабрике Иоселя Шершевского в Гродно. На этом крупном предприятии работал коллектив, значительная часть которого состояла из девочек-подростков и девушек. Летом 1899 года здесь забастовало отделение папиросниц. Возмущённые тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой, работницы выдвинули экономические требования. Вопреки имевшимся предписаниям о запрете идти на уступки рабочим до тех пор, пока те не окончат стачку, хозяева фабрики прибавили папиросницам зарплату[2]. В октябре следующего года уже упаковщицы той же фабрики бросили работу, потребовав прибавки и к своему жалованию. На работу не вышли 114 работниц упаковочного цеха из 121 – ой. Остались работать в качестве штрейкбрехеров только 7 замужних женщин, чей мотив неучастия в стачке заключался в страхе за положение своих мужей, которые также были заняты на этом предприятии[3].

Известно, что упаковщицы упрашивали своих коллег из папиросного цеха присоединиться к их стачке и помочь добиться поставленных требований, однако те, уже довольные результатами своей борьбы никак не захотели поддерживать бастующих. Зная об этом, собравшиеся на совещание по поводу забастовки

[1] ЦГА Москвы. Ф. 281. Оп. 5. Д. 4. Л. 42.
[2] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 202. Л. 2.
[3] Там же. Л. 3.

прокурор гродненского окружного суда, гродненский вице-губернатор, начальник Гродненского жандармского управления и местный полицмейстер, с подачи старшего фабричного инспектора Варенцова избрали оригинальный метод срыва стачки. Понимая, что из-за остановки упаковщицами работ вынужденно встанет и отделение папиросниц, ими было решено не предпринимать немедленных репрессивных мер, а выждать время и, тем самым, натравить папиросниц на бастующих девушек.

Восьмого октября, на 4-й день стачки фабрикантом были вывешены объявления о расчёте для упаковщиц и папиросниц. При этом в объявлении для папиросниц указывалось, что их увольнение напрямую связано с идущей на предприятии стачкой упаковщиц[1]. Властям, очевидно, всё же удалось стравить работниц друг с другом и привлечь некоторых папиросниц в качестве штрейкбрехеров. В ходившей после забастовки листовке Бунда, об этом сообщалось следующее: «Мы в этот раз ясно видели, что главная вещь это единство и сплочённость. Упаковщицы боролись геройски. Большая часть папиросниц, сочувствовавших и помогавших им, доказали этим, что они понимают как важно это для нас. Но нашлась малая часть бесстыжих работниц, совершивших величайшее преступление, которое рабочие могут сделать в отношении своих братьев, они прервали забастовку, то есть они пошли работать на место упаковщиц и тем покрыли себя вечным позором. Но чего они добились для себя? Некоторым фабрикант указывает на двери конторы, других он садит за особым столом как дикого зверя! Вот как теперь поступает фабрикант со своими телохранителями!»[2]. Обращает на себя внимание, что стоило папиросницам добиться выполнения своих требований, часть их, из числа активных участников забастовочного движения, оказалась на противоположных позициях и осталась глуха к просьбам о помощи со стороны своих же коллег.

Случалось и наоборот. Сегодня «злостный штрейкбрехер» и «изменник рабочего дела» завтра пополнял ряды бастующих. Известен случай, когда даже

[1] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 202. Л. 5.
[2] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 204. Л. 2.

группа наиболее реакционных рабочих–монархистов, работавших в железопрокатных мастерских Путиловского завода, возмущённая реакцией властей на трагические события на Ленских приисках в апреле 1912 года, изменила своё отношение к забастовкам и стала в них участвовать наряду с другими рабочими. Большевистская газета «Невская звезда» в том же году писала об этом: «Лет 6 тому назад, когда на Путиловском заводе случилась забастовка, то железопрокатная мастерская бревном ложилась на дороге. Случались даже целые схватки. Рабочие этой мастерской выходили с ломами, чтобы противостоять забастовке, которую они считали каким-то невероятным преступлением. Теперь уж и они осознают, хотя и не вполне ясно, что забастовка есть не что иное, как орудие борьбы труда с капиталом, и даже сами прибегают к помощи этого орудия, хотя и робко, и неумело»[1].

Одним из ярких примеров увещательных материалов является уже неоднократно упоминавшаяся нами, изданная в 1906 году в типографии «Донская речь» брошюра «Товарищ, не изменяй!». Типография принадлежала известному ростовскому меценату и просветителю Н. И. Парамонову, сочувствовавшему либеральным идеям и рабочему движению, много сделавшему для организации достойных условий труда и быта своих работников[2]. «Донская речь» печатала и распространяла по доступным ценам литературу по рабочему вопросу и истории революционного движения, труды социал-демократов, агитационные листовки и т. д.[3]

Авторство брошюры принадлежит некоему Михаилу Зотову, о личности которого известно мало, только то, что он публиковался под псевдонимами

---

[1] «Невская звезда». 24 мая 1912. // Цит. по: Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М.: Яуза - пресс, 2013. С. 405.

[2] Окопная О. П. Рабочий вопрос во взглядах и деятельности Н. Е. Парамонова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 1 (133). 2006. С. 20.

[3] Кошеверова С. В. Из истории издательского дела на Дону (к 100-летию "Донской речи") // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 4 (124). 2003. С. 17–18.

«Батрак» и «Проходимец»[1]. Общий тон его работ, затрагиваемые в них темы и стиль письма, позволяют судить о том, что перед нами не простой рабочий, а интеллигент, придерживающийся социал-демократических взглядов. Его брошюра выполнена в форме обращения прогрессивного рабочего, активного участника забастовок, к своему менее сознательному товарищу. Структурно она представляет собой монолог, состоящий из набора контрдоводов к тезисам о неучастии в стачках.

Предваряют текст слова Иисуса Христа: «Не делай другому того, чего сам себе не желаешь»[2]. Использование в качестве эпиграфа этого основополагающего этического принципа со ссылкой на сына божьего не только подталкивает читающего к нужным мыслям, но и демонстрирует ему, что автор такой же христианин, как и он, и что излагаемые им доводы не противоречат нормам христианской морали, а наоборот, повторяют их. Зотов учитывает религиозность подавляющего числа рабочих Российской империи, так как неприятие простым народом «безбожников», несмотря на падение авторитета религиозных институтов, было характерно для представителей совершенно разных вероисповеданий.

Социал-демократы, как рабочие, так и интеллигенция, в силу своих убеждений, часто были атеистами, однако, если в отношении молодёжи антирелигиозная пропаганда ещё могла вестись без особых проблем, то со зрелыми, консервативно настроенными работниками приходилось действовать более аккуратно, чтобы не потерять их расположение. Прямые нападки на религию могли не только отвратить рабочих от агитатора, но и вовсе повлечь за собой опасность для его жизни и здоровья. Характерный пример подобного произошел в начале XX века в местечке Койданов, Минской губернии. Здесь среди еврейского населения действовали несколько рабочих активистов, подбивавших работников спичечной фабрики к забастовке. Агитируя, в том

[1] Кошеверова С. В. Каталог издательства «Донская речь» Н.Е. Парамонова в Ростове на Дону. Ростов-на-Дону.: «Эверест». 2006. С. 228.

[2] Зотов М. «Товарищ, не изменяй!»: Увещание штрейкбрехера. Ростов-на-Дону.: тип. Дон. речь,1906. С. 1.

числе, среди молодёжи, они навлекли на себя гнев части населения местечка, так как там заметили, что юноши стали «…дерзки и непослушны, и позволяют себе выражаться против Бога и Правительства…»[1]. За это лидер местного «преступного рабочего сообщества», рабочий Китаевич, был избит «солидными людьми местечка» и отлучён ими от синагоги.

Апелляция к Христу в эпиграфе занимает важное место ещё и потому, что государственная пропаганда использовала религию как инструмент в борьбе с забастовками. Стачки воспринимались как дело противное христианской морали и божьему промыслу. Так, в одной хромолитографии, направленной против них, говорилось: «… все люди представлены Богом к труду для того, чтобы каждый мог получить за труд и воздаяние не в одном здешнем мире, но и в будущем; а потому уклоняться от труда, особенно правого, честного, никто ни под каким видом <…> не должен. По сей причине и забастовки, как способствующие <…> мятежному волнению и вредной праздности, никогда не имели и не имеют никакого праведного основания, а потому и дело забастовок по справедливости надо почитать не за угодное Богу, не за полезное для государства и для людей…»[2]. Хромолитография представляла собой ряд иллюстраций, демонстрирующих судьбу, которая ожидала всех бастующих: избиение солдатами, арест, потеря работы и, как итог, падение на самое дно общества.

Брошюра же, осмотрительно не делая нападок на веру и Бога, приводит контрдоводы на подобную пропаганду, попутно обрушивая критику на церковь как институт: «Поп, который тебя учит такому смирению, скрывает от тебя <…> сколько кровавых битв, сколько человеческих жизней, тысячи и тысячи пали жертвой ненасытного стремления церкви к земной власти, к земному могуществу»[3]. Деятельность бастующих при этом преподносится как прямое следование христианским нормам, сопряженным с социальной справедливостью,

[1] ГА РФ. Ф. 124. Оп.10. Д. 347. Л. 1.
[2] События с рабочих забастовок (изоматериал). М.: Хромо – литография И. А. Морозова, 1906. Л. 1.
[3] Зотов М. «Товарищ, не изменяй!»: Увещание штрейкбрехера. Ростов-на-Дону.: тип. Дон. речь, 1906. С. 5.

в отличие от навязываемой рабочим рабской покорности и лицемерия поповских нравоучений: «Смиряться и смотреть спокойно, как в этом мире царствует несправедливость? Видеть страдания своих сыновей в болезнях, в нищете, тогда как богатые и счастливые спокойно наслаждаются жизнью? <…> Нет! Всё это далеко от христианства, ибо учение Христово, все его мысли, вся его любовь к людям разлетелись, распространились по свету, как протест против бездны насилий и несправедливости <…> Сам Христос сказал, что он принёс миру не мир, но меч. И с эти мечем своего учения, своей любви к страдальцам он пошел войной против рабства…»[1].

Доводы против используемого в борьбе с забастовками «религиозного аргумента» встречаются ближе к концу брошюры, но являются одними из ключевых в ней. Зотов раскрывает значение эпиграфа и не только опровергает церковную пропаганду, но и берёт религиозную риторику себе на вооружение. Так, в заключении, он именует штрейкбрехерство «грехом братоубийства», а оставившего своих коллег в борьбе отождествляет с Иудой-предателем[2]. Главный упор в агитации делается именно на ждущие увещаемого духовные, а не материальные выгоды: осознание братства и поддержки со стороны рабочих, чистоту собственной совести, уважение со стороны родных и близких за то, что, не смотря на все трудности и лишения, не покорился искушению хозяйских подачек и совершил благородный и мужественный поступок, встав на сторону своего класса, своих товарищей по несчастью.

Интересен эмоциональный окрас текста. На протяжении всего повествования М. Зотов обращается к рабочему как к равному, без какой-либо толики патернализма. Брошюра не дегуманизирует увещаемого рабочего и не совершает нападок на него, но беспощадно клеймит штрейкбрехерство как явление. По мере развития аргументации, автор сменяет спокойный тон и даёт волю пафосу. Так, например, одинокость штрейкбрехера противопоставляется

[1] Зотов М. «Товарищ, не изменяй!»: Увещание штрейкбрехера. Ростов-на-Дону.: тип. Дон. речь, 1906.С. 6.
[2] Там же.

сплочённому и многочисленному трудовому коллективу, где все стоят друг за друга: «Смотри, пред тобой нарождается новый, невиданный мир; смотри, твои товарищи сумели объединиться в одно общее войско; смотри, как гордо развиваются их знамёна, послушай, какое мощное пение несётся из их груди, оно требует хлеба, товарищества и сна, не смущаемого угрызениями совести»[1]. Борьба за лучшее будущее пролетариата называется долгом каждого честного рабочего.

Однако, с усилением эмоциональной составляющей, ближе к финалу упоминаются и возможные последствия, если штрейкбрехер всё же окажется глух к голосу разума и не примкнёт к бастующим. В частности, указывается, что некоторые рабочие могут совершить в его адрес ошибки или преступления[2]. Тем не менее, в этих словах скорее содержится не угроза, а предупреждение о ждущих штрейкбрехера душевных мытарствах, когда тот увидит страдания семей рабочих, чьи кормильцы были арестованы или казнены за попытки снять его с работы. Т.е. и здесь брошюра старается лишь пристыдить и воззвать к духовным качествам человека.

Помимо призывов к совести, разуму и чувству товарищества в тексте упоминаются и материальные преференции. Штрейкбрехеру говорят про повышение заработной платы, восьмичасовой рабочий день вместо девятичасового, обещают, что он будет чаще есть щи с мясом, чем обычную похлёбку и спать в чистой комнате, а не на тюфяке в стойле или казарме[3]. Такие скромные выгоды отражают тяжёлое положение, в котором находился рабочий класс страны в начале XX века. Из причин неучастия в стачках, против которых приводятся доводы в брошюре, помимо «религиозного аргумента» упоминаются фатализм рабочего, который не верит в улучшение своего положения, его эгоизм, упрямство и недальновидность, стремление к собственной выгоде, а также страх перед местью со стороны начальства. Несмотря на исключительную мягкость в

[1] Зотов М. «Товарищ, не изменяй!»: Увещание штрейкбрехера. Ростов-на-Дону.: тип. Дон. речь, 1906. С. 7.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 3.

отношении увещаемого, само штрейкбрехерство в брошюре характеризуется как крайне низкое и позорное деяние. Также, несмотря на нападки на церковь и капиталистов, М. Зотов открыто концентрируется лишь на экономической и духовной составляющей, оставляя политический дискурс между строк.

Любопытно, что нарративы, характерные для увещательных брошюр, направленных на штрейкбрехеров, можно встретить и в некоторых прокламациях, адресованных солдатам, разгонявшим стачки. Примером может служить прокламация Иваново-Вознесенского комитета РСДРП (б), изданная в мае – июне 1905 года, в которой демонстрировалась тождественность нелёгкой доли солдата и рабочего, а так же отмечалось, что после прохождения службы солдаты могут сами попасть в рабочую среду и окажутся среди тех, в кого им приказали стрелять: «Для фабрикантов всё можно – для нас ничего нельзя… И скоро, быть может, тот же губернатор скажет вам: «стреляйте». И братская кровь прольётся широкой рекой, и штык русского солдата проколет грудь русского рабочего <…> Так будьте же братьями нам, а не иудами-предателями. Мы ждём от вас не убийства, а помощи. Не обманите нас»[1]. Как и брошюра М. Зотова, эта прокламация старалась пристыдить увещаемых, показать общность их интересов с рабочими и продемонстрировать выгоду от занятия стороны забастовщиков. Поддержка фабрикантов закономерно отождествляется здесь с действиями Иуды-предателя, ставшего архетипом для обозначения штрейкбрехера.

Подводя итог, отметим, что наиболее значимым инструментом противодействия штрейкбрехерству среди пролетариата являлась рабочая пресса, выполнявшая, помимо пропаганды против этого явления, важнейшие функции координации и информирования рабочих. Широкое распространение сведений о конкретных штрейкбрехерах позволяло эффективнее осуществлять бойкот таких работников, но в то же время могло сделать их мишенью для нападений радикально настроенных трудящихся. Революционная ситуация в стране и радикализация общества способствовали тому, что насилие над штрейкбрехерами

[1] Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году. // Сб. документов и материалов. Иваново.: Ивановское книжное издательство, 1955. С. 159–160.

стало одним из самых распространенных, пусть и жестоких способов поддержания коллективной солидарности в рабочей среде. В этих условиях рабочая пресса играла скорее гуманизирующую роль, критикуя акты агрессии по отношению к «ломающим стачку». Важную роль во время забастовок играли пикеты и патрули из числа бастующих, не допускавшие штрейкбрехеров на остановившие работу предприятия. Листки и прокламации, разбрасываемые и расклеиваемые на фабриках и заводах стали вспомогательным инструментом воздействия на штрейкбрехеров, с помощью которого на них оказывалось дополнительное моральное давление.

2.2. Обеспечение штрейкбрехеров льготами и преференциями со стороны государства и частных лиц

В основе штрейкбрехерства лежит экономическая подоплёка. Нежелание или страх рабочего потерять более-менее стабильный источник дохода, угроза голода, равно как и стремление к собственной выгоде часто толкали многих трудящихся на соглашательство с хозяевами во время забастовки. Однако лояльность предпринимателям вкупе с нежеланием примыкать к стачкам, в условиях нестабильной социально-политической и экономической ситуации начала XX века нередко выходили боком для самих штрейкбрехеров. Рассмотрим, насколько риски, на которые шли «ломающие стачку», в итоге оправдывали себя в деле получения ими различных преференций, и постараемся дать ответ, имелись ли в Российской империи системы для поощрения подобных работников со стороны предпринимателей и властей.

Революционный террор, акты насилия и убийств не желавших принимать участие в стачках работников в ходе волнений 1905–1907 годов действительно подвигли власти на обеспечение льготами тех, кто во время забастовок не оставлял свой пост и продолжал работать. На предприятиях, имевших особо важное общественное и государственное значение, а именно в правительственных установлениях и на железных дорогах, как государственных, так и частных,

рабочие и служащие, пострадавшие от насилий бастующих, согласно Именному высочайшему указу Правительствующему Сенату 2-го декабря 1905 года, могли рассчитывать на ряд преференций. Так, в случае получения телесных повреждений они имели право получать пособие на лечение, в размере, соответствующем тяжести травмы, а также на выплаты, в размере годового оклада содержания или действительного заработка, вплоть до своего полного восстановления[1]. В случае полной утраты работоспособности штрейкбрехеру могла быть назначена пенсия в размере годового оклада содержания или действительного заработка, но до 900 рублей. Если же сумма превышала это значение, то размер выплат рассчитывался исходя из семейного положения потерпевшего. При неполной, но постоянной утрате работоспособности назначалась уменьшенная пенсия, величина которой зависела как от семейного положения потерпевшего, так и тяжести нанесённых ему увечий. В случае же смерти работника на пособие могла рассчитывать его семья, которая имела возможность получать и дополнительные выплаты, в свою очередь зависимые от семейного и имущественного статуса её членов[2].

Все эти средства выплачивались из фондов Государственного Казначейства или частной железной дороги, в зависимости от места работы потерпевшего. Для их получения, пострадавший или члены его семьи, в течение двух лет со дня причинения увечья или же смерти работника, должны были отправить соответствующее ходатайство о назначении вознаграждения[3]. Количество таких обращений неизвестно, однако, беря во внимание слабое знание многими рядовыми служащими и рабочими российского законодательства, оно вряд ли было высоким.

---

[1] Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 2-го декабря 1905 г. О временных правилах о наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных, и об обеспечении судьбы тех служащих, кои, не принимая участия в забастовках, пострадали от учиненного над ними насилия. // Законодательные акты переходного периода. СПб., 1909. С. 205.

[2] Там же. С. 205–206.

[3] Там же. С. 206.

Например, Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 2-го декабря 1905 года должен был выдаваться всем вновь заступавшим на службу рабочим и служащим железных дорог на руки для ознакомления, или, при неграмотности последних, разъясняться им в устной форме, а во время объявления чрезвычайного положения вывешиваться на больших листах на станциях. Однако, начавшаяся в декабре 1910 года ревизия на железных дорогах, входивших в зону ответственности Московского жандармского полицейского управления железных дорог, выявила в отношении исполнения этих предписаний целый ряд нарушений.

Так, начальник Нижегородского-Муромского отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог в своём отчёте отметил, что, за редким исключением, распечатанного на больших листах указа на вверенных ему станциях не имелось и, в связи с отсутствием его в достаточном количестве, он не выдавался рабочим на руки, а лишь объявлялся устно, но соответствующая подписка об ознакомлении с сотрудников исправно бралась[1]. Рузаевским отделением было обнаружено, что не все служащие были ознакомлены с соответствующим указом, а те, кому он прочитывался, позабыли его содержание за сроком давности[2]. Из Алатырского отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог сообщили, что указ во всех службах, за исключением службы тяги, со временем вовсе перестал выдаваться, а часть здешних работников не знала о его существовании[3]. Схожая ситуация сложилась в районе ответственности Казанского отделения[4]. Заметных нарушений не было обнаружено лишь на участке Московско-Казанской дороги, находившемся в ведении Рязанского отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог, но и здесь отчёт указывал на слабое усвоение рабочими и служащими означенного постановления[5].

---

[1] ГА РФ Ф. 59. Оп. 1. Д. 56. Л. 12.
[2] Там же Л. 15.
[3] Там же Л. 35.
[4] Там же Л. 48.
[5] Там же. Л. 14.

Тем не менее, после ревизии ситуация улучшилась. Срочное ознакомление сотрудников с указом было возложено на жандармских унтер-офицеров. Так как помимо ознакомления с указом рабочие и служащие давали подписку о неучастии в различных незаконных объединениях, создаётся впечатление, что ключевыми частями Указа от 2 декабря 1905 года, которые стремились донести до работников, были параграфы о наказаниях за забастовки. Однако можно предположить, что разделы, касающиеся преференций для пострадавших штрейкбрехеров, тоже должны были зачитываться сотрудникам.

«Ломающим стачку» необязательно было терять работоспособность, чтобы получать преференции. Например, согласно «Особым правилам по борьбе с железнодорожными забастовками», по окончании беспорядков на железной дороге, начальникам жандармских управлений, задействованных в подавлении стачки, предписывалось сообщать командиру Отдельного корпуса жандармов о работниках, особо выделившихся в деле восстановления движения и поражения забастовки[1]. Делалось это для последующего их награждения.

На железных дорогах, рабочие и служащие, не примыкавшие к бастующим и выполнявшие свои обязанности в ходе трудового конфликта могли в дальнейшем получить как прибавку к жалованию и повышение по службе, так и государственные награды. Но, в первую очередь, всё зависело от благосклонности их прямого начальства и расторопности на службе. Так, согласно данным жандармских полицейских управлений железных дорог, из 437 рабочих и служащих Владикавказской железной дороги, противодействовавших забастовкам 1905 года, на протяжении пяти лет различные повышения получили 77 работников[2]. На Южных и Юго-Восточных железных дорогах, находящихся в ведении Харьковского жандармского полицейского управления железных дорог, из 171 штрейкбрехера поощрения коснулись только 41-го, из которых 18 были награждены орденами и медалями, а 23 получили прибавку к жалованию или

[1] ГА РФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 440. Л.160.
[2] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 29.

повышение[1]. Из 1398 сотрудников Самаро-Златоустовской железной дороги, бывших против забастовки, различные повышения получили 473 работника[2]. Обращает на себя внимание, что заметная часть штрейкбрехеров, несмотря на прошествие длительного срока, осталась в том же служебном положении, не получив заметных преференций[3]. Возможно, эта тенденция была связанна с существовавшими на железных дорогах нормами повышения (и понижения) служащих, о которых есть упоминание в одном из отчётов[4].

В качестве иллюстративного материала приведём данные по изменению положения штрейкбрехеров за период с 1905–1910 годы. Информация сведена в таблицу на основе ведомостей и рапортов жандармских полицейских управлений железных дорог, представлена преимущественно по конкретным железным дорогам, с указанием, по возможности, жандармских управлений и отделений, в ведении которых находились участки этих дорог. Информация из материалов, где предоставлялись углублённые сведения об изменении в должности/окладе рабочих, а также отдельные данные о пассивных/активных штрейкбрехерах, была объединена, ввиду малого количества подобных отчётов. К примеру, в отчёте по Уссурийской железной дороге раздельно были отмечены активно оказавшие содействие подавлению стачки работники и просто не принявшие в ней участие, числом 5 и 172 человека соответственно. Отдельные сведения здесь были представлены и касательно преференций. Среди активных штрейкбрехеров повышен был один, среди прочих 12 (в обоих случаях неизвестно, в должности или окладе)[5]. В таблице эти данные нами объединены.

Таблица не является исчерпывающей, на некоторых железных дорогах информация поступила только от части жандармских отделений и была не всегда полной. В ряде рапортов отмечались только активные штрейкбрехеры, в то время

[1] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 603.
[2] Там же. Л. 597.
[3] См. Таблица 1.
[4] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 530.
[5] Там же. Л. 601.

как просто не примкнувшие к забастовке указаны не были[1]. Однако, приведенные сведения, на наш взгляд, позволяют проследить общие тенденции в изменении положения штрейкбрехеров-железнодорожников.

Таблица 1 – Численность рабочих и служащих некоторых железных дорог Российской империи, бывших против забастовок 1905 года, с указанием их повышения или понижения по службе за период с 1905 по 1910 годы (по материалам жандармских полицейских управлений железных дорог)[2].

Наименование ж/д.: (по данным какого ЖПУ ж/д.)	Количество работников, не принимавших участие в забастовках и получивших повышение по службе:	Количество работников, не принимавших участие в забастовках и получивших понижение по службе:	Количество работников, не принимавших участие в забастовках и оставшихся при своих должностях:	Общее число работников, не принимавших участие в забастовках:
Привислинские железные дороги (Варшавское)	18	2	205	225
Варшавско - Венская (Варшавское)	–	–	–	70
Гербы - Келецкая (Варшавское)	–	–	–	10
Лодзинская Фабричная (Варшавское)	–	–	–	2
Яблонна - Ваверский подъездной путь (Варшавское)	–	–	–	5
Владикавказская (Владикавказское)	77	4	356	437
Закавказские железные дороги (ЖПУ Закавказских ж/д.)	85	17	782	884
Китайско – Восточная (–)	~ 163	~ 80	_	< 243

[1] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 82, 530, 535.
[2] Составлено по: ГА РФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 586.; Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442.

Южные железные дороги (Харьковское)	20	6	97	123
Юго - Восточные железные дороги (Харьковское)	21	4	23	48
Юго - Западные железные дороги (Киевское)	19	2	146	167
Харьковско - Николаевская (–)	40	6	293	339
Уссурийская (–)	13	_	160	177
Средне - Ашхабадская (–)	196	1	38	235
Северные железные дороги (Московско - Архангельское)	_	_	_	167
Самаро - Златоустовская (Самарское)	403	3	992	1398
Сызрано - Вяземская (Самарское)	25	2	175	202
Николаевская (Санкт - Петербургское)	13	_	6	19
Московско - Виндавская (Виндавское)	34	5	117	156
Рязанско - Уральская (Тамбово - Уральское)	20	4	163	187
Московско - Киево - Воронежская (–)	44	3	178	225
Московско - Брестская (Московско - Рижское)	19	2	110	131

Риго - Орловская (Московско - Рижское)	62	1	36	99
Московско - Казанская (Коломенское отделение МЖПУ ж/д.)	4	1	51	56
Казанская (Рязанское отделение МЖПУ ж/д.)	48	2	43	93
Рязанско - Владимирская (Рязанское отделение МЖПУ ж/д.)	9	–	27	36
Московско - Курская (Подольское отделение МЖПУ ж/д.)	2500	89	1750	4339
Московско - Курская (Тульское отделение МЖПУ ж/д.)	86	3	703	792
Тула - Лихвинский подъездной путь (Тульское отделение МЖПУ ж/д.)	–	–	38	38
Московско - Нижегородская (Богородское отделение МЖПУ ж/д.)	922	12	1317	2251
Ореховский подъездной путь (Богородское отделение МЖПУ ж/д.)	14	–	26	40
– (Пермское)	41	–	85	126

– (Нижегородское отделение МЖПУ ж/д.)	18	–	414	432
– (Рузаевское, Алатырское и Арзамасское отделения МЖПУ ж/д.)	147	6	99	252
Ташкентская (Оренбургское, Илецкое, Актюбинское и Туркестанское отделенения ЖПУ Ташкентской ж/д.)	18	–	206	224
Ташкентская (Аральское, Перовское, и Ташкентское отделения ЖПУ Ташкентской ж/д.)	50	–	41	91

Причины, по которым даже активные штрейкбрехеры оставались на прежних должностях, были очень разнообразны. Так, старший помощник начальника станции Москва-Товарная, Павел Иванович Звягинцев, отличившийся во время проходившей на его станции забастовки, в ходе которой он в одиночку занимался выдачей грузов, неустанно при этом агитируя других служащих бросить стачку, не воспользовался своим шансом на повышение, желая остаться в Москве для воспитания детей[1]. Старший осмотрщик поездов, крестьянин Иван Ионович Петров, несмотря на многолетнюю службу на Сибирской железной дороге и деятельное противодействие бастующим, со стороны которых даже подвергался угрозам и бойкоту, не был повышен в должности из-за своей «малограмотности и малого развития», так как начальство опасалось, что такой шаг повлечёт ущерб для дороги[2]. В ещё одном случае, личный почётный гражданин Николай Никитьевич Лашко, имевший исключительные

[1] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л.536.
[2] Там же. Л. 589.

характеристики на службе и с риском для жизни противостоявший стачечному комитету, не получил повышения из-за своего возраста. Для вышестоящей должности ревизора движения 38-ми летний начальник станции Нижнеудинск оказался слишком молодым[1].

Награды лояльным сотрудникам, как правило, не являлись непосредственной преференцией за штрейкбрехерство, а были поощрениями за их верную службу в целом. Размеры вознаграждений сильно разнились. К примеру, согласно данным Воронежского жандармского полицейского управления железных дорог, из общего числа получивших различные преференции работников Юго-Восточной железной дороги, за период с 1905 по 1910 годы несколько человек были награждены орденами и медалями. Так, отказавшиеся примыкать к забастовщикам начальник депо Василий Покровский и нарядчик кондукторских бригад Михаил Крупейников, получили золотые шейные медали «За усердие», а помощник начальника станции Алексей Преображенский стал кавалером ордена Станислава 3-й степени[2]. Восемь человек удостоились потомственного или личного почётного гражданства.

Большинство же были либо непосредственно повышены в должности и окладе, либо получили прибавку к жалованию. Причём увеличение заработной платы могло быть как значительным, так и ничтожным. Например, назначенному счетоводом Степану Бастрыкину добавили 37 рублей в месяц, а жалование конторщика Василия Позднякова увеличилось только на 3 руб./мес.[3]. Некоторые рабочие, как, к примеру, слесари Василий Кочетков и Дмитрий Морозов, за свою пятилетнюю службу с момента забастовки, довольствовались лишь нищенской надбавкой к поденной плате в 5 и 10 копеек соответственно, что, при постоянном вздорожании жизни, практически не улучшало их финансового положения[4].

С другой стороны, за те же пять лет, на нескольких участках, находившихся в ведении Московско-Рижского жандармского полицейского управления

[1] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л.536.
[2] Там же. Л. 34.
[3] Там же. Л. 35.
[4] Там же.

железных дорог, например, в районе Рижского отделения, как штрейкбрехеры, так и сочувствовавшие забастовке получили почти одинаковые, на несколько рублей, повышения окладов содержания[1].

Отсюда следует, что даже на имевших важнейшее значение для государства предприятиях, таких как железные дороги, штрейкбрехерская деятельность сама по себе не гарантировала рабочим повышение или материальные преференции. В то же время, как видно из данных жандармских полицейских управлений железных дорог, среди общего числа штрейкбрехеров должностные позиции ухудшилось лишь у ничтожного меньшинства, что позволяет судить о стабильности в положении лояльных рабочих. Штрейкбрехерство могло защитить работника и от санкций, которые накладывались на участников стачки. К примеру, не имея возможности по итогам декабрьской политической забастовки 1905 года уличить всех сочувствовавших ей телеграфистов, начальник телеграфа Московско-Брестской железной дороги лишил линейных агентов дороги жалования за 10 дней, оставив его только тем из них, непричастность которых удалось установить[2].

Тем не менее, штрейкбрехерство не давало полной защиты от понижения по службе или увольнения. Как правило, работников разжаловали за пьянство и нерадивость, но известен случай, когда на понижение в должности повлияло ранение, которое получил служащий за свои действия по срыву стачки. Произошло это на Рязанско-Уральской железной дороге. Здесь активно и самоотверженно противостоял забастовщикам помощник машиниста Павел Иванов. Начальник Московско-Камышинского жандармского полицейского управления железных дорог сообщал: «Иванов…настойчиво и с беззаветной храбростью срывал заседания забастовщиков, выдавал подстрекателей и уличал их…»[3]. Эта инициативность и вышла ему боком. Остальные рабочие, ведомые местью, совершили на него несколько покушений, в результате одного из них

[1] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 539.
[2] ЦГА Москвы. Ф. 281. Оп. 5. Д. 4. Л. 30.
[3] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 557.

штрейкбрехер получил огнестрельную рану. Повреждённая пулей кисть не позволила Иванову остаться в своей должности, и он был понижен дорожным начальством до слесаря.

Парадоксально, но само штрейкбрехерство могло также стать причиной понижения или увольнения рабочих и служащих. Так, на Полесских железных дорогах, находившихся в ведении Виленского губернского жандармского полицейского управления, начальник станции Барановичи, член «Союза русского народа» Казимир Якимович, в 1906 году активно противодействовавший забастовке на станции Пинск, куда был командирован непосредственно для восстановления функционирования этого участка дороги, не смотря на исполнение своих обязанностей с риском для жизни, не только не получил никаких преференций, но и на протяжении пяти лет притеснялся вышестоящим руководством, постоянно подвергавшим его административным взысканиям[1]. Ему не давали ни прибавок к жалованию, ни ежегодных премий, а также перевели на станцию Лида, которая была ниже классом. Гонениям здесь также подвергались и другие противники забастовки: помощник начальника станции Волковыск Феофан Шитинский и конторщик станции Пинск Каленик Савчук. Последний, несмотря на успешное прохождение экзамена на помощника начальника станции, из-за своего штрейкбрехерства не получил желаемой должности[2]. Ревизор поездов Александр Свищев, деятельный участник «Союза русского народа» и вовсе при первом удобном случае был уволен[3].

Работников правых взглядов здесь выживали с должностей из мести за срыв забастовки начальники службы движения, инженеры Фриман и Чаманский. Если Фриманом, по большей части, двигали религиозные мотивы (он враждебно относился к православным, давая повышения только католикам), то Чаманский, по сведениям жандармерии, придерживался либеральных взглядов, активно способствуя принятию на работу уволенных ранее участников забастовок 1905–

[1] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 25.
[2] Там же. Л. 16.
[3] Там же. Л. 25.

1906 годов, а так же помогая их продвижению по службе. Его усилиями, например, активный забастовщик Александр Яблоновский, уволенный после декабрьских событий 1905 года, вновь заступив на службу, получил 6 поощрений, от прибавки к жалованию до новой должности начальника станции Концевичи. Возвратившийся на службу Артур Гофман, первым остановивший во время стачки движение поездов на станции Барановичи и не пускавший на неё другие составы, также получил ряд преференций на службе[1].

В зоне ответственности Одесского жандармского полицейского управления железных дорог различные притеснения со стороны начальства испытали 17 служащих дороги, не примкнувшие в своё время к бастующим. В частности, начальника Уманского отделения по движению Василия Орехова уволили по надуманному предлогу. Такая же судьба постигла активного штрейкбрехера, врача Дмитрия Киселёва, который лишился своей должности, несмотря на ходатайство начальника Уманского жандармского отделения ротмистра Левицкого. Однако, личное вмешательство начальника Одесского отделения полковника Горгопа, наоборот, помогло положению другого штрейкбрехера, старшего телеграфиста Василия Стеценко. Последний характеризовался жандармами как «один из выдающихся деятелей против забастовки»[2]. Прослужив безукоризненно 25 лет, он получил за своё усердие золотую медаль, причём награждение прошло в обход его начальства, которое, очевидно третируя Стеценко, перевело телеграфиста на другую станцию и урезало оклад на 60 рублей в год. Но, благодаря вмешательству полиции, штрейкбрехера не смогли понизить ещё и в должности.

Из приведённых примеров видно, что жандармы пытались предотвращать произвол в отношении лояльных кадров, стараясь сохранить консервативный элемент среди сотрудников. Неучастие в забастовках, а особенно, активное им противодействие, позволяли быть на хорошем счету, как минимум в глазах полицейской власти. На некоторых дорогах даже удавалось укрепить положение

[1] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 25.
[2] Там же. Л. 543.

таких работников[1]. Однако, жандармерия далеко не всегда могла влиять на начальствующий состав железной дороги, который, имея даже незначительный законный повод к увольнению такого работника, мог снять его с должности при практически полном бессилии полиции. Членство в провластных организациях вкупе с деятельным и самоотверженным участием в противостоянии революционному и забастовочному движению также не являлись гарантией каких-либо поощрений и были незначительной страховкой от увольнения или понижения по службе. Более того, открытое обозначение штрейкбрехером своей политической позиции могло стать причиной притеснений не только со стороны коллег, но и придерживавшегося иных взглядов начальства.

Случалось, что в реалиях революционного кризиса, охватившего страну, лояльные рабочие и служащие не только не получали преференций, но даже попадали под каток репрессий. Например, во время политической забастовки в декабре 1905 года конторщик службы тяги Александр Виноградов, служивший на Московско-Брестской железной дороге, стал жертвой произвола со стороны полиции. Согласно материалам проведённого по требованию начальника дороги расследования, Виноградов характеризовался коллегами как «…весьма скромный и трудящийся работник (который) не имел никаких намерений прекращать занятий в службе во время забастовки…»[2]. Несмотря на то, что движение на дороге было парализовано, он каждый день исправно являлся на службу, однако, за неимением работы, вынужденно возвращался домой. 10 декабря, найдя двери Управления закрытыми, он, немного погодя, в очередной раз отправился в обратный путь. У ворот дома московского градоначальника на Тверском бульваре его задержали два агента сыскного отделения. Затащив во двор, они обыскали и жестоко избили конторщика, назвали его мятежником и заперли в сарае до поздних сумерек. В 8 часов вечера за ним прибыла арестная карета, которая доставила Виноградова в Арбатскую полицейскую часть, где он пробыл под арестом 25 дней, с 10 декабря по 4 января, ни разу при этом, не вызываясь

[1] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 63.
[2] ЦГА Москвы. Ф. 281. Оп. 5. Д. 14. Л. 22.

полицией на допрос. Лишь благодаря вмешательству своего родственника, офицера 88-го Петровского полка подпоручика Трухачева, Виноградов был отпущен на свободу. При этом на вопрос Трухачева о вине задержанного «… полицейские власти отвечали, что к Виноградову никаких обвинений не имеется и что его продолжительный арест должен быть объяснен грустным недоразумением»[1]. Причиной инцидента могло стать общее смятение и расстройство действий правоохранительных органов в ходе начавшегося в те дни в Москве вооруженного восстания. Однако эпизоды увольнения штрейкбрехеров по ошибке или вследствие интриг забастовщиков имели место.

Специальные льготы и вознаграждения штрейкбрехерам на предприятиях Российской империи, не подпадавших под действие Указа от 2 декабря 1905 года, не были законодательно закреплены. Отечественные фабриканты, конечно, поощряли послушных им рабочих, но всё зависело от милости конкретных хозяев. Фабричным инспекторам, согласно секретному циркуляру Министерства финансов от 8 апреля 1897 года, предписывалось лишь рекомендовать предпринимателям выплачивать как оставшимся на рабочих местах, так и прекратившим работу не по своей воле хотя бы часть их среднего заработка[2]. Даже если на заводе бастовала часть рабочих, остановка ключевого цеха могла парализовать ход всего предприятия. В таком случае и не желавшие покидать свои места работники, из-за простоя, могли оказаться без гроша в кармане. О том, что не примкнувшие к забастовке будут получать жалование, должно было быть объявлено рабочим[3]. Расчёт здесь был, очевидно, сделан на то, что подобная информация внесёт раскол в ряды бастующих.

Демонстрация лояльности во время забастовки, часто являвшаяся проявлением общего модуса поведения рабочего, нацеленного на поддержание хороших отношений со своим начальством, действительно давала ему шанс на столь желанные преференции, будь то продвижение по службе, получение более

[1] ЦГА Москвы. Ф. 281. Оп. 5. Д. 14. Л. 22.
[2] Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С.27.
[3] Там же.

выгодной работы, лучшего жилья или иных поблажек. Однако, даже в таком случае, для штрейкбрехера сохранялись риски навлечь на себя гнев не только коллег, но и части сознательных работников с других предприятий, из-за чего он мог даже потерять работу. Нередко хозяева были вынуждены удалять штрейкбрехеров с производства, разменивая их, пусть и на временную, лояльность вчерашних забастовщиков. К примеру, в мае 1906 года рабочие суконной фабрики Кожевникова в Свиблове вынудили администрацию уволить шестерых членов «Общества активной борьбы с революцией и анархией», несмотря на то, что часть из них проработала на предприятии по 5-6 лет. Тем не менее, хозяин фабрики выдал каждому уволенному по 50 рублей за каждый год службы, снабдив некоторых значительными суммами[1].

В ряду преференций, отдельно можно выделить вознаграждения, которые получали рабочие, нанимавшиеся на места бастующих во время уже идущих забастовок. Зачастую к ним прибегали предприниматели, испытывающие серьёзную нехватку рабочих рук, стараясь таким способом расположить к себе нанятых и мотивировать их. В качестве примера подобных стимулов можно привести подарки администрации ящичной фабрики завода Вулкан набранным в сентябре 1913 года штрейкбрехерам. По прибытии на место работ им выдали по фунту ситного хлеба, а после обеда по ещё одному фунту ситного, фунту колбасы и 8 кусков сахара[2]. Однако, эти поощрения редко когда выходили за рамки подачек. Другим образцом таких «преференций» может служить эпизод во время забастовки в мастерской Зимина, в ноябре того же года, когда набираемых штрейкбрехеров угощали водкой, надеясь завлечь их на предприятие[3].

В некоторых странах Запада, в частности, в Германии, на уровне союзов предпринимателей, имелась практика поощрения рабочих, не принимавших участие в стачках. Известно, например, что здесь некоторые союзы работодателей вели особые списки, куда вносились имена наиболее лояльных и полезных

[1] Курьер. 1906. 21 мая. № 5. С. 4.
[2] Новая рабочая газета. 1913.11 сентября. № 29. С. 3.
[3] За Правду! 1913. 28 ноября. № 46. С.3.

работников. Такие рабочие не подлежали увольнению во время возможного локаута и, в случае простоя предприятия даже получали пособия от хозяев[1].

В России вопрос поддержки штрейкбрехеров начинает предметно рассматриваться фабрикантами в ходе Первой русской революции. В частности, в Москве, предприниматели Бутырского района, обеспокоенные как беспорядками со стороны противников царского режима, так и черносотенными погромами, на совещании в октябре 1905 года поставили вопрос о присуждении поощрительных выплат своим рабочим и создания совместного с ними «Промышленного союза Бутырского района». Идейными вдохновителями этого процесса были предприниматели-иностранцы: директор товарищества Ралле Эрнест Бо, владелец хрустально-стекольного завода Дютфуа, парфюмерщик Адольф Лемерсье и др[2]. Преференции планировались не только для активных штрейкбрехеров, но и для тех, кто просто не примыкал к бастующим и продолжал выполнять трудовые обязанности[3]. Если рабочий оставался на своём месте при попытке снятия его с работ, то он должен был получить вознаграждение в размере 25 копеек. Если же при этом работника посылали на другую фабрику в качестве штрейкбрехера, то единовременная выплата увеличивалась вдвое[4]. Обсуждались и другие преференции: устройство библиотеки, приоритет при найме на входившие в союз фабрики, а также, в случае всеобщей политической стачки в Москве, оплата рабочим забастовочных дней[5].

В обмен на это работникам планировалось запретить принимать участие в любых стачках кроме политических, а также, в случае необходимости, они должны были помогать другим фабрикам района в деле устранения беспорядков и восстановления на них нормального хода работ. Любопытно, что фабриканты рассматривали вопрос и о присуждении работникам предусмотренных законом 1903 года «О страховании рабочих» выплат, однако, найдя их чересчур

---

[1] Громан В. В. Материалы к вопросу о мерах борьбы с забастовками. СПб.: Издание О-ва заводчиков и фабрикантов, 1914. С. 36–37.
[2] ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 3. Д. 320. Л. 6.
[3] Там же. Л. 4.
[4] Там же. Л. 9.
[5] Там же Л. 7.

обременительными для себя и считая что эти поощрения «…не вызовут со стороны рабочих никакой благодарности и не могут поэтому принести никакой моральной пользы»[1], отказались от них. Первые переговоры с работниками прошли для предпринимателей успешно, но в дальнейшем стороны не смогли прийти к консенсусу, и идея «желтого» союза канула в лету.

Попытка создания фабрикантами «Промышленного союза Бутырского района», призванного сплотить хозяев и рабочих перед лицом революционного насилия и использовать последних в деле противодействия забастовкам окончилась неудачей, однако сохранившиеся об этом событии сведения позволяют проследить общую логику предпринимателей в деле поощрения штрейкбрехеров. Предложенные льготы фактически не меняли положение бутырских трудящихся. У них и так был приоритет при поступлении на работу к Ралле, Дютфуа и Лемерсье, ввиду узкой специализации этих предприятий[2]. Предложенная мера лишь закрепляла бы текущее положение дел. Разрешение участия во всеобщих политических стачках в обмен на полный запрет экономических забастовок и вовсе давало гораздо больше выгоды фабрикантам, нежели рабочим. Последние, в обмен на незначительные подачки от хозяев лишились бы возможности хоть как-то влиять на условия труда и найма.

Предприниматели были верны себе, стараясь в первую очередь максимизировать собственную прибыль. Даже в вопросах поддержки лояльных работников, от которых зависело сохранение спокойствия на предприятиях и продолжение нормального хода работ, они старались дать лишь минимальные преференции с максимальной выгодой для себя. Как следует из истории с «Промышленным союзом Бутырского района», практика создания таких «жёлтых» союзов была скорее реакцией предпринимателей на потрясения Первой русской революции, выразившейся в желании фабрикантов спасти своё имущество в условиях смятения властей и революционной анархии, а не продуманной, долгосрочной стратегией противодействия стачкам.

---

[1] ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 3. Д. 320. Л. 8.
[2] Там же. Л. 7.

Несмотря на то, что после революции 1905–1907 годов хозяева, объединившись в предпринимательские союзы, продолжили отдавать предпочтение репрессивным методам борьбы с забастовками, с их стороны попытки различными поощрениями воздействовать на лояльность рабочих не прекратились. Так, среди членов Петербургского общества заводчиков и фабрикантов установилась практика премирования рабочих, если те в течение 2-х месяцев отказывались от участия в забастовках. Однако выплата размером с недельный заработок работника сгорала сразу для всех трудящихся предприятия, если кто-либо на нём совершал прогул или начинал стачку[1]. Очевидно, что это обстоятельство позволяло дополнительно сталкивать рабочих друг с другом. Советский и российский историк И. М. Пушкарева также указывает, что в годы реакции предприниматели озаботились воспитанием в рабочей среде собственной агентуры, ставя в привилегированное положение работников, готовых выполнять функции добровольных шпионов. Особенностью подобной практики в России можно считать то, что штрейкбрехеров при этом старались организовать политически, вовлекая в лоялистские, черносотенные организации, но, как отмечала исследователь, «…хозяева далеко не всегда могли найти в среде рабочих подобные «кадры добровольных работников»[2].

Некоторые не закреплённые законами льготы штрейкбрехеры могли получать и от представителей власти. В частности, в 1906 году, саратовский губернатор В. В. Якунин обратил своё внимание на поволжских грузчиков. Он обеспечивал их ночлежками с пропитанием, помогал финансово и выдавал одежду. Осенью и зимой, когда грузчики оставались без работы им отпускались поддерживающие выплаты[3]. Делались эти жесты отнюдь не по доброте душевной. Рабочих соблазняли преференциями, намереваясь привлекать для

[1] Пушкарева И. М. Рабочее движение в России в период реакции, 1907–1910 гг. М.: Наука, 1989. С. 24.
[2] Там же. С. 28.
[3] Черновский А. Союз русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М; Л.: ГОСИЗДАТ, 1929. С. 77.

противодействия «…возможным уличным выступлениям толпы при беспорядках»[1].

После победы над забастовщиками получаемые поощрения нередко оборачивались для таких работников общим понижением заработной платы и ухудшением условий найма. Как справедливо отмечал в своем исследовании И. В. Омельянчук, штрейкбрехеры, по сути, оказывались заложниками своей деятельности[2]. Предприниматели всё так же использовали этих рабочих лишь для достижения собственной выгоды, не заботясь о положении тех, кто, предавая своих товарищей, оставался на их стороне в ходе трудового конфликта. Автор указывает и на типичный эпизод, произошедший во время забастовки на чайном складе Высоцкого в Одессе. Здесь начальство, чтобы сломить стачку, наняло группу рабочих, членов «Союза русского народа». По всей видимости, после того как они выполнили отведённую им задачу и способствовали поражению бастующих, то были удалены с предприятия и вновь заменены согласившимися работать на прежних условиях рабочими[3].

Исполнив свою роль во время Первой русской революции, в годы реакции многие штрейкбрехерские организации пришли в упадок, в том числе из-за ухудшения положения своих членов. О каких-либо преференциях речи здесь уже не шло. Вчерашние ярые борцы с крамолой сами готовы были бастовать: «У нас в Союзе русского народа <…> волнуются рабочие-союзники в порту, бессовестно эксплуатируемые графом и его опричниками. Говорят, что дураки они были срывать забастовку и что теперь, если где-нибудь начнется, все забастуют», писал член одесского отделения «Союза русского народа» Н.Н. Родзиевич в уже 1907 году[4].

---

[1] Черновский А. Союз русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М; Л.: ГОСИЗДАТ, 1929. С. 77.
[2] Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи: 1901–1914 гг.: дис. … д-р ист. наук. Воронеж, 2006. С. 826–827.
[3] Там же. С. 826.
[4] Цит. по: Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М.: Яуза – Пресс, 2013. С. 399.

Итак, закреплённые законодательством льготы могли получать лишь потерпевшие от насилия бастующих рабочие и служащие на особо значимых для государства предприятиях и объектах, вроде железных дорог. За положением консервативного элемента здесь следила полиция, стараясь, пусть и не всегда успешно, противодействовать произволу в их адрес. В остальном же поощрение штрейкбрехеров зависело исключительно от милости их начальства. Даже самые рьяные из них не были застрахованы от понижения или увольнения. Хозяева использовали верных работников для достижения своих собственных целей, а потому награды за срыв стачки часто принимали лишь формы подачек. Последние могли мотивировать некоторых рабочих, но слабо улучшали их положение. Более того, отказ от коллективного отстаивания своих прав, негативно сказывался на самих штрейкбрехерах, которым, в награду за покладистость нередко доставалось лишь уменьшение расценок на их труд вкупе с угрозами и преследованием со стороны организованных трудящихся. В погоне за преференциями такие рабочие могли терять гораздо больше, при этом подвергаясь остракизму со стороны своей профессиональной группы.

Подводя итог, мы можем сделать вывод о недостаточной поддержке со стороны предпринимателей и властей лояльных им рабочих, многие из которых, в отсутствие значимых поощрений и под нажимом своих революционизированных коллег, вливались в забастовочное движение, отдавая предпочтение, иногда вынужденное, выступлению со своими товарищами, нежели сговору с фабрикантами.

2.3. Охрана желающих работать во время забастовки: законодательство и практика

Рабочее законодательство Российской империи конца XIX – начала XX века отставало от передовых стран Запада в вопросе обеспечения прав наёмных рабочих. Зарубежный же опыт борьбы с забастовками наоборот, активно исследовался властями и до усиления стачечной активности в нашей стране. Ещё

в царствование Николая I правительство пристально следило за волнениями рабочих в Англии и Франции. Несмотря на то, что в те годы власти ещё не видели в России тех тенденций к сплочению и активизации рабочих масс, уже проявившихся в некоторых странах Запада, государство заранее озаботилось введением репрессивного законодательства в отношении стачек[1]. Однако вопрос законодательного оформления ограждения и защиты лояльных рабочих от воздействия со стороны бастующих, вплоть до середины 80-х годов XIX века не находил заметного отражения в нормативных актах Российской империи, что, вероятно, могло быть вызвано ещё сравнительно малым количеством забастовок и, как следствие, редкостью насилия в отношении «благоразумного» рабочего элемента [2].

Одно из первых упоминаний лиц, принуждаемых к стачкам, встречается в «Уложении о наказаниях» 1885 года. Согласно статье 318, члены противозаконных сообществ, принуждавшие насилием других к противоправным действиям, в том числе и к забастовкам, наказывались лишением всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение или на каторжные работы, сроком от четырёх до шести лет[3]. Преступления, совершенные по 318 статье, считались государственными, т. е. политическими. Так, например, по статье 318 ч. 3. была привлечена группа работников кожевенных заводов, участвовавших в нападении на штрейкбрехера во время его свадьбы в Крынках и состоявших в незаконном рабочем союзе, ставившим себе целью «возбуждение вражды между хозяевами и работниками»[4]. Четверых задержанных предлагалось во внесудебном порядке подчинить на два года гласному надзору полиции, в избранном ими месте «…за исключением столиц, столичных губерний и тех местностей фабричного рациона,

---

[1] Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон. Спб.: Тип. «Общественная польза», 1907. С. 364–367.

[2] Струмилин С. Г. Забастовки и революция (1850–1917). [Электронный ресурс] URL: https://1917.com/XML/GTCdV7h86B0gObVWawn3IDEF0WI

[3] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 9 - е. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. С. 309.

[4] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 323. Л. 7.

где пребывание их Министерством внутренних дел будет признано вредным…»[1], с вменением срока предварительного заключения. По итогу, дознание было разрешено следующим образом: трое из них, Лейзер Герцберг, Гирша Мазур и Шлема Швейцер по повелению Николая II были подвергнуты заключению в тюрьму на шесть месяцев[2], а четвёртый, кожевник Лейба Майстер, ввиду поступления его на военную службу, был подвергнут строгому надзору со стороны военного начальства, с заменой, в случае его увольнения, гласному надзору полиции по месту жительства его родителей в деревне Пирожки, Гродненской губернии, на оставшееся до истечения двухлетнего срока время[3]. Рабочим также учли срок предварительного пребывания под стражей, составивший 4 месяца для Герцберга, Мазура и Швейцера и 6 месяцев для Майстера.

Схожее наказание ждало членов «Сморгоньского союза рабочих», разогнанного полицией в 1901 году. Рабочий-социалист Осип Страх, нанесший побои штрейкбрехерам Кучинскому и Подолецкому, первому за неучастие в забастовке, второму за содействие во время стачек найму новых рабочих на завод Игнатия Садовского, содержался под стражей 3 месяца, после чего был выслан из Виленской губернии в Кременчуг, где был подчинён гласному надзору полиции на три года. Осип Оленцевич, также участвовавший в избиениях, содержался под стражей 7 месяцев, после чего был подчинён надзору полиции по месту своего жительства на три года. Ещё один обвиняемый, Виктор Путырский, был осуждён на 6 месяцев тюрьмы с учётом составившего 2 месяца предварительного заключения под стражей, после чего должен был быть отдан под гласный надзор полиции по месту жительства на те же три года[4].

Известен довольно курьёзный случай возбуждения дела по 318 статье. Так, в 1901 году в Вильно, рабочий-столяр Якер Левин пожаловался на своих коллег в полицию, сообщив, что те подвергли его, за нежелание примкнуть к забастовке,

---

[1] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 323. Л. 18.
[2] Там же. Л. 36.
[3] Там же. Л. 46.
[4] ГА РФ. Ф.124. Оп.10. Д. 305. Л. 173.

избиению бутылками и нанесли ранение ножом в шею. Виленский Окружной суд усмотрел в инциденте признаки преступления, как раз предусмотренные этой статьёй, и передал дело на распоряжение начальнику Виленского губернского жандармского управления[1]. Однако, после произведённого жандармами дознания выяснилось, что на предприятии не готовилось никакой стачки, а драка между рабочими произошла по бытовым причинам[2]. Вероятно, столяр Левин совершил донос на коллег, стремясь гарантированно привлечь к ответственности своих обидчиков, но, по выяснению всех обстоятельств, полиция прекратила дело.

Возвращаясь к законодательным актам, ограждавших лояльных рабочих от насилий бастующих, отметим, что в Государственном совете, при рассмотрении в 1886 году проекта «Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих», согласно Высочайше утверждённому мнению Государственного совета 3 июня 1886 года, было решено в дополнение к статьям принятого годом ранее «Уложения о наказаниях…» установить для участников стачек, принуждавших других рабочих путём насилия или угроз к прекращению или не возобновлению работ, наказание в виде тюремного срока, составлявшего для подстрекателей и главарей от восьми месяцев до года и четырёх месяцев, для прочих от четырёх до восьми месяцев[3].

Этот артикул с некоторыми изменениями перекочевал в утвержденное Николаем II 22 марта 1903 года «Уголовное уложение» в виде статьи 509. Интересно, что Особое совещание при Государственном совете, в ходе разработки данного уложения нашло нужным отделить принуждение к забастовке от прочих видов принуждения, отмечая особую важность оного[4]. Законодательство в этом отношении было ужесточено. Статья 509 применялась к тем, кто осуществлял

---

[1] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 298. Л. 10.
[2] Там же. Л. 11.
[3] Высочайше утвержденное 3 июня 1886 г. мнение Государственного совета по проекту Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1888. Т. 6. № 3769. С. 265.
[4] Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: С мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. - особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. / Изд. Н. С. Таганцева. Санкт-Петербург.: Гос. тип, 1904. С. 689.

попытку принудить к прекращению работ или не возобновлению оных, на заводе, фабрике, горном промысле в железнодорожных, портовых мастерских или «…вообще в таком предприятии, прекращение деятельности коего может неблагоприятно отразится на интересах местного населения»[1], последствием насилия группу рабочих, и устанавливала наказание в виде тюремного заключения, для участников на срок не ниже 6-ти месяцев, а для подстрекателей в виде заключения в исправительный дом, на срок не меньше трёх лет[2].

Если принуждаемый был один, а попытки принудить бастовать применялись не к рабочим завода или фабрики а, например, сельским рабочим или служащим торговых домов и промышленных предприятий, то наказание определялось 507 статьёй, и было более мягким: штраф до 300 рублей или арест до 3-х месяцев[3]. Вероятно, именно по 507 статье были привлечены в Омске в 1906 году к ответственности двое приказчиков магазина Шкроевой, за попытку принуждения к забастовке группы коллег из магазина Комакова. Оба получили административное взыскание в размере 300 рублей штрафа, с заменой его, в случае финансовой несостоятельности, заключением в тюрьму на 21 сутки[4].

Изданный во время пика Первой русской революции Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 2-го декабря 1905 года, в свою очередь, определял наказание для рабочих и служащих железных дорог и телефона общего пользования, а также работников предприятий имевших важное общественное или государственное значение. Согласно указу, виновных в принуждении других к остановке работ «посредством угроз, насилия или отлучения от общения» ждало тюремное заключение сроком от четырёх месяцев, до одного года и четырёх

---

[1] Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: С мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. - особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. / Изд. Н. С. Таганцева. Санкт-Петербург.: Гос. тип, 1904. С. 491.
[2] Там же. С. 689.
[3] Там же. С. 683.
[4] Иртыш. 1906. 14 сентября. №. 45. // ГА РФ. Ф. Р6935. Оп. 3. Д. 32. Л. 13.

месяцев[1]. Любопытно, что здесь уже указывалась уголовная ответственность и за бойкотирование штрейкбрехеров.

Создаваемые при введении положения чрезвычайной охраны особые комитеты могли издавать свои постановления, предупреждавшие работников о недопущении снятия штрейкбрехеров и ждущих их за это санкциях. Так, Особый комитет при управлении Сибирской железной дороги в середине августа 1906 года разослал среди рабочих, служащих и мастеровых дороги постановление, в котором значилось следующее: «В последнее время были случаи насильственного удаления из депо и мастерских рабочих, мастеровых и монтеров, которые вынуждены были покидать депо и мастерские вследствие буйства толпы мастеровых, заявляющих о нежелании иметь в мастерских тех или иных товарищей. <…> Высочайшим указом от 2 декабря н.г. (ст.5) ясно указано, что насильственное удаление служащих, рабочих и мастеровых их сотоварищами строго наказуемо, особый комитет, в заседании своём 28 июля с.г. постановил: предупредить мастеровых и рабочих депо и мастерских, а также и всех служащих Сибирской ж/д., что насильственное удаление ими товарищей или так называемый бойкот, ни в коем случае не будут допускаемы. При этом лица, виновные в производстве этих преступных действий, после надлежащего расследования, кроме судебной ответственности, будут уволены и высланы из пределов полосы отчуждения дороги»[2]. В случае повторения насилий над штрейкбрехерами комитет готов был пойти на крайние меры: закрытие на время мастерских и увольнение всех, без исключения, рабочих и мастеровых.

В целях противодействия революционному и стачечному движению, генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники, в свою очередь, при введении положения чрезвычайной охраны, могли издавать, в подконтрольных им местностях, обязательные постановления и устанавливать взыскания за их

---

[1] Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 2-го декабря 1905 г. О временных правилах о наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных, и об обеспечении судьбы тех служащих, кои, не принимая участия в забастовках, пострадали от учиненного над ними насилия. // Законодательные акты переходного периода. СПб., 1909. С. 203.

[2] Иртыш. 1906. 15 августа. №. 24. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп.3. Д. 32. Л. 4.

нарушение, в виде ареста до 3-х месяцев или штрафа до 500 рублей[1]. Некоторые из постановлений определяли наказание за принуждение к забастовкам. Например, изданное 5 марта 1911 года обязательное постановление Московского губернатора устанавливало единое наказание за принуждение к стачкам как на фабриках и заводах, так и на разного рода торговых и промышленных предприятиях, и в среде сельских рабочих[2]. Виновный подвергался в административном (внесудебном) порядке штрафу до 500 рублей или аресту до 3-х месяцев.

В то же время, в действующем на территории Российской империи «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 года, по продолжению 1912 года оставалась статья 1358[2], согласно которой «Участники стачки, принудившие других рабочих, посредством насилия или угроз, прекратить работу или не возобновлять оную…[3]» всё также могли быть наказаны тюремным заключением на срок от четырёх или восьми месяцев до восьми месяцев или одного года и четырёх месяцев, в зависимости от степени своего участия.

Наблюдение за производством дознаний по делам о нападении на штрейкбрехеров с 1892 по 1905 годы осуществляла Временная канцелярия по производству особых уголовных дел. После января 1905 года и вплоть до падения монархии ими ведали 1-е и 3-е уголовные отделения Первого департамента Министерства юстиции, которым отошли функции «Временной канцелярии…» по наблюдению за производством политических дел. Дела о насилии над лояльными рабочими рассматривались на основаниях общей подсудности, до 1886 года в мировых судах, после они были переданы в ведение окружных судов[4].

---

[1] Положение 14 августа 1881 г. о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. // Гессен В. М. Исключительное положение. СПб.: Право, 1908. С. 366.

[2] ГА РФ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 179. Л. 26.

[3] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года / Россия. Законы и постановления. Пг., 1916. С. 298.

[4] Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1904. С. 265.

Рассмотрим, для сравнения, опыт зарубежного законодательства по вопросу ограждения желающих работать во время стачек. В изданной в 1906 году брошюре активиста черносотенного движения А. В. Ососова отмечалось, что современное ему законодательство стран Запада условно делились в вопросе борьбы с забастовками на две группы, одна из которых как раз была направлена на «преследование проявления насилия и угроз со стороны забастовщиков по отношению к лицам, не сочувствующим их решительным действиям»[1], т.е. на защиту штрейкбрехеров.

Во Франции, согласно статье 414 уголовного кодекса, за принуждение к забастовкам, равно как и за попытку оного, виновного ждали заключение в тюрьму, сроком от 6 дней до 3-х лет[2], и/или штраф от 16 до 3000 франков[3]. В Англии, по законам от 29 июня 1871 года и 30 июня 1876 года, за насилие и угрозы в адрес штрейкбрехеров, обвиняемый мог быть приговорён к выплате штрафа в 20 фунтов стерлингов или к заключению в тюрьму до 3-х месяцев[4]. В Голландии под влиянием апрельской стачки железнодорожных служащих в 1903 году был принят законопроект, по которому насильственное снятие с работ каралось тюремным заключением сроком до 3-х месяцев, или штрафом в 300 гульденов[5]. В Германии, согласно параграфу 153 промышленного устава, лица, принуждавшие других бастовать, также наказывались заключением в тюрьму до 3-х месяцев, если они не совершили более тяжелых преступлений. Однако случалось, забастовщиков сажали по упомянутой статье, за одно только использование эпитета «штрейкбрехер» в отношении желающих работать[6].

---

[1] Ососов А. В. О забастовках. СПб., 1906. С. 10.

[2] Иные сведения содержит работа А. В. Ососова, из которой следует, что максимальный срок тюремного заключения по указанной статье был гораздо меньше и равнялся 3-м месяцам. См.: Ососов А. В. О забастовках. СПб., 1906. С. 19.

[3] Миклашевский А. Н. Стачки и социальный вопрос. Право стачек. СПб.: типо-лит. А. Г. Розена, 1905. С. 37.

[4] Ососов А. В. О забастовках. СПб., 1906. С. 20.

[5] Скаржинский Л. Б. Забастовки и рабочие сотоварищества. СПб, 1905. С.141.

[6] Громан В. В. Материалы к вопросу о мерах борьбы с забастовками. СПб.: Издание О-ва заводчиков и фабрикантов, 1914. С. 37–38.

Отсюда следует, что в правовых системах многих стран Запада, различные акты о недопущении насилия и снятия с работ лояльных рабочих принимались на протяжении второй половины XIX и начала XX века, занимая важное место в антизабастовочном законодательстве этих государств. Российская империя не была в этом процессе первой. В целом, наказания за вышеуказанные деяния в ней были жёстче, однако, российское законодательство шло в русле общеевропейских тенденций.

Рост числа трудовых конфликтов на территории Российской империи и их радикализация, в конце XIX века прямо поставили перед властями вопрос о защите лояльных рабочих фабрик и заводов от посягательств со стороны их более беспокойных коллег. Одним из документов, в которых была затронута охрана не принимавших участие в забастовке работников, стал разосланный Министерством финансов секретный циркуляр от 8 апреля 1897 года. Он содержал наказ фабричным инспекторам, в ходе трудового конфликта обеспечивать возможность продолжения работ для лояльных хозяевам рабочих. Даже если во время забастовки полноценная работа на фабрике была невозможна, штрейкбрехерам предписывалось оставаться на своих местах в соответствии с правилами внутреннего распорядка. Заводские табельщики должны были вести точную запись всех таких работников, дабы отделить не причастных к забастовке от общей массы «…в устранение недоразумений при последующих расплатах»[1]. Непосредственная охрана штрейкбрехеров при этом возлагалась, как следовало из циркуляра, на полицейские чины.

О назревшей необходимости в охранении штрейкбрехеров свидетельствовал и секретный циркуляр министра внутренних дел И. Л. Горемыкина от 12 августа 1897 года, предназначавшийся губернаторам, и вызванный всплесками забастовочной активности в Петербурге и Москве. В документе, среди прочего, отмечалось следующее: «…обращает на себя особое внимание образование в последнее время среди рабочих так называемых «боевых дружин», т.е. групп наиболее революционно настроенных рабочих, которые путём угроз и насилий

[1] Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 27.

принуждают менее решительных рабочих присоединиться к стачке или препятствуют желающим стать на работу, а также подвергают всякого рода насилиям, до убийства включительно, рабочих, влияющих на товарищей в смысле прекращения забастовки или заподозренных в обнаружении перед полицией или фабричной администрацией главных зачинщиков стачек»[1]. Для недопущения насилий над лояльными работниками, Горемыкин рекомендовал губернаторам во время волнений «…объявлять <…> по соглашению с подлежащими инспекцией или начальством и начальником жандармского управления <…> что всякий рабочий, замеченный в насильственных действиях по отношению к другим рабочим с целью воспрепятствовать стать на работу или в возмездие за последовавшее согласие возобновить работы, будет подвергнут аресту и высылке под надзор полиции в одну из отдаленных губерний»[2]. Отсюда следует, что практика насилий над штрейкбрехерами в рабочей среде сложилась в Российской империи уже в конце XIX века. Однако, в условиях острого численного дефицита правоохранительных органов, о полноценном ограждении штрейкбрехеров не могло быть и речи.

Во второй половине XIX века полицейский надзор за рабочими заметно ослаб, что было вызвано резким ростом их числа. На большинстве частных предприятий контроль осуществлялся старшими рабочими, подмастерьями, смотрителями и табельщиками[3]. Отсутствие на фабриках специальных полицейских чинов вынуждало в случае забастовок активно привлекать имевшихся в наличии местных штатных полицейских, часто и без того малочисленных.

Например, во время беспорядков в деревне Немце Петроковской губернии, в 1896 году на 1785 рабочих двух заводов приходилось 6 земских стражников[4]. На расположенной близ г. Тверь фабрики «Товарищества Тверской мануфактуры бумажных изделий», где в 1897 году были волнения рабочего люда, полицейская

---

[1] Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906.С. 31.
[2] Там же. С. 32.
[3] ГА РФ. Ф.102. Оп. 54. Д. 38. Л. 9.
[4] Там же. Л. 81.

власть состояла из станового пристава с помощником и полицейского урядника. Общее же число работников этой фабрики составляло 5424 человека[1]. В некоторых фабричных местностях полиции не было вовсе, как в селах Реутово и Солнечная гора Московской губернии, где в 1895 году наблюдались нарушения порядка на фабриках «Товарищества Реутовской мануфактуры» и фабрики миткаля «Товарищества мануфактур Косьмы Прохорова с Сыновьями», и куда для восстановления порядка высылались войска[2].

Даже в таком крупном промышленном центре как Москва, где за период с 1894 по 1898 годы стачки и брожения рабочих наблюдались на 47 предприятиях[3], согласно рапорту обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова московскому генерал-губернатору от 29 января 1899 года, чины общей полиции были практически бессильны в вопросах надзора и предупреждения забастовок на фабриках и заводах, хотя здесь и имелись ресурсы для быстрой концентрации полиции на остановивших работу предприятиях[4].

В конце 70-х и 90-х годов XIX века проводились попытки усиления полицейской власти в фабрично – заводских местностях. Старания фабрикантов, отправлявших в Министерство внутренних дел многочисленные ходатайства об усилении полицейского контроля за рабочими, не пропадали даром. Ещё в 1879 году Комитет министров делегировал министру внутренних дел полномочия, по ходатайству частных лиц и обществ назначать на их средства особые полицейские должности, в чьи прямые обязанности входил бы надзор за настроениями рабочих и охранение порядка на фабриках и заводах[5].

Согласно данным Министерства внутренних дел, с 1880 по октябрь 1898 года на частные средства было учреждено на фабриках, заводах и промыслах всего 572 полицейские должности[6]. Однако, на многих предприятиях, число полицейских продолжало быть значительно ниже установленной нормы. К тому

[1] ГА РФ. Ф.102. Оп. 54. Д. 38. Л. 81.
[2] Там же. Л. 80.
[3] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 54. Д. 38 ч. 36. Л. 8.
[4] Там же. Л. 2–3.
[5] Там же. Л.1.
[6] ГА РФ. Ф.102. Оп. 54. Д. 38. Л.77.

же, фабриканты, особенно те, чьи предприятия находились близ крупных столичных центров, продолжали, в случае волнений рабочих, прибегать к посредничеству городских и уездных полицейских чинов, избегая трат на собственную фабричную полицию[1]. Так как надежды на частную инициативу в вопросе обеспечения надзора за рабочими не оправдались, а вспыхивающие в разных местах империи забастовки и волнения уже серьёзно угрожали порядку и спокойствию на заводах и в фабрично-заводских местностях, Министерство внутренних дел в конце 1896 года начало разработку проекта учреждения специальной фабричной полиции.

По проекту предполагалось учредить должности 160 надзирателей (по норме 1 надзиратель на 3000 рабочих) и 2320 городовых (1 городовой на 250 взрослых рабочих). Усиление касалось внутренних губерний империи, Привислинского края и Кавказа, с общим числом рабочих в 1 172 061 человек[2]. Сумма, которая должна была быть выделена на это предприятие, равнялась 500 000 рублей. Так как специальная фабричная полиция задумывалась как мобильная сила, которую, чтобы снизить нагрузку на войска, можно было бы оперативно перебрасывать на места забастовок и беспорядков, каждый год в ведение министра внутренних дел должен был также выдаваться кредит в 20 000 рублей для осуществления этой цели[3].

В начале декабря 1898 года уже сформированный проект был рассмотрен Соединенными департаментами законов и государственной экономии. Вопросы охраны лояльных рабочих на заседании не поднимались. Вместо этого, например, некоторыми членами Соединенного присутствия акцентировалось внимание на том, что лица, набираемые в фабричную полицию, должны соответствовать повышенным требованиям, чтобы суметь вовремя предотвратить стачку, или,

[1] ГА РФ. Ф.102. Оп. 54. Д. 38. Л. 2.
[2] Там же. Л. 78.
[3] Там же. Л. 99.

если волнения всё же начнутся, иметь возможность оперативно прибыть на место во всеоружии и «энергичным натиском воздействовать на возбужденную толпу»[1].

Высказывались опасения, что обычные чины наружной полиции не будут в этом деле так успешны как конная полиция или жандармерия, «которая одним уже своим внушительным видом производит устрашающее впечатление на волнующуюся массу»[2]. Отмечался и малый размер окладов чинов вводимой фабричной полиции, ввиду чего возникала опасность, что в случае дополнительных выплат полицейским со стороны хозяев производств, те попали бы от них в зависимость и исполняли свои обязанности пристрастно. Департаменты одобрили проект, найдя его важным и срочным, но ежегодно ассигнуемая сумма была сокращена ими с 500 000 до 418 000 рублей.

После рассмотрения проекта, по Высочайшему повелению, 1 февраля 1899 года специальная фабричная полиция была, наконец, учреждена[3]. Вопрос создания и деятельности фабричной полиции интересен и многогранен, в различных губерниях и городах он протекал со своей спецификой. Однако, это уже тема для отдельного исследования. В контексте защиты «благоразумного» рабочего элемента стоит отметить, что усиления полиции оказалось явно недостаточно для полного ограждения желающих работать, продолжавших становится жертвами нападений со стороны забастовщиков[4].

Успешность действий полиции во многом зависела от случая. Акты насилия над лояльными рабочими предотвращались, только если они попадали в поле зрения стражей правопорядка и у последних хватало сил и средств для их пресечения. Приведём примеры. Так, вечером 20 ноября 1903 года в городе Белостоке группой рабочих-евреев из пяти человек было совершено нападение на идущих по домам после трудового дня двух работниц суконной фабрики Триллинга и чернорабочего местного казенного склада Карла Ромашевича, за то,

---

[1] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 54. Д. 38. Л. 142.
[2] Там же. Л. 143.
[3] Там же. Л. 44.
[4] См.: ГА РФ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 182; ГА РФ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 185; ГА РФ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 203; ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 290; ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 292 и т.д.

что те не участвовали в забастовке. Один из нападавших ударил Ромашевича кулаком по голове, предварительно крикнув «Мы вам покажем, как работать!»[1]. Другие забастовщики в это время пытались сорвать с его спутниц платки, угрожая убийством, в случае отказа прекратить штрейкбрехерство. Оказавшийся рядом городовой Соколовский смог вовремя остановить потасовку, в результате чего Ромашевич отделался лишь лёгкой раной, а женщины испугом. Один из забастовщиков был задержан на месте, остальные скрылись.

Ещё один случай, когда полиция смогла предотвратить насилие над штрейкбрехерами, произошел 7 июня 1906 года в Москве. Здесь пристав 2-го участка Яузской части, подполковник Романкевич, во главе наряда городовых, пресёк попытку снятия с работ сапожников мастерской Коваева, расположенной во Введенском переулке. Несколько явившихся на предприятие забастовщиков, грозивших хозяину что «…если не прекратятся работы, то будет хуже»[2], были арестованы и доставлены в участок. Параллельно с этим, городовой Александр Шаховцев в тот же день задержал двух мужчин, требовавших прекратить работы в сапожной мастерской, расположенной на том же участке.

По необходимости, во время забастовки полиция устанавливала свои посты у проходной предприятия и патрулировала прилегающую к нему местность, тем самым обеспечивая охрану идущим на работу штрейкбрехерам. Петербургская рабочая газета «За Правду!» в октябре 1913 года сообщала об одном из таких полицейских постов: «С раннего утра по Ждановской ул. расхаживал местный околоточный, а к десяти часам прибыли ещё несколько городовых и околоточный и ещё какие-то господа, которые так и бегали около завода. Два дня принимали штрейкбрехеров, два дня дежурила полиция, но без дела стоять, верно, надоело. И вот, когда проходили двое бастующих, околоточный сделал за ними погоню и при помощи двух переодетых городовых он остановил бастующих и отправил в участок»[3].

---

[1] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 12. Д. 1429. Л. 1.
[2] ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 2. Д. 43. Л. 20
[3] За Правду! 1913. 1 октября. № 1. С. 3.

Полиция могла задерживать и за одни словесные угрозы в адрес штрейкбрехеров. К примеру, в августе 1913 года, подозреваемая в этом работница московской фабрики Ралле пробыла под арестом две недели, после чего, хоть и была освобождена, но вновь на предприятие её уже не приняли[1].

Однако, недостаток числа полицейских и жандармов, слабый надзор за рабочими, а также эффективное подпольное взаимодействие рабочих активистов делали положение штрейкбрехеров крайне уязвимым, о чём, например, красноречиво свидетельствуют рассуждения рабочего-черносотенца с Путиловского завода, опубликованные в правой газете «Свобода и порядок» в январе 1914 года, показывающие общую запуганность консервативно настроенных работников во время очередной волны стачечного движения: «Союзников» же настоящих в такие дни, и с огнём не найдёшь ни на одном заводе. Все по домам лежат, «больные» ишь! <…> А по мастерским шныряют посланные разные, не токмо что ряженные, а и просто в мундирчиках своих в студенческих… Даже барышни приходят на заводы – ровно бы все они в шапках-невидимках щеголяют… Не видит их начальство, хоть ты что! <…> …«союзники» то, как прослышат про забастовку политическую, сейчас, не будь глупы, на приём докторский. У кого ревматизм: кого понос одолел, – у третьего «баба рожает», а четвёртому в раз приспичило в деревню «слетать». Ни единого черносотенца на заводе не останется...»[2]. Высказывалась газета и о недостаточных репрессиях в отношении тех, кто принуждал к забастовкам: «За принуждение рабочих путём угроз к забастовке градоначальником 17 января подвергнуты аресту на месяц 11 типографских рабочих. Капля в море. «Принуждающими» красными насильниками, можно было бы все тюрьмы столицы переполнить»[3] – писала «Свобода и порядок» в том же году.

Приставить к каждому штрейкбрехеру стражника было физически невозможно, а потому такие рабочие не могли пребывать в безопасности, даже

[1] Наш путь. 1913. 25 августа. № 1. Л. 3.
[2] Свобода и порядок. 1914. 11 января. №. 8. С. 3.
[3] Свобода и порядок. 1914. 21 января. №. 16. С. 3.

находясь в своих домах, на которые бастующие также совершали нападения. Если в ряде случаев лояльные работники и могли рассчитывать на защиту в стенах завода и у проходной, то по окончанию стачки всё равно оставался шанс подвергнуться преследованиям со стороны забастовщиков. Даже на железных дорогах, где полиция следила за положением благонадёжных работников, последних далеко не всегда удавалось оградить от последующего давления стачечников. К примеру, в районе Рижского отделения Московско-Рижского жандармского полицейского управления железных дорог, по сообщению начальника управления, многие служащие, не примкнувшие в 1905 году к забастовкам, под давлением революционного движения в Прибалтийском крае и своих коллег, были впоследствии вынуждены покинуть службу, считая продолжение ее для себя слишком обременительным[1].

Согласно «Особым правилам по борьбе с ж/д. забастовками», с объявлением железной дороги на положении чрезвычайной охраны, после того как все важные сооружения и объекты будут взяты под охрану, начальники жандармских полицейских управлений и отделений были обязаны обеспечить защиту всем желающим работать, а также установить патрулирование прилегающей местности, с целью недопущения возможных насилий со стороны забастовщиков[2]. Помимо этого, начальники отделений и железнодорожное руководство, по возможности, должны были переселять из частных квартир в служебные и иные помещения, расположенные на территории принадлежащей железной дороги, особо важных сотрудников, необходимых для восстановления движения поездов. Если же это было неосуществимо, то служащие переселялись в приспособленные для жизни железнодорожные вагоны, также находившиеся под охраной вооруженных чинов полиции или войск. Вместе с работниками, во избежание актов самосуда, такому переселению подлежали и проживавшие с

[1] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2442. Л. 539.
[2] ГА РФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 440. Л. 158.

ними члены их семей, причём последним предоставлялась возможность вообще выехать за пределы угрожаемой их жизни и благополучию местности[1].

При массовых забастовках или беспорядках полиция часто теряла контроль над ситуацией. Фабричный инспектор 2-го участка Костромской губернии А. К. Клепиков в своих мемуарах, например, описывал, как во время крупной забастовки, произошедшей на его участке в конце мая 1905 года, бастующие снимали рабочих других фабрик с работ при полном бездействии полиции: «Толпа человек в 400 – 500 подходит прежде всего к чугунно-литейному заводу; перепуганная администрация завода спряталась; к толпе выходит один из литейщиков и от имени своих товарищей грозно заявляет, что они не желают прекращать работы…но непосредственно вслед за тем все рабочие завода присоединяются к забастовщикам. Значительно подкрепленная таким образом толпа направляется к громадной фабрике Х и врывается здесь в корпуса: машины останавливаются, рабочие выходят. <…> Бывшие на некоторых фабриках попытки работать при ничтожном количестве являвшихся рабочих немедленно прекращались при появлении толпы бастующих. <…> Роль полиции ограничивалась наблюдением с пунктов, по возможности удалённых от места действия. К гипподрому, где происходили совещания рабочих, никто из полиции не решался и близко подходить»[2]. Охрана желающих работать, в таких условиях, разумеется, была невозможна.

Не справились полицейские с ограждением штрейкбрехеров и в ходе Иваново-Вознесенской стачки, проходившей в мае – июне 1905 года. Полиция оказалась практически бессильна противостоять пикетам и патрулям рабочей милиции, хотя и вела активную агитацию за прекращение забастовки среди рабочих[3]. В охране штрейкбрехеров здесь больше участвовали прибывшие в город войска и казаки, но тоже не всегда успешно: «Ввиду того, что много народу по городу просят и желают работать, для этого назначили сойтись рабочим <…>

---

[1] ГА РФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 440. Л. 158.
[2] Клепиков А. К. Записки фабричного инспектора. М.: Тип. В. Рихтер, 1911. С.212-213.
[3] Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году. // Сб. документов и материалов. Иваново.: Ивановское книжное издательство, 1955. С. 192.

на ярмарке за Новой улицей и обещались охранить рабочих, желающих идти на работу, казаками и солдатами, чтобы не помешали им другие рабочие <…> Но эта проделка не удалась – на ярмарку рабочие никто не пошли, только пришли несколько человек – около 100 из граверов, слесарей и мастеров, но их другие рабочие разогнали, но не били»[1] – сообщал о неудачной попытке штрейкбрехеров выйти на работу один из бастующих рабочих.

Тем не менее, известны случаи, когда полиции самоотверженно и успешно удавалось оградить штрейкбрехеров, невзирая на численное превосходство и даже агрессию забастовщиков. Так, согласно рапорту начальника Минского отделения Московско-Рижского жандармского полицейского управления железных дорог ротмистра Чернова, в ходе октябрьской политической забастовки 1905 года, горстке жандармов удалось не допустить толпу рабочих к продолжавшим работать на станции Минск телеграфистам: «…на ст. Минск явилась толпа служащих Либаво-Раменской ж/д., – писал Чернов начальнику Московско-Рижского жандармского полицейского управления железных дорог, – выпустила пары из всех паровозов и заставила прекратить занятия все службы кроме телеграфа, который по моему приказанию охранялся унтер офицерами вверенного мне отделения <…> При попытке моей задержать выделявшегося своей агитаторской деятельностью неизвестного телеграфиста Либаво-Раменской ж/д. мне было оказано энергичное сопротивление со стороны столяра Минских мастерских Ивана Хиткевича и слесаря Владимира Лазовского, которые своим криком собрали толпу мастеровых и рабочих. Ввиду ничтожного числа унтер-офицеров (6 чел.) против более чем тысячной толпы, бывшей при чем в сильно возбужденном состоянии, и отсутствия в то время войск, задержать названного телеграфиста не представилось возможным»[2]. Несмотря на успешную защиту штрейкбрехеров-телеграфистов, как следует из рапорта, малочисленность

[1] Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году. // Сб. документов и материалов. Иваново.: Ивановское книжное издательство, 1955. С. 193.
[2] ЦГА Москвы. Ф. 281. Оп. 5. Д. 4. Л. 58.

жандармов всё же не позволила им предотвратить снятие рабочих остальных служб.

Даже в тех случаях, когда полиции удавалось заблаговременно узнать о возможной забастовке и подготовить наряды для охраны штрейкбрехеров, ограждение лояльных рабочих нельзя было назвать исчерпывающим. Примером может послужить всеобщая забастовка московских булочников в апреле 1905 года. Полиция, уже в марте знавшая о конкретной дате выступления рабочих, заранее сформировала усиленные наряды для охранения правопорядка. Ещё до начала забастовки стали поступать просьбы о защите от не желавших принимать участие в забастовке булочников. Так, согласно рапорту пристава 2-го участка Тверской части от 7 апреля 1905 г., рабочие придворного пекаря Д.Ф. Филиппова, будучи довольны экстренно сделанной последним, во избежание стачки, прибавкой жалования, опасались возможного воздействия забастовщиков: «Если мы не забастуем, то придут булочники из других заведений и нас заставят силой кончить работы – оградите нас от этого»[1], – говорили они. Составлялись расписки, содержавшие просьбы рабочих об охране. Например, в подписанном 19-ю рабочими 1-го Сретенского отделения пекарни Филиппова документе отмечалось, что подписавшиеся удовлетворены прибавкой жалования и изъявляют желание продолжать работать, но просят оградить их от «скопляющихся в подобных случаях толп забастовщиков»[2].

В ходе начавшейся 9 апреля забастовки, охватившей 305 булочных города, пешие наряды полиции, конная жандармерия и казаки смогли пресечь большую часть попыток проникновения в продолжавшие работать пекарни, но полностью оградить штрейкбрехеров так и не удалось. Одиночки и мелкие группы бастующих изредка просачивались на предприятия, к тому же, само наличие толп забастовщиков негативно воздействовало на желающих работать. Отдельные случаи избиений и угроз морально угнетали штрейкбрехеров, и те, невзирая на

[1] ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 253. Л. 110.
[2] Профессиональное движение московских пищевиков в годы первой революции. Сб. 1. М., 1927. С. 107.

охрану, часто бездействовали, опасаясь мести бастующих. На борьбу со сравнительно мирной забастовкой булочников, были брошены значительные силы московской полиции, но, восстановить силами штрейкбрехеров производство хлеба, отвечавшее потребностям второй столицы империи, так и не удалось.

Там, где усилий полиции было недостаточно, ей в помощь высылались войска и казаки. Однако до их прибытия должно было пройти время, за которое бастующие, в случае перерастания мирного протеста в грабежи и погромы, могли не только нанести значительный ущерб имуществу фабрикантов и местных жителей, но и совершить любые акты насилия в отношении не желавших бросать работу коллег. Штрейкбрехеры в это время были предоставлены сами себе.

Так, во время начавшейся в начале октября 1897 года в местечке Никольское экономической забастовки, переросшей в массовые беспорядки, полиция не смогла обеспечить на текстильной фабрике Викулы Морозова какой-либо охраны продолжавшим работу ткачам и, запуганные начавшимся со стороны разъярённой толпы битьём фабричных стёкол, те вынуждены были в панике закончить работу. Некоторые из них, под давлением товарищей, присоединились к бастующим, другая же часть разбежалась по домам[1]. Имевшиеся в самом Никольском малочисленные правоохранители, судя по всему, даже не пыталась защитить лояльных работников. Вместо этого, несколько нижних чинов полиции старались не допустить разграбления дома директора фабрики, англичанина Чернока и даже застрелили одного из рабочих, что, однако, не остановило толпу, которая, по сообщению Владимирского губернатора: «…насильственными действиями, погромом и пожаром, навела такую панику на весь рабочий люд, что даже вполне благоразумные рабочие боялись приступить к работам и противодействовать сравнительно небольшой, особенно вначале, кучке буянов»[2].

Действительно, из 10 000 фабричных рабочих местечка, изначально бросила работу лишь 2-я смена прядильщиков, присучальщиков и подавальщиков, всего

[1] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 54. Д. 38. Л. 15.
[2] Там же. Л. 16.

270 человек[1]. Утром 7 октября, не заступив на работу, они также не давали другим рабочим войти на предприятие и занять свои места. Директора фабрики Свешников и Чернок, оперативно прибывший на место конфликта пристав Никольского Кондратьев и, явившийся чуть позднее, уездный исправник Харкевич тщетно пытались уговорить рабочих вернуться к работам или разойтись по домам. Толпа забастовщиков оказалась глуха к призывам фабричного и полицейского начальства и, после 15:00, пополнившись примкнувшим к ней праздношатающимся людом, начала погромы заводского имущества, снятие с работ лояльных рабочих, поджоги домов служащих и прочие грабежи и насилия.

Беспорядки в Никольском продолжались до поздней ночи и окончательно закончились только по прибытии войск и казаков. Эта забастовка, однако, интересна тем, что часть рабочих, видя, как некоторые из бунтующей толпы собираются поджечь склад с сырьём, решительно выступила против них под руководством механика фабрики, англичанина Гилле. Очевидно, осознавая беспомощность полиции и не надеясь на её содействие, Гилле взял ситуацию в свои руки, вооружив до 500 лояльных рабочих и сторожей палками и кольями[2]. Разогнав в ходе столкновений, бастующих и примкнувших к ним так называемых «котов»[3], штрейкбрехеры установили караулы вокруг пожарища и взяли под охрану соседние здания, продолжая пресекать грабежи.

В ходе ещё одной стачки, имевшей место на Брянском рельсопрокатном заводе летом 1898 года, штрейкбрехеры тоже сыграли не последнюю по значимости роль, совместно с администрацией, не допустив полной остановки предприятия и держа котлы с домнами в рабочем состоянии. Лояльные хозяевам рабочие прокатных мастерских при этом не только организовали охрану завода, но и камнями отбили атаки погромщиков, а также, совместно с пожарной

[1] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 54. Д. 38. Л. 15.
[2] Там же. Л. 16.
[3] «Котами» в деле были названы жившие близ фабрики праздношатающиеся элементы, грабившие во время беспорядков фабричное имущество.

командой, тушили пожар в заводской конторе, спасая находившиеся там дела и книги[1].

Отсюда следует, что штрейкбрехеры, не находя защиты со стороны полиции, иногда были вынуждены своими силами противостоять бастующим и даже погромщикам. Если при этом находились инициативные служащие и управляющие, готовые брать руководство имевшимся в наличии «благоразумным» элементом, то у них оставались шансы отстоять хотя бы часть заводского имущества и продержаться до подхода войск. В то же время, при полном смятении администрации, как, к примеру, это было при уже упоминающихся стачках в Иваново-Вознесенске и Костромской губернии в 1905 году, никакого серьёзного противодействия бастующим со стороны штрейкбрехеров организовано не было.

Хозяева редко когда рассматривали лояльных им рабочих как опору в противостоянии с забастовщиками. Сохранилось, к примеру, частное письмо уполномоченного правления «Общества Брянского рельсопрокатного железноделательного и механического завода» на Александровском Южно – Российском и Бежецком заводах Н. Авдакова, в котором тот давал характеристику ситуации, сложившейся в 1898 году в районе Александровского Южно – Российского завода, критически высказываясь как о рабочих, так и о силах местной полиции: «Громадная слободка вокруг завода не имеет понятия, что такое полиция, что такое власти <…> При крайне слабом надзоре над всей массой рабочих, последние в своих дерзких требованиях доходят до крайних размеров. Эта вольница – которая при каждом удобном случае, готова всё грабить и жечь <…> Было бы большой ошибкой думать, что можно какому-либо заводу положиться на преданность своих рабочих. Этого нет, если и есть некоторая часть таких преданных рабочих, то большинство из них иные»[2]. Опираясь на свой управленческий опыт, видя пролетариат лишь опасной массой, готовой при любом удобном случае творить бесчинства, и считая, что любые поблажки

[1] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 54. Д. 38. Л. 43.
[2] Там же. Л. 47

рабочим лишь приведут к очередным требованиям с их стороны, Авдаков настаивал, что единственным действенным способом поддержания порядка является учреждение достаточной заводской охраны и расквартирование близ предприятий войск или казаков[1].

Во время забастовок на железных дорогах, к охране штрейкбрехеров могли привлекаться чины специальных «железнодорожных летучих отрядов», создававшихся для оперативного восстановления нормального хода движения и предупреждения возможных стачек. В отличие от полицейских чинов, бойцы этих формирований были прекрасно вооружены и перемещались на специально снаряженных поездах. По стандартному расписанию, штат «летучего отряда», под общим начальством штаб-офицера, должен был состоять из роты пехоты, взвода кавалерии, 12-ти сапёров, 3-х телеграфистов, 2-х медиков (врача и фельдшера), а также коменданта поезда[2]. Из тяжелого вооружения бойцы снабжались двумя станковыми пулемётами, которые, в случае особой необходимости, могли быть заменены двумя артиллерийскими орудиями.

Согласно инструкции начальникам таких отрядов, утвержденной военным министром 15 июля 1914 года, при отправке на станцию, в поезде, помимо солдат, могли по назначению начальника жандармского полицейского управления железных дорог также помещаться и штрейкбрехеры:

а) по одному старшему линейному агенту от служб движения, пути, тяги и телеграфа.

б) техническая железнодорожная бригада (из мастеровых и рабочих) с инструментом и материалом, необходимым для восстановления пути и телеграфа.

в) две запасные паровозные бригады, кроме, паровозных и кондукторских бригад, обслуживающих поезд[3].

В состав особого поезда обязательно входили два паровоза, один из которых при движении высылался вперёд, выполняя разведывательные функции[1].

---

[1] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 54. Д. 38. Л. 48.
[2] ГА РФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 440. Л. 126.
[3] Там же. Л. 127.

По прибытию на место стачки, «Летучему отряду» предписывалось озаботиться водворением порядка на станции, обеспечением охраны телеграфа, конторы, подвижного состава, депо и мастерских. Следовало заняться и поиском необходимых для возобновления нормального хода работ сотрудников станции, а также ограждением их от возможного насилия со стороны бастующих[2].

Привлечение войск и полиции, согласно данным, приведённым в статье российского историка И. В. Шильниковой, являлось наиболее популярной стратегией предпринимателей во время забастовок в 1895–1904 годах[3]. Хозяева просили губернаторов присылать войска при малейших намёках на неповиновение со стороны своих рабочих, что даже вызывало недовольство со стороны Военного министерства. Например, командующие Московским и Одесским военными округами, ещё в 1897 году сетовали военному министру на вред для обучения вверенных им солдат, вынуждаемых из-за таких командировок, находится в постоянных разъездах[4]. Командующий Одесским военным округом граф А. И. Мусин-Пушкин вместе с тем сообщал, что губернаторы требовали от него высылать воинские контингенты даже «…в тех случаях, когда беспорядки ещё и не обнаружились»[5]. Тем не менее, при недостаточном количестве и слабости полицейских чинов, отправка солдат на предприятия продолжалась.

По прибытии войск, штрейкбрехеры, как правило, получали более серьёзную защиту, чем ту, которую могли им предоставить полицейские чины. Однако для командирования воинских контингентов нужны были серьёзные расходы на топливо, провиант и фураж. Страдала от постоянных разъездов и подготовка бойцов. Постоянное вмешательство военных в трудовые конфликты также способствовало складыванию среди простых подданных Российской

---

[1] ГА РФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 440. Л. 128.
[2] Там же. Л. 129.
[3] Шильникова И. В. Предпринимательские стратегии в разрешении трудовых конфликтов на российских промышленных предприятиях в конце XIX – начале XX века. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Т. 21. № 1. Кострома.: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. С. 31.
[4] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 54. Д. 38. Л. 13.
[5] Там же.

империи негативного образа военнослужащих, усложняя и без того непростую политическую обстановку в стране[1].

Среди тех, кого привлекали к охране штрейкбрехеров, отдельно стоит выделить казаков. Об их надёжности в деле борьбы со стачками и волнениями рабочих свидетельствуют, например, слова Главного начальника Уральских горных заводов П.П. Боклевского. В конце XIX века, во время правительственной дискуссии о том, как лучше воздействовать на рабочую массу для поддержания порядка на уральских заводах, Боклевский отметил, что в этом вопросе он предпочёл бы сотню казаков двум ротам пехоты[2]. Об особой стойкости казаков сообщал в своём письме и уже упоминавшийся Н. Авдаков. В частности, он указывал, что после постройки деревянного забора со стороны села Кайдаки, местные жители и рабочие трубопрокатного завода регулярно ломали этот забор и воровали доски, стреляя и бросая камни в сторожей. Авдаков писал, что «никто из обыкновенных сторожей не соглашался оставаться на этих постах и только кубанские казаки ещё выдерживали здесь»[3]. Высокого мнения о казаках, был и будущий начальник Киевского охранного отделения А. И. Спиридович, в своём разговоре с полицмейстером Д. Ф. Треповым, во время студенческих беспорядков 1902 года, обмолвившийся, что те наиболее успокоительно действуют на толпу[4].

Казачьи сотни действовали решительно и не стеснялись в средствах. За радикализм в деле подавления стачек, разгоны демонстраций, сходок, и пресечение беспорядков, участники революционного и забастовочного движения награждали их нелицеприятными эпитетами, даже сравнивая со зверьми[5]. Вероятно, эффективность казаков была связана с тем, что, в отличие от полиции,

---

[1] Ахмедов Ч. Н. История становления и законодательное оформление деятельности фабрично – заводской полиции в конце XIX – начале XX века. С. 22. [Электронный ресурс] URL:https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-zakonodatelnoe-oformlenie-deyatelnosti-fabrichno-zavodskoy-politsii-v-kontse-xix-nachale-xx-veka

[2] Гаврилов Д. В. Горнозаводской Урал 1861–1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 23.

[3] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 54. Д. 38. Л. 42.

[4] Спиридович А. И. Записки жандарма. М; Берлин.: Директ Медиа, 2020. С. 70.

[5] Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году. // Сб. документов и материалов. Иваново.: Ивановское книжное издательство, 1955. С. 172.

часто малочисленной и слабо вооруженной, а также солдат, многие из которых были выходцами из крестьян и рабочих, легко поддававшихся революционной пропаганде, казаки, являясь полупривилегированным военным сословием, были в массе своей настроены более консервативно в отношении разного рода «крамольников».

Ярким примером действий казаков служат события на отбельной фабрике в селе Тейково в конце ноября 1911 года. На предприятии в это время находились казаки, следившие за тем, чтобы рабочие не примкнули к проходившей в селе с 15 октября забастовки ткачей: «…у одной машины начало накатывать и резать товар. Это увидал один рабочий и закричал другому стоящему у машины машинисту, «Иван, останавливай скорей машину»…Но тут подлетел казак: я тебе <…> остановлю, заорал он на рабочего и только подошедший мастер мог остановить казака от дальнейших шагов, рассказав, в чём дело»[1] – сообщал в письме о ситуации на предприятии участник рабочего движения. Несмотря на столь жесткий надзор, 26 ноября рабочие на отбельной фабрике всё же прекратили работы. Однако казаки смогли не просто сорвать эту стачку, но своими решительными действиями фактически не дали даже набрать ей силу. Оперативно появившись на фабрике, они, вместе со стражниками, сразу расставили посты в коридорах, проходах и отделениях предприятия, пресекая все попытки бастующих выйти из своих отделений. Не имя возможности координироваться друг с другом, бастующие вернулись к работам всего спустя полтора часа после объявления забастовки[2].

Тем не менее, даже наличие на предприятии казаков не гарантировало для штрейкбрехеров полной безопасности. К примеру, во время крупной забастовки на Петровском чугуноделательном заводе весной 1914 года, присутствие полиции и казачьей сотни, а также активные действия по подавлению протестов, в виде избиений, арестов и стрельбы в рабочих не спасли группу штрейкбрехеров от расправы. Уже после Октябрьской революции, участник тех событий, рабочий

[1] ГА РФ Ф. 6935. Оп. 4. Д. 161. Л. 172.
[2] Там же. Л. 171.

Панков вспоминал, что созданный специально для противодействия штрейкбрехерам отряд под руководством рабочего-канавщика некоего «товарища Семёна», по 12 часов дежурил у завода, ожидая «изменников». Оставшиеся верными хозяевам рабочие оказались словно в осаде. Если на самом предприятии они ещё были в безопасности, то вот по дороге домой их уже поджидали бастующие. Всего этим отрядом, состоящим преимущественно из работников мартеновского цеха, были убиты 4 штрейкбрехера, которых опустили в один из заводских тоннелей[1].

Говоря защите штрейкбрехеров во время забастовок, возникает вопрос о распространённости на предприятиях Российской империи практики использования частной охраны. Здесь стоит отметить, что речь идёт не о чинах фабричной полиции, должности которых предприниматели могли учреждать за свой счёт (в нашей стране они, де-юре, находились в подчинении не хозяина фабрики, а департамента полиции), а о членах охранных фирм, не принадлежавших государству. Пользование услугами частных контор в деле охранения лояльных рабочих было характерно для некоторых стран Запада, в частности для Канады и США. Здесь получили широкое распространение детективные агентства, созданные по образцу знаменитой конторы Алана Пинкертона. Подобные фирмы предоставляли предпринимателям широкий выбор услуг для срыва забастовок. Популярностью, например, пользовался вызов на предприятие вооруженной охраны, которая могла использоваться как для защиты штрейкбрехеров и представителей администрации, так и для осуществления прямого террора в адрес непокорных рабочих и профсоюзных активистов[2]. Поставляли такие фирмы и специально обученных провокаторов, которые проникали в среду рабочих и шпионили за ними, докладывая информацию начальству.

---

[1] Борьба за Октябрь на Артемовщине. Сб. воспоминаний и статей под ред. М. Острогорского. Харьков.: Пролетарий, 1929. С. 376.

[2] Карелин А. Сила – капитал // «Энергия» под редакцией Александра Амфитеатрова. СПб.: Энергия, 1914. С. 361–362.

В России начала XX века сколько-нибудь заметного распространения штрейкбрехерских фирм не наблюдалось. Известный анархист Аполлон Карелин в 1914 году отмечал, что наиболее близкой по духу к американским частным стражникам являлась охрана Бакинских приисков, так называемые «кочи». Однако последние походили на своих заокеанских коллег разве что методами работы и своим радикализмом в отношении бастующих. Хозяева вербовали «кочи» напрямую из местных жителей, а не путём обращения в частные конторы, которые, по словам Карелина, на территории России пока ещё не были созданы[1]. С определёнными оговорками в разряд «частной охраны» можно отнести членов правых рабочих организаций, использовавшихся предпринимателями, как в качестве штрейкбрехеров, так и для охранения оных. Однако непосредственного рынка услуг в этой сфере так и не сложилось.

Итак, можно констатировать, что в Российской империи предпринимались попытки оградить штрейкбрехеров от насилия вводом соответствующих репрессивных законов в адрес участников забастовочного движения. К непосредственной охране желающих работать, как правило, привлекались чины полиции, солдаты и казаки. Полицейский произвол и репрессии, частые карательные операции войск и излишнее рвение казаков, негативно действовали на умонастроения рабочих, дополнительно ожесточая их и культивируя недовольство действиями силовиков. Эти обстоятельства, позволяют сделать вывод о том, что используемые на территории Российской империи способы ограждения лояльных рабочих имели половинчатый успех и несли в себе издержки, в долговременной перспективе осложнявшие и без того нелёгкое взаимодействие сторон трудового конфликта.

[1] Карелин А. Сила – капитал // «Энергия» под редакцией Александра Амфитеатрова. СПб.: Энергия, 1914. С. 365–366.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Штрейкбрехерство по праву можно считать одной из главных проблем российского забастовочного движения конца XIX – начала XX вв. Выполнение штрейкбрехерами работ за бастующих часто минимизировало, а то и вовсе нивелировало потери предпринимателей в прибыли, делая для рабочих бессмысленным продолжение трудового конфликта и приводя к поражению стачки.

Организаторы и участники забастовок воспринимали штрейкбрехеров не иначе как предателей, высмеивая и презирая их. Появлявшиеся в XIX веке в разных странах мира на волне роста трудовых конфликтов прозвища и клички, обозначавшие штрейкбрехеров, являлись клеймом, подчёркивающим как оторванность этих рабочих от остального коллектива, так и подлость, низость совершаемых ими поступков. Представители черносотенного лагеря, наоборот, негативно относясь к забастовкам, представляли срывавших их рабочих как благоразумных, честных тружеников и верных подданных. Авторы левых взглядов рассматривали штрейкбрехерство с позиций коллективных, классовых интересов рабочих, демонстрируя вред, которое это явление наносило общим интересам пролетариата. В свою очередь либеральные авторы делали акцент на индивидуалистической «свободе труда», трактуя запрещение желающим работать во время забастовки как предпринимаемое со стороны стачечников насилие над личностью.

Штрейкбрехеры являлись крайне неустойчивой социальной группой, включавшей в себя широкие слои трудящихся. В их рядах подчас оказывался кто угодно, от терпящего нужду чернорабочего, до сломавшегося под влиянием обстоятельств бывшего профсоюзного активиста. «Сознательный» рабочий, мог уже в ходе следующей стачки оказаться в рядах «изменников», и наоборот. Однако наиболее заметное участие в срыве стачек принимали две группы работников. Первая группа состояла преимущественно из сезонных, неквалифицированных рабочих, а также квалифицированных трудящихся,

оказавшихся в тяжёлой жизненной ситуации. На штрейкбрехерство их толкала крайняя нужда и угроза голода. Большая их часть, ввиду недостаточности своих навыков, оказывалась бесполезна для полноценного восстановления работ на предприятиях, требующих квалифицированного труда, однако уже само их наличие на забастовавшем предприятии могло поколебать стойкость бастующих. К тому же высокий уровень безработицы среди чернорабочих в Российской империи позволял предпринимателям не испытывать дефицит в подобных работниках. Во вторую группу наоборот, входили хорошо оплачиваемые рабочие, чьё положение было достаточно прочным и обеспеченным. Такие работники могли не примыкать к стачкам ввиду того, что те угрожали их финансовому благополучию. Риски, которые накладывали на себя эти рабочие в случае объявления забастовки, зачастую превышали возможную выгоду от разрешения стачки в их пользу, порождая среди них неприятие забастовочного движения.

В отличие о тех, кого принято называть «сознательными рабочими», у «ломающих стачку», как правило, не имелось никакой политической программы, требований и долгосрочных целей. В результате они часто видятся лишь безмолвным орудием в руках предпринимателей. Тем не менее, в источниках чётко прослеживаются три основные группы побудительных мотивов действий таких работников, определённые нами как экономические, идеологические и личностные.

Главную роль в штрейкбрехерстве рабочих играли экономические мотивы: стремление получить дополнительный доход, безвыходное финансовое положение, боязнь остаться без средств к существованию, голод, бедственное состояние семьи.

Ввиду острой социально-политической дифференциации общества в исследуемый период распространение получило также идейное штрейкбрехерство, которое могло быть вызвано как верноподданническими чувствами рабочих, так и партийными склоками и конкуренцией за умы трудящихся различных оппозиционных партий и организаций.

В группу личностных причин штрейкбрехерства можно отнести мировосприятие работника, фатализм, зависимость, страх рабочего перед хозяином или исходом стачки, а также его невежество, узкий кругозор и дружеские или родственные связи с начальством.

Отдельно среди мотивов было выделено «невольное» штрейкбрехерство, вызывавшееся незнанием рабочего о проходящей забастовке или тем, что выполняемая им работа была объявлена под бойкотом. Обилие упоминаний в покаянных письмах рабочих именно этой причины, позволяет судить как о её распространённости среди российских трудящихся, так и о возможных попытках штрейкбрехеров скрыть перед пролетарской общественностью истинные, более корыстные мотивы своих действий.

Фабриканты в Российской империи практически не рассматривали лояльных им трудящихся как опору в противостоянии с бастующими, отдавая в вопросах борьбы с забастовками предпочтение репрессивным методам, от привлечения войск и полиции до объявления локаута. Случаи организации предпринимателями штрейкбрехерских «жёлтых» союзов, имевшие место во время Первой русской революции 1905–1907 годов, являлись скорее экстренной попыткой хозяев спасти своё имущество в условиях бессилия властей и нараставшей революционной анархии, а не продуманной и долгосрочной стратегией противодействия забастовкам.

Вербовка штрейкбрехеров на частные российские предприятия преимущественно шла «с улицы» путём расклейки или подачи соответствующих объявлений о найме в бульварные и черносотенные газеты. Часто в роли вербовщиков выступали лояльные хозяевам представители администрации, служащие и работники, которые могли выезжать в поисках штрейкбрехеров далеко за пределы населённого пункта, в котором проходила забастовка. Предприниматели пользовались услугами артелей, правых организаций и отдельных подрядчиков, поставлявших штрейкбрехеров. «Ломающие стачку» могли выписываться и с других предприятий. На места бастующих, по соглашению с властями, также привлекали солдат и арестантов. Для обеспечения

лояльными кадрами, хозяева могли открывать при предпринимательских союзах справочные бюро и «бюро по приисканию работ и рабочих рук». Однако частота найма во время забастовок менее квалифицированной рабочей силы, как и распространённость поиска работников на замену бастующим уже по факту стачки, позволяют судить об отсутствии среди основной массы предпринимателей практики формирования резерва из надёжных рабочих на случай прекращения работ.

На государственных и частных предприятиях особой важности, таких как железные дороги, наличием штрейкбрехеров на случай забастовки старались озаботиться заранее, для чего применялся комплекс мер, таких как полицейский мониторинг численности и положения лояльных рабочих, фильтрация сотрудников, превентивное формирование штрейкбрехерских дружин, разработка инструкций по замещению должностей, бастующих и т.д. Эти меры, в комплексе, позволяли более оперативно восстанавливать работы на остановившихся в результате стачки объектах.

Интересанты забастовок, осознавая вред, который им наносило штрейкбрехерство, вели непримиримую борьбу с этим явлением. Уже в 90-х годах XIX века в Российской империи штрейкбрехеры стали целями регулярных нападений со стороны боевых дружин, возникавших среди рабочих. Быстро и радикально решая проблему в конкретных случаях, насилие слабо способствовало солидаризации пролетариата в целом, так как сломленные и запуганные преследованием работники впоследствии редко могли искренне встать на сторону забастовщиков. Понимая это, большевики и меньшевики в своих газетах открыто порицали избиения и убийства как способ решения проблемы штрейкбрехерства.

Наряду с прямым насилием широко применялся бойкот штрейкбрехеров, особо культивировавшийся на страницах рабочей прессы; распространение «черных списков» с их именами, а также выпуск брошюр и прокламаций, направленных против штрейкбрехерства. Пролетарские газеты, служили ключевым орудием борьбы с этим явлением в рабочей среде. Ведя обличительную пропаганду, координируя рабочих и информируя своих читателей

о конкретных «изменниках», пресса делала тех объектами травли, преследования и бойкота, которые могли длиться годами и затрагивать даже родственников и друзей оступившегося работника.

Во время стачек забастовщики отбирали и ломали инструменты у штрейкбрехеров, стараясь таким образом помешать выполнению ими работ. С этой же целью бастующие в ходе трудового конфликта организовывали пикеты, специальные посты и патрули близ предприятия, занимавшиеся как информированием рабочих о стачке, предупреждая о её проведении, так и отловом идущих на работу «изменников». К последним применялись и различные «позорящие» наказания, самым распространённым из которых был вывоз на тачке.

Социал-демократические газеты хоть и подстёгивали ненависть к штрейкбрехерству, но вместе с тем играли и гуманизирующую роль, критикуя акты физического насилия над нарушителями коллективной солидарности, а также предоставляя последним возможность для публичного покаяния и реабилитации в глазах сознательных трудящихся, путём публикации соответствующих покаянных писем. Рабочий или служащий, включаясь в забастовку, шел на большие жертвы, рискуя не только своим положением, но и благополучием своей семьи. В таких условиях появлявшиеся в рядах бастующих «изменники» становились объектами ненависти стачечников, подчас гораздо более сильной, чем неприязнь к самим предпринимателям, так как в этом случае неблаговидные поступки совершал не чуждый рабочим хозяйчик, а их коллега и недавний товарищ, который, к тому же, был гораздо более уязвим для возможной мести.

Преференции за штрейкбрехерство на частных предприятиях в изучаемый период носили преимущественно случайный характер, нередко принимая форму незначительных подачек. В условиях массовой безработицы, постоянного вздорожания жизни и слабой социальной поддержки населения, выплата заработной платы и возможность не быть уволенными за забастовку, сами по себе становились для штрейкбрехеров наградой. На предприятиях, имевших особо

важное общественное и государственное значение, а именно в правительственных учреждениях и на железных дорогах, как государственных, так и частных, служащие и рабочие, не примыкавшие к забастовкам и пострадавшие ввиду этого от насилий со стороны бастующих, согласно Указу от 2 декабря 1905 года имели закреплённую законодательством возможность получать пенсию или пособие в случае постоянной или временной утраты работоспособности. За положением «консервативного элемента» на таких объектах следила полиция, стараясь защитить благонадёжных работников от возможного произвола в их адрес, но и здесь штрейкбрехерство как таковое не давало работнику ни гарантированных преференций и льгот, ни стойкого иммунитета от понижения по службе или увольнения.

Власти Российской империи поднимали вопрос охраны «лояльного элемента» фабрик и заводов уже в конце XIX века. В исследуемый период принимались различные законодательные акты и постановления, вводившие уголовную ответственность за снятие рабочих, принуждение к забастовкам и насилие в отношении желающих работать. На практике к ограждению штрейкбрехеров во время забастовок наиболее часто привлекались чины полиции. Правоохранительные органы играли ключевую роль в поиске и арестах лиц, участвовавших в угрозах и нападениях на штрейкбрехеров. Однако численный недостаток полиции и жандармов не позволял обеспечивать охрану «желающих работать» в полной мере. Более широкие инструменты для решения вопроса ограждения штрейкбрехеров имели войска, однако командирование солдат являлось затратным предприятием для казны, к тому же негативно воздействуя на обучение солдат, вынужденных вместо муштры находиться в постоянных разъездах. Казачьи сотни, менее других подверженные революционной пропаганде проявляли в вопросах борьбы с забастовками поразительную стойкость, однако и их усилий подчас оказывалось недостаточно для полного ограждения желающих работать. Если внутри предприятий и на проходных штрейкбрехеры ещё могли быть в относительной безопасности то, по окончанию стачки, они оказывались под угрозой прямого насилия.

Подводя итоги, следует сказать, что на предприятиях Российской империи штрейкбрехеров использовали с переменным успехом. Сильное рабочее движение, радикализм бастующих, не гнушавшихся применять методы прямого насилия, а также слабая поддержка со стороны предпринимателей и государства делали положение срывавших стачки рабочих очень уязвимым. Несмотря на то, что общее тяжелое экономическое положение наёмных работников и наличие большого числа безработных в Российской империи, позволяло хозяевам активно привлекать штрейкбрехеров для разрешения трудовых конфликтов в свою пользу, они так и не стали опорой предпринимателей и властей в борьбе с забастовочным движением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ:

1. Материалы государственных архивов:

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):

1. Ф. 59. – Московское жандармское полицейское управление железных дорог:
   Оп. № 1. Дела постоянного хранения.1880–1917 гг. Д. 56; 440; 586.
2. Ф. 63. – Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве (Охранное отделение) при Московском градоначальнике:
   Оп. № 25. Дела постоянного хранения. 1905–1916 гг. Д. 253.
3. Ф. 76. – Московско-Киевское жандармское полицейское управление железных дорог.
   Оп. №. 1. Дела постоянного хранения. 1875–1927 гг. Д. 179.
4. Ф. 102. – Департамент полиции Министерства внутренних дел.
   Оп. №. 54. 2-е делопроизводство. 1897 г. Д. 38; 38 ч. 36.
   Оп. №. 64. 2-е делопроизводство. 1907 г. Д. 11 ч. 145.
5. Ф. 110. – Штаб Отдельного корпуса жандармов:
   Оп. 4. 3-е отделение по Жандармскому управлению железных дорог. Д. 2442.
6. Ф. 124. – Уголовные отделения 1-го Департамента Министерства юстиции:
   Оп. №. 9. Дела постоянного хранения. 1900 г. Д. 182; 185; 190; 202; 203.
   Оп. №. 10. Дела постоянного хранения. 1901 г. Д. 287; 290; 292; 295; 298; 302; 306; 323; 326; 336; 341; 349; 361.
   Оп. №. 12. Опись документов постоянного хранения. 1903 г. Д. 1429.
7. Ф. 1167. – Коллекция вещественных доказательств, изъятых жандармскими учреждениями при обысках редакций, газет и отдельных лиц:
   Оп. №. 1. Коллекция вещественных доказательств, изъятых жандармскими учреждениями при обысках редакций, газет и отдельных лиц. 1864–1917 гг. Д. 5085; 5433в.

Оп. №. 2. Коллекция вещественных доказательств, изъятых жандармскими учреждениями при обысках редакций, газет и отдельных лиц. Нач. XIX – нач. XX в. Д. 3909.

8. Ф. 1741. – Коллекция нелегальных изданий (листовок и брошюр), отложившихся в полицейских и судебных органах дореволюционной России:

   Оп. №. 1. Нелегальные листовки. 1862–1917 гг. Д. 33104.

9. Ф. 4888 – Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ) Главного архивного управления Министерства внутренних дел СССР.

   Оп. №. 5. Списки и справки на секретных сотрудников, служащих ГЖУ, ЖПУ ж.д. и Охранных отделений, составленные по материалам центральных и местных архивов. 1925–1941. Д. 962.

10. Ф. 6935 – Комиссия по изучению истории профессионального движения при Всесоюзном центральном совете профессиональных союзов и центральных комитетах профессиональных союзов:

    Оп. №. 2. Материалы, собранные Истпрофом ВЦСПС. 1905–1925 гг. Д. 42; 43.

    Оп. №. 3. Материалы, собранные Истпрофом ВЦСПС. 1905–1907 гг. Д. 32; 37; 320; 609.

    Оп. №. 4. Материалы, собранные Истпрофом ВЦСПС. 1908–1911 гг. Д. 161; 166.

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы):

11. Ф. 281. – Управление Александровской железной дороги ведомства Министерства путей сообщения.

    Оп. №. 5. Управление Александровской железной дороги. Д. 4; 14.

2. Законодательные акты Российской империи:

1. Высочайше утвержденное 3 июня 1886 г. мнение Государственного совета по проекту Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1888. Т. 6. № 3769. С. 262–266.

2. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 14 –го декабря 1905 г. О правилах чрезвычайной охраны на железных дорогах. // Законодательные акты переходного периода. СПб.: Изд-е Юридического книжного склада «Право», 1909. С. 210–216.

3. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 2-го декабря 1905 г. О временных правилах о наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных, и об обеспечении судьбы тех служащих, кои, не принимая участия в забастовках, пострадали от учиненного над ними насилия. // Законодательные акты переходного периода. СПб.: Изд-е Юридического книжного склада «Право», 1909. С. 200–207.

4. Положение 14 августа 1881 г. о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. // Гессен В. М. Исключительное положение. СПб.: Право, 1908. С. 361–374.

5. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: С мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. - особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. / Изд. Н.С. Таганцева. СПб.: Гос. тип, 1904. – 1122 с.

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 9 - е. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. – 918 с.

7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого

составленный. Издание 1916 года / Россия. Законы и постановления. - Пг., 1916. – 521 с.

3. Периодическая печать:

а) Периодические издания левых партий и организаций:

1) Вперед: еженедельная газета. Орган РСДРП (б).

1.1. Вперед. 1905. 28 февраля. № 8.

1.2. Вперед. 1905. 15 марта. №. 10.

2) Живая жизнь: рабочая газета. Орган меньшевиков-ликвидаторов.

2.1. Живая жизнь. 1913. 31 июля. № 18.

3) За Правду!: ежедневная рабочая газета. Орган РСДРП (б).

3.1. За Правду! 1913. 1 октября. № 1.

3.2. За Правду! 1913. 5 октября № 4.

3.3. За Правду! 1913. 23 ноября. №. 42.

3.4. За Правду! 1913. 26 ноября. № 44.

3.5. За Правду! 1913. 27 ноября. № 45.

3.6. За Правду! 1913. 28 ноября. № 46.

4) Курьер: ежедневная рабочая газета. Орган меньшевиков.

4.1. Курьер. 1906. 19 мая. № 3.

4.2. Курьер. 1906. 21 мая. № 5.

4.3. Курьер. 1906. 23 мая. № 6.

4.4. Курьер. 1906. 24 мая. № 7.

4.5. Курьер. 1906. 27 мая. № 10.

4.6. Курьер. 1906. 15 июня. №. 15.

4.7. Курьер. 1906. 3 июня. № 16.

4.8. Курьер. 1906. 17 июня. №. 17.

4.9. Курьер. 1906. 9 июня. № 21.

4.10. Курьер. 1906. 11 июня. № 23.

5) Луч: ежедневная рабочая газета. Орган меньшевиков-ликвидаторов.

5.1. Луч. 1913. 12 марта. № 59 (145).

5.2. Луч. 1913. 6 апреля. № 80 (166).

6) Наш путь: ежедневная рабочая газета. Орган московского комитета РСДРП (б).

6.1. Наш путь. 1913. 25 августа. № 1.

6.2. Наш путь. 1913. 3 сентября. № 8.

6.3. Наш путь. 1913. 4 сентября. № 9.

6.4. Наш путь. 1913. 11 сентября. № 15.

7) Новая рабочая газета: ежедневная рабочая газета. Орган меньшевиков-ликвидаторов.

7.1. Новая рабочая газета. 1913. 24 августа. №. 14.

7.2. Новая рабочая газета. 1913. 27 августа. №. 16.

7.3. Новая рабочая газета. 1913. 29 августа. № 18.

7.4. Новая рабочая газета. 1913. 30 августа. № 19.

7.5. Новая рабочая газета. 1913. 11 сентября. №. 29.

7.6. Новая рабочая газета. 1913. 18 сентября. № 35.

7.7. Новая рабочая газета. 1913. 19 сентября. № 36.

7.8. Новая рабочая газета. 1913. 20 сентября. № 37.

7.9. Новая рабочая газета. 1913. 21 сентября. № 38.

7.10. Новая рабочая газета. 1913. 29 сентября. № 45.

7.11. Новая рабочая газета. 1913. 1 октября. № 46.

7.12. Новая рабочая газета. 1913. 30 октября. №. 70.

8) Правда: ежедневная рабочая газета. Орган РСДРП (б).

8.1. Правда. 1912. 22 апреля № 1.

8.2. Правда. 1912. 4 сентября. № 108.

8.3. Правда. 1912. 9 сентября. № 113.
8.4. Правда. 1912. 22 сентября. № 124.
8.5. Правда. 1912. 27 сентября. №. 128.
8.6. Правда. 1912. 29 сентября. №. 130.
8.7. Правда. 1912. 30 сентября. №. 131.
8.8. Правда. 1912. 3. октября. №. 133.
8.9. Правда. 1913. 8 января. №. 6 (210).
8.10. Правда. 1913. 16 января. №. 12 (216).
8.11. Правда. 1913. 2 февраля. №. 27 (231).
8.12. Правда. 1913. 3. февраля. №. 28 (232).
8.13. Правда. 1913. 23 февраля. № 45 (249).
8.14. Правда. 1913. 26 февраля. № 47 (251).
8.15. Правда. 1913. 2 апреля № 77 (281).
8.16. Правда. 1913. 12 апреля. №. 85 (289).
8.17. Правда. 1913. 23 апреля. № 92 (296).
8.18. Правда. 1913. 27 апреля. № 96 (300).
8.19. Правда. 1913. 3 мая. № 100 (304).
8.20. Правда. 1913. 22 мая. № 116 (320).
8.21. Правда. 1913. 24 мая. №. 118 (322).
8.22. Правда. 1913. 26 мая. №. 120 (324).
8.23. Правда. 1913. 29 мая № 122 (326).
8.24. Правда. 1913. 1 июня. №. 125 (329).
8.25. Правда. 1913. 5 июня. №. 127 (331).
8.26. Правда. 1913. 9 июня. №. 131 (335).
8.27. Правда. 1913. 2 июля. №. 149 (353).

9) Пролетарий: еженедельная газета. Орган РСДРП (б).

9.1. Пролетарий. 1905. 27 мая. № 1.

10) Народно-социалистическое обозрение: бюллетень. Орган Трудовой народно-социалистической партии.

10.1. Забастовки трамваев в Риге и Вильне. // Народно-социалистическое обозрение. Вып. 11. СПб.: Народный труд, 1906. С. 74–77.

10.2. Одесские генерал-провокаторы. // Народно-социалистическое обозрение. Сб. 8. СПб.: Народный труд, 1906. С. 61–70.

11) Sozialistische Monatshefte: ежемесячный журнал.

11.1. Sozialistische Monatshefte. 1897. № 2.

б) Правая периодическая печать.

12) Московские ведомости: ежедневная газета. Орган московского отдела Союза русского народа.

12.1. Московские ведомости. 1905. 11 октября. № 270.

12.2. Московские ведомости. 1905. 13 ноября. № 299.

12.3. Московские ведомости. 1914. 29 января. № 23.

13) Свобода и порядок: политическая, экономическая и литературная газета для рабочих.

13.1. Свобода и порядок. 1914. 11 января. №. 8.

13.2. Свобода и порядок. 1914. 21 января. №. 16.

13.3. Свобода и порядок. 1914. 31 мая. № 112.

в) Прочие издания.

14) Иртыш: общественно политическая и литературная газета.

14.1. Иртыш. 1906. 15 августа. №. 24.

14.2. Иртыш. 1906. 14 сентября. №. 45.

14.3. Иртыш. 1906. 20 сентября № 49.

4. Сборники документов и материалов:

1. Бакинская стачка 1904 года. Сб. документов под ред. О. Н. Чаадаевой. – М.: Госполитиздат, 1940. – 128 с.

2. Всеобщая стачка Иваново-Вознесенских рабочих в 1905 году: Сборник документов и материалов / Сост.: В. М. Соколов, В. А. Бабичев. – Иваново: Кн. изд-во, 1955. - 262 с.

3. Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (22). – М; Л.: Госиздат, 1927. – 252 с.

4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 34. – М.: Изд-во политической литературы, 1969. – 584 с.

5. Панкратова А. М. 1905: Стачечное движение: Материалы и документы. – М; Л.: Государственное издательство, 1925. – 535 с.

6. Черновский А. Союз русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. – М; Л.: Госиздат, 1929. – 444 с.

5. Мемуарная литература:

1. Борьба за Октябрь на Артемовщине. Сб. воспоминаний и статей под ред. М. Острогорского. – Харьков.: Пролетарий, 1929. – 392 с.

2. Клепиков А. К. Записки фабричного инспектора. – М.: Тип. В. Рихтер, 1911. – 263 с.

3. Первый штурм самодержавия: воспоминания современников революции 1905–1907 гг. – М.: Политиздат, 1989. – 540 с.

4. Спиридович А. И. Записки жандарма. – М; Берлин.: Директ Медиа, 2020.– 203 с.

5. Хрущёв Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. В. 2 кн. Кн. 1. – М.: Вече, 2016. – 896 с.

II. ЛИТЕРАТУРА:

1. Айнзафт С. С. История рабочего и профессионального движения деревообделочников до революции 1917 года. – М.: ЦК деревообделочников СССР, 1928. – 320 с.

2. Аксёнов А. Поп Гапон и японские винтовки. 15 поразительных историй времен дореволюционной России. – М.: «Альпина Нон-фикшн», 2023. – 275 с.

3. Ахмедов Ч. Н. История становления и законодательное оформление деятельности фабрично – заводской полиции в конце XIX – начале XX века //Вестник Санкт-Петербургского университета. 2017. № 2. С. 21–27.

4. Белов А. М. Проявление революционных и антиреволюционных настроений в условиях модернизации России в начале XX века. // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. № 6. Том 20. 2014. С. 88–91.

5. Блок У. Овцы в волчьих шкурах: в защиту порицаемых. / Пер. с англ. под ред. В. Новикова. – Челябинск.: Социум, 2011. – 301 с.

6. Братская могила: Биогр. словарь умерших и погибших членов Моск. орг. РКП(б). Вып. 2 / Моск. ком. РКП(б). Губ. бюро комис. по истории Окт. рев. и РКП. – М.: ИСТПАРТ, 1923. – 264 с.

7. Васильченко Н. А. «Поэзия рабочего удара» А. Гастева в журнальном контексте «Пролеткульта». // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. № 2 – 3 (66 – 67). Кубань.: Кубанский социально – экономический институт, 2015. С. 67–75.

8. Гаврилов Д. В. Горнозаводской Урал 1861–1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – 464 с.

9. Гастев А. К. Поэзия рабочего удара Петроград.: Изд-е Пролеткульта, 1918. – 149 с.

10. Годес Я. Г. Этот новый старый трамвай. – Л.: Лениздат, 1982. – 160 с.

11. Гриневич В. П. Профессиональное движение рабочих в России. – СПб.: Слово, 1908. – 287 с.

12. Громан В. В. Материалы к вопросу о мерах борьбы с забастовками. – СПб.: Издание О-ва заводчиков и фабрикантов, 1914. – 91 с.

13. Дробижев В. З. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М.: Изд-во Московского университета, 1974. – 224 с.

14. Зиновьев Г. Е. Партия и профсоюзы. Т.6. М; Л.: Госиздат, 1929.–645 с.

15. Зотов М. Товарищ, не изменяй! Увещание штрейкбрехера. – Ростов на Дону.: Тип. Донская речь, 1906. – 10 с.

16. Иванова Н. А., Шелохаев В. В. Всероссийская почтово-телеграфная забастовка в ноябре 1905 года // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 51–66.

17. Кан А. Ю. Измена родине. Заговор против народа. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. – 424 с.

18. Карелин А. Сила-капитал. // «Энергия» под редакцией Александра Амфитеатрова. – СПб.: Энергия, 1914. –С. 343–366.

19. Касимов А. С. Хроника рабочего движения в Центрально-Черноземном районе (1895-февр. 1917 г.). – Пенза: ПГПИ, 1993. – 196 с.

20. Клейнборт Л. М. Рабочий класс и культура. Т. 1. 2-е изд. – М.: ВЦСПС, 1925. – 289 с.

21. Ковалев С. М. Большевистская «Правда» 1912–1914 гг. – М.: Госполитиздат, 1941. – 184 с.

22. Козина И. М. Рабочее движение в России: Анатомия забастовки // Журнал исследований социальной политики. № 4. Т. 7. 2009. С. 485–502.

23. Костомаров Г. Д. 1905 год в Москве. – М.: Московский рабочий, 1955. – 336 с.

24. Кошеверова С. В. Из истории издательского дела на Дону (к 100-летию «Донской речи») // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 4(124). 2003. С. 16–21.

25. Кошеверова С. В. Каталог издательства «Донская речь» Н. Е. Парамонова в Ростове на Дону. – Ростов-на-Дону.: Эверест, 2006. – 330 с.

26. Кураев А. Н. Правые рабочие организации в 1905–1907 годах // Человеческий капитал. 2012. № 7 (43). С. 163–167.

27. Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1904. – 344 с.

28. Лурье М. Л. Работа товарища Молотова в «Правде» (1912–1914 гг.) // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 3–23.

29. Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года. – М.: Новый хронограф, 2015. – 543 с.

30. Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 – феврале 1917 г. Хроника. – Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова,1995. – 120 с.

31. Миклашевский А. Н. Стачки и социальный вопрос. Право стачек. – СПб.: типо-лит. А. Г. Розена, 1905. – 72 с.

32. Мительман М. И. История Путиловского завода. 1801–1917. – М.: Соцэгиз, 1961. – 720 с.

33. Мостобай Т. Ф. Специфика обращения к викторианству в романе Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» и Д. Лоджа «Хорошая работа». // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2011. № 10. С. 61–66.

34. Мукаева А. У., Юсупова Н. Р. Образность фразеологических единиц с компонентом цвета (на материале Французского языка). // В мире науки и

искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 44. С. 79–85.

35. Мурашко А. И. Деятельность железнодорожных жандармов по обеспечению государственной безопасности Российской империи. // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 3. С. 207–213.

36. Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. – М.: Т-во И. Д. Сытина. 1906. – 322 с.

37. Окопная О. П. Рабочий вопрос во взглядах и деятельности Н. Е. Парамонова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 1(133). С. 20–22.

38. Омельянчук И. В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии): монография. – М.: МГПУ, 2022. – 444 с.

39. Омельянчук И. В. Монархическое (черносотенное) движение в России в 1905–1917 гг. // Ортодоксия. 2021. № 4. С. 84–108.

40. Омельянчук И. В. Рабочий вопрос в идеологии и практике российских консерваторов начала XX века. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 22–37.

41. Ососов А. В. О забастовках. – СПб.: Изд-е Постоянной комиссии Народных чтений, 1906. – 48 с.

42. Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон. – СПб.: Тип. Общественная польза, 1907. – 407 с.

43. Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. – М; П.: Госиздат, 1923. – 114 с.

44. Профессиональное движение московских пищевиков в годы первой революции. Сб. 1. – М.: Мосгуботд. союза пищевиков, 1927. – 208 с.

45. Пуришкевич В. М. Книга русской скорби. Вып. 1. – СПб.: Типолитография Невский, 1908. – 198 с.

46. Пуришкевич В. М. Книга русской скорби. Т. 7. – СПб.: Типолитография Невский, 1911. – 239 с.

47. Пушкарева И. М. Рабочее движение в России в период реакции, 1907–1910 гг. – М.: Наука, 1989. – 269 с.

48. Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г.: Хроника. / И. М. Пушкарева (отв. ред.) [и др.]; Сост. В. П. Желтова (отв. сост.) [и др.] Вып. I − X. – М.; СПб.: Институт российской истории РАН, 1992–2008.

49. Рокки Т. Западные губернии Российской империи в Революции 1905–1907 гг.: элементы региональной самобытности и гражданской войны. // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2023. № 3 (131). С. 28–35.

50. Скаржинский Л. Б. Забастовки и рабочие сотоварищества. – СПб.: Изд. А.Э. Винеке, 1905. – 394 с.

51. Смирнова С. И. Черная Сотня. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1906 –16 с.

52. События с рабочих забастовок (изоматериал). – М.: Хромолитография И. А. Морозова, 1906. – 1 л.

53. Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 г. — февраль 1917 г.: Хроника / авт.-сост. Г. Г. Касаров. – М.; СПб.: Нестор-История, 2019. – 832 с.

54. Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. – М.: Яуза – Пресс, 2013. – 669 с.

55. Трошина Т. И. «Крестьянские самосуды» в революционную эпоху: актуализация коллективного опыта (на материалах северных губерний Европейской России) // Российская история. 2012. № 2. С. 193–201.

56. Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. / И. М. Пушкарева [и др.]; отв. ред. И. М. Пушкарева. – СПб.: Алетейя, 2011. – 476 с.

57. Чебарин А. С. Москва в революции 1905–1907 г. – М.: Госполитиздат, 1955. – 264 с.

58. Чуприна Е. А. Цветообозначения в европейских языках. // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 98-летию образования Белорусского государственного университета. – Минск.: БГУ, 2019. – С. 539–542.

59. Шапошников Г. Н. Первый опыт информационной войны в России (Уральские связисты в русской революции 1905–1907 гг.) // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2023. № 26. С. 279–292.

60. Шатан Е. О. Профсоюзы Западной Европы. – Харьков.: Пролетарий, 1926. – 122 с.

61. Шильникова И. В. Предпринимательские стратегии в разрешении трудовых конфликтов на российских промышленных предприятиях в конце XIX – начале XX века. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Т. 21. № 1. 2015. С. 30–35.

62. Шишкин В. Ф. Так складывалась революционная мораль: исторический очерк. – М.: Мысль, 1967. – 360 с.

63. Юдина Л. С. Стачечное движение на Урале в 1905–1907 годах. Хроника. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1995. – 208 с.

64. Янжул И. И. Забастовки или стачки рабочих и чиновников, их значение, критика и возможность их замены. – СПб.: Друзья свободы и порядка, 1906. – 42 с.

65. Alderman G. The National Free Labour Association // International Review of Social History. XXI. 1976. Cambridge., 1976. 309 – 336 pp.

66. Dutton H. I. Ten Per Cent and No Surrender: The Preston Strike, 1853 – 1854. Cambridge.: Cambridge University Press, 1981. 274 p.

67. Gilbert G. In reaction to revolution: Anti-strike mentalities and practices in the Russian radical right, 1905–14. // Corporate Policing, Yellow Unionism, and Strikebreaking, 1890 – 1930. Routledge, 2021. 168 – 185 pp.

68. Kulikov V. Shilnikova I. Policies and practices against labor movement in the late Russian Empire. // Corporate Policing, Yellow Unionism, and Strikebreaking, 1890 – 1930. Routledge, 2021. 23 – 43 pp.

69. Nieto A. Rompehuelgas: sus lugares en las comunidades portuarias. // Revista de Estudios Marítimos y Sociales. Numero 17. Mar del Plata.: Universidad Nacional de Mar del Plata, 2020. 9 – 37 pp.

Авторефераты и рукописи диссертаций:

1. Богомолов А. И. Уральские рабочие – монархисты в 1900–1919 гг.: механизмы эволюции политических взглядов.: диссертация… кандидата исторических наук: 07.00.02. СПб, 2007. 251 с.

2. Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи: 1901–1914 гг.: диссертация… доктора исторических наук: 07.00.02. – Воронеж., 2006. 901 с.

Источники информации в сети Интернет:

1. Справка департамента полиции о боевых дружинах правых организаций. Май 1909 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/190905boev.html (дата обращения: 25.09.2024).

2. Струмилин С. Г. Забастовки и революция (1850 – 1917). [Электронный ресурс] URL: https://goo.su/dvsd (дата обращения: 25.09.2024).

3. Юршина М. Предатели среди нас! Штрейкбрехерство и как с ним бороться, опыт 1907 года. // Центральная профсоюзная газета «Солидарность». 2010. 26 апреля. [Электронный ресурс] URL: https://clck.ru/3AhwpJclck.ru/3Ahwq7 (дата обращения: 25.09.2024).

4. Blackleg miner. // Mainly Norfolk: English Folk and Other Good Music. [Электронный ресурс] URL: https://goo.su/clCnv (дата обращения: 25.09.2024).

5. Gannon D. The story behind «Scabby the Rat». // 6sqft. 2017. July 12. [Электронный ресурс] URL: https://www.6sqft.com/scabby-the-rat-an-iconic-symbol-of-unionized-labor-in-nyc/ (дата обращения: 25.09.2024).

6. Sandrini P. El origen de las palabras «esquirol» y «carnero». // La Izquierda Diario. 2017. 2 de marzo. [Электронный ресурс] URL: https://www.laizquierdadiario.com/El-origen-de-las-palabras-esquirol-y-carnero (дата обращения: 25.09.2024)

Словари:

1. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: Локид – Пресс, 2005. – 677 с.

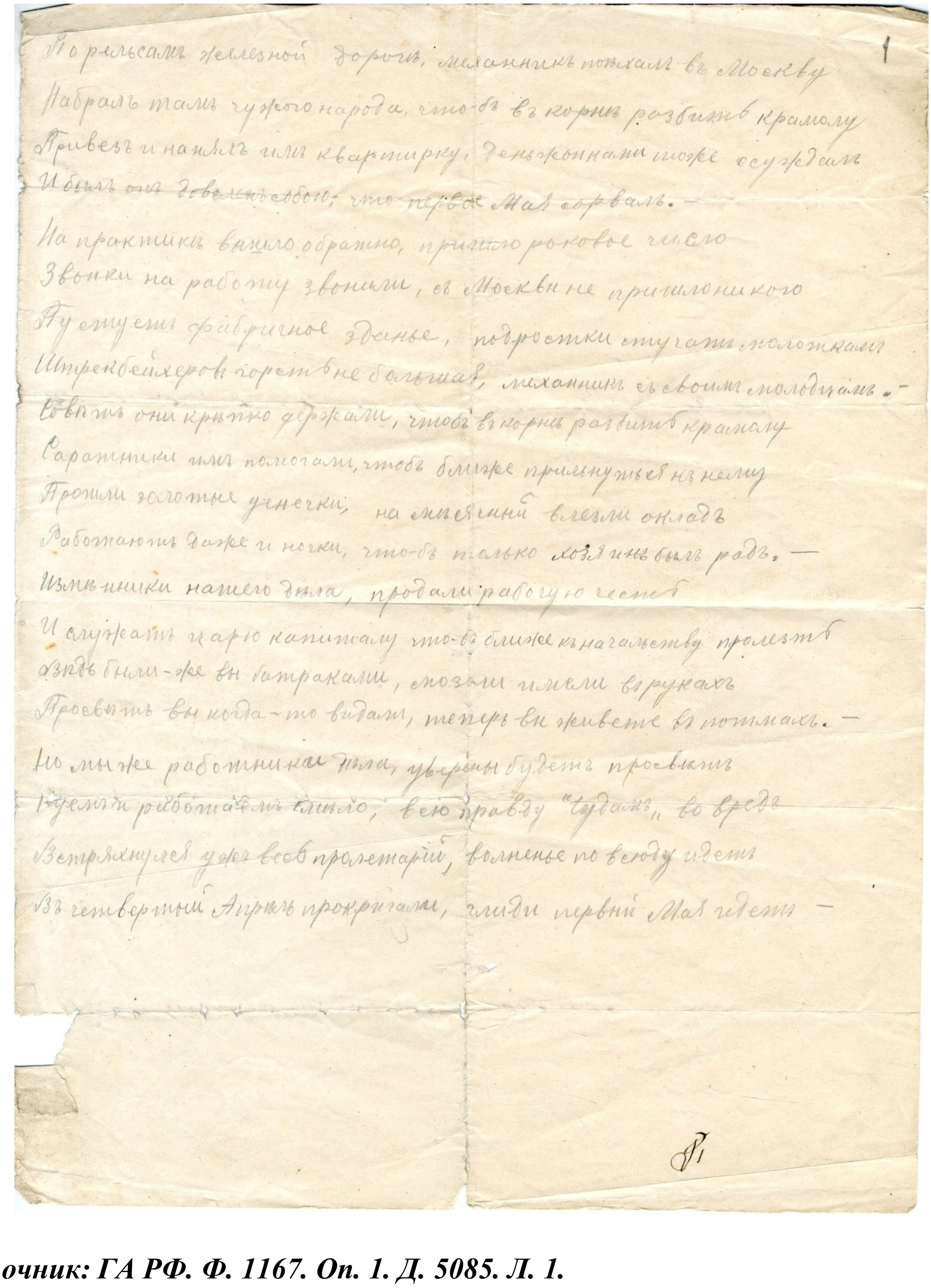
2. Энциклопедический словарь Т. 39а: Статика – Судоустройство. – СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1901. с. 473–954.

3. Малый энциклопедический словарь. Т. 2. Вып. IV. – СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1909. – 2215 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Стихотворение неизвестного автора «По рельсам железной дороги…» (о срыве забастовки рабочих в Москве штрейкбрехерами)

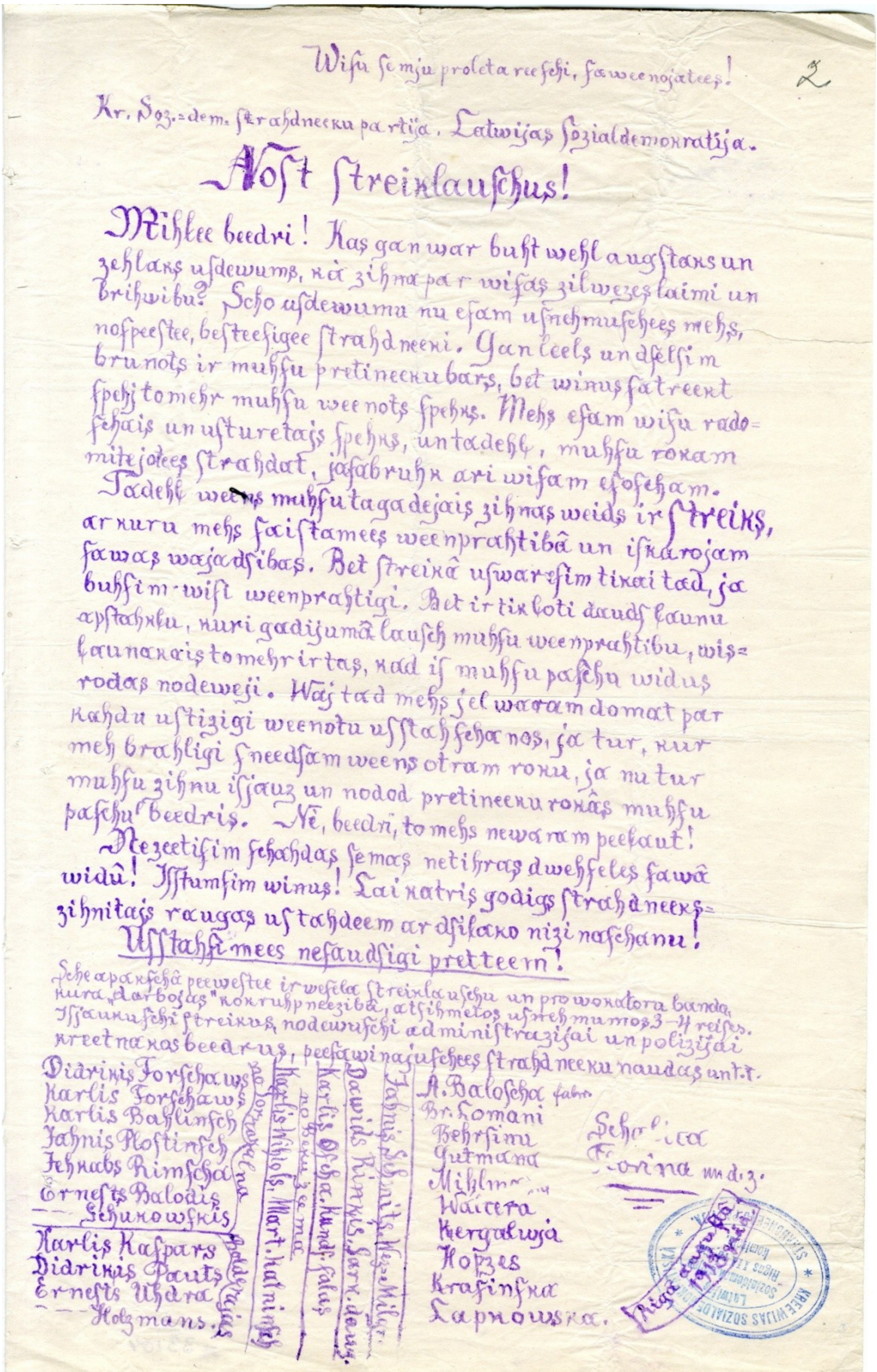

По рельсамъ железной дороги, механникъ поѣхалъ въ Москву
Набралъ тамъ чужого народа, что-бъ въ корнѣ разбить крамолу
Привезъ и нанялъ имъ квартирку, деньжонками тоже ссуждалъ
И былъ онъ доволенъ собою, что первое Мая сорвалъ. —
На практикѣ вышло обратно, пришло роковое число
Звонки на работу звонили, съ Москвы не пришло никого
Пустуетъ фабричное зданье, подростки стучатъ молоткамъ
Штрейбейхеровъ горсть не большая, механникъ съ своимъ молодцамъ. —
Совѣтъ они крѣпко держали, чтобъ въ корнѣ разбить крамолу
Сарашники имъ помогали, чтобъ ближе прильнуться къ нему
Прошли золотые денечки, на мѣсячный влезли окладъ
Работаютъ даже и ночки, что-бъ только хозяинъ былъ радъ. —
Измѣнники нашего дѣла, продали рабочую честь
И служатъ царю капиталу что-бъ ближе къ начальству пролезть
Аздѣсь были-же вы батраками, мозоли имели въ рукахъ
Просвѣтъ вы когда-то видали, теперь вы живете въ потьмахъ. —
Но мы-же работники дѣла, увѣрены будетъ просвѣтъ
Будемъ работать смѣло, всю правду "судамъ" во вредъ
Встряхнулся ужъ весь пролетарий, волненье повсюду идетъ
Въ четвертый Апрѣль прокричали, глядь первый Май идетъ —

Источник: ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 5085. Л. 1.

Приложение № 2

Листовка Виленского комитета РСДРП (б) «Долой штрейкбрехеров!»

(на латышском языке)


Wisu semju proletareeschi, saweenojatees!

Kr. Soz.-dem. strahdneeku partija. Latwijas sozialdemokratija.

Nost streiklauschus!

Mihlee beedri! Kas gan war buht wehl augstaks un zehlaks usdewums, kà zihna par wisas zilwezes laimi un brihwibu? Scho usdewumu nu esam usnehmuschees mehs, nospeestee, besteesigee strahdneeki. Gan leels un dselsim brunots ir muhsu pretineeku bars, bet winus satreekt spehj tomehr muhsu weenots spehks. Mehs esam wisu rado-schais un usturetajs spehks, un tadehl, muhsu rokam mitejotees strahdat, jasabruhk ari wisam esoscham.

Tadehl weens muhsu tagadejais zihnas weids ir streiks, ar kuru mehs saistamees weenprahtibâ un iskarojam sawas wajadsibas. Bet streikâ uswaresim tikai tad, ja buhsim wisi weenprahtigi. Bet ir tik loti daudf launu apstahklu, kuri gadijumâ lausch muhsu weenprahtibu, wis-launakais tomehr ir tas, kad is muhsu pascha widus rodas nodeweji. Waj tad mehs jel waram domat par kahdu ustizigi weenotu usstahschanos, ja tur, kur meh brahligi sneedsam weens otram roku, ja nu tur muhsu zihnu isjauz un nodod pretineeku rokâs muhsu paschu beedris. Nê, beedri, to mehs newaram peelaut!

Nezeetisim schahdas semas netihras dwehseles sawâ widû! Isstumsim winus! Lai katris godigs strahdneeks-zihnitajs raugas us tahdeem ar dsilako nizinaschanu!

Usstahsimees nesaudsigi pretteem!

Sche apakschâ peewestee ir wesela streiklauschu un prowokatoru banda, kura „darbojas" korruhpneeziba, atsihmetos usreh mumos 3–4 reises. Isjaukuschi streikus, nodewuschi administrazijai un polizijai kreetnakas beedrus, peesawinajuschees strahdneeku naudas un t. t.

Didrikis Forschaws
Karlis Forschaws
Karlis Bahlinsch
Jahnis Plostinsch
Jehkabs Rimscha
Ernests Balodis
Schukowskis
Karlis Kaspars
Didrikis Pauts
Ernests Uhdra
Holzmans

Karlis Nikols, Mart. katninsch
Karlis Osa, kandi. fabr.
Dawids Rinkis, Sarkandaug.
Jahnis Schmits, Wez-Milgr.

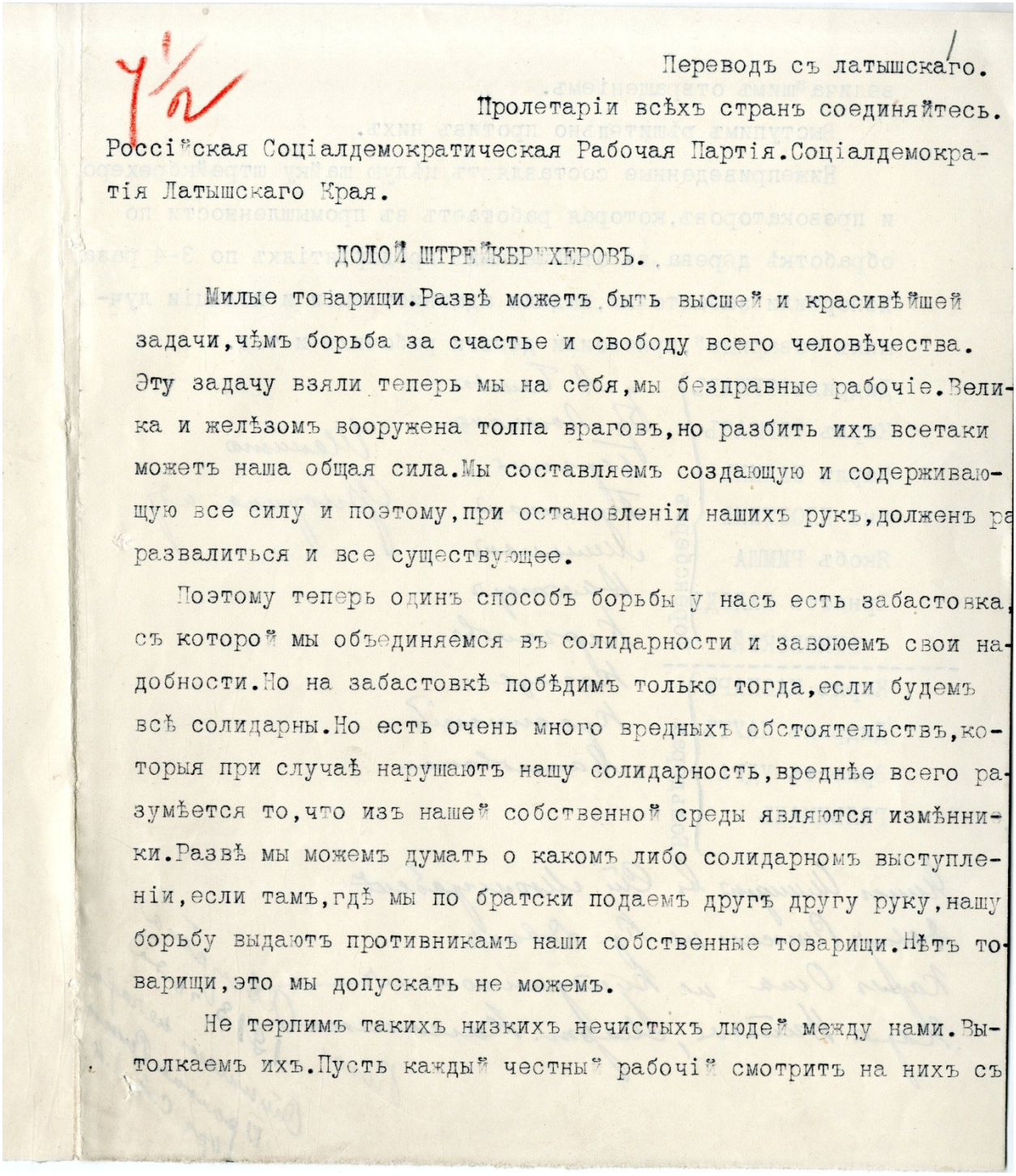
A. Balloscha fabr.
Br. Lomani
Behrsina
Gutmana
Mihlma
Waitera
Kergalwja
Kopzes
Krasinska
Lapnowska

Rigâ 1910 g.

Источник: ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. 33104. Л. 2.

Приложение № 3

Перевод листовки Виленского комитета РСДРП (б) «Долой штрейкбрехеров!»



Переводъ съ латышскаго.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь.

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія. Соціалдемократія Латышскаго Края.

ДОЛОЙ ШТРЕЙКБРЕХЕРОВЪ.

Милые товарищи. Развѣ можетъ быть высшей и красивѣйшей задачи, чѣмъ борьба за счастье и свободу всего человѣчества. Эту задачу взяли теперь мы на себя, мы безправные рабочіе. Велика и желѣзомъ вооружена толпа враговъ, но разбить ихъ всетаки можетъ наша общая сила. Мы составляемъ создающую и содерживающую все силу и поэтому, при остановленіи нашихъ рукъ, долженъ развалиться и все существующее.

Поэтому теперь одинъ способъ борьбы у насъ есть забастовка, съ которой мы объединяемся въ солидарности и завоюемъ свои надобности. Но на забастовкѣ побѣдимъ только тогда, если будемъ всѣ солидарны. Но есть очень много вредныхъ обстоятельствъ, которыя при случаѣ нарушаютъ нашу солидарность, вреднѣе всего разумѣется то, что изъ нашей собственной среды являются измѣнники. Развѣ мы можемъ думать о какомъ либо солидарномъ выступленіи, если тамъ, гдѣ мы по братски подаемъ другъ другу руку, нашу борьбу выдаютъ противникамъ наши собственные товарищи. Нѣтъ товарищи, это мы допускать не можемъ.

Не терпимъ такихъ низкихъ нечистыхъ людей между нами. Вытолкаемъ ихъ. Пусть каждый честный рабочій смотритъ на нихъ съ

Источник: ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. 33104. Л. 1.

величайшимъ отвращеніемъ.

Выступимъ рѣшительно противъ нихъ.

Нижеприведенные составляютъ цѣлую шайку штрейкбрехеровъ и провокаторовъ, которая работаетъ въ промышленности по обработкѣ дерева, въ отмѣченныхъ предпріятіяхъ по 3-4 раза испортили забастовки, выдали администраціи и полиціи лучшихъ товарищей, присвоили деньги рабочихъ и т.д.

Торенсбергъ:

Дидрихъ ФОРШАВЪ — у А. Балода

Карлъ ФОРШАВЪ — Бр. Ломана

Карлъ БАЛИНЬ — Берзиня

Янъ ПЛОСТИНЬ — Путман

Якобъ РИМША — Мильман

Эрнестъ БАЛОДЪ — Вальтеръ

ЖУКОВСКІЙ — Керганъ (?)

Шалито, Фиорина и др.

Больдерая:

Карлъ КАСПАРЪ — Конце

Дидрихъ ПАУТЪ — Красинский

Эрнестъ УДРА — Лапсовская (?)

ГОЛЬЦМАНЪ

Янисъ Шмидтъ въ Ст. Мюльграбенъ

Давидъ Рикисъ на Кр. Двинѣ

Карлъ Ота на Кундзингсгольмѣ

Карлъ Антонъ, Март. Калнинъ

Рига Августа 1913 года

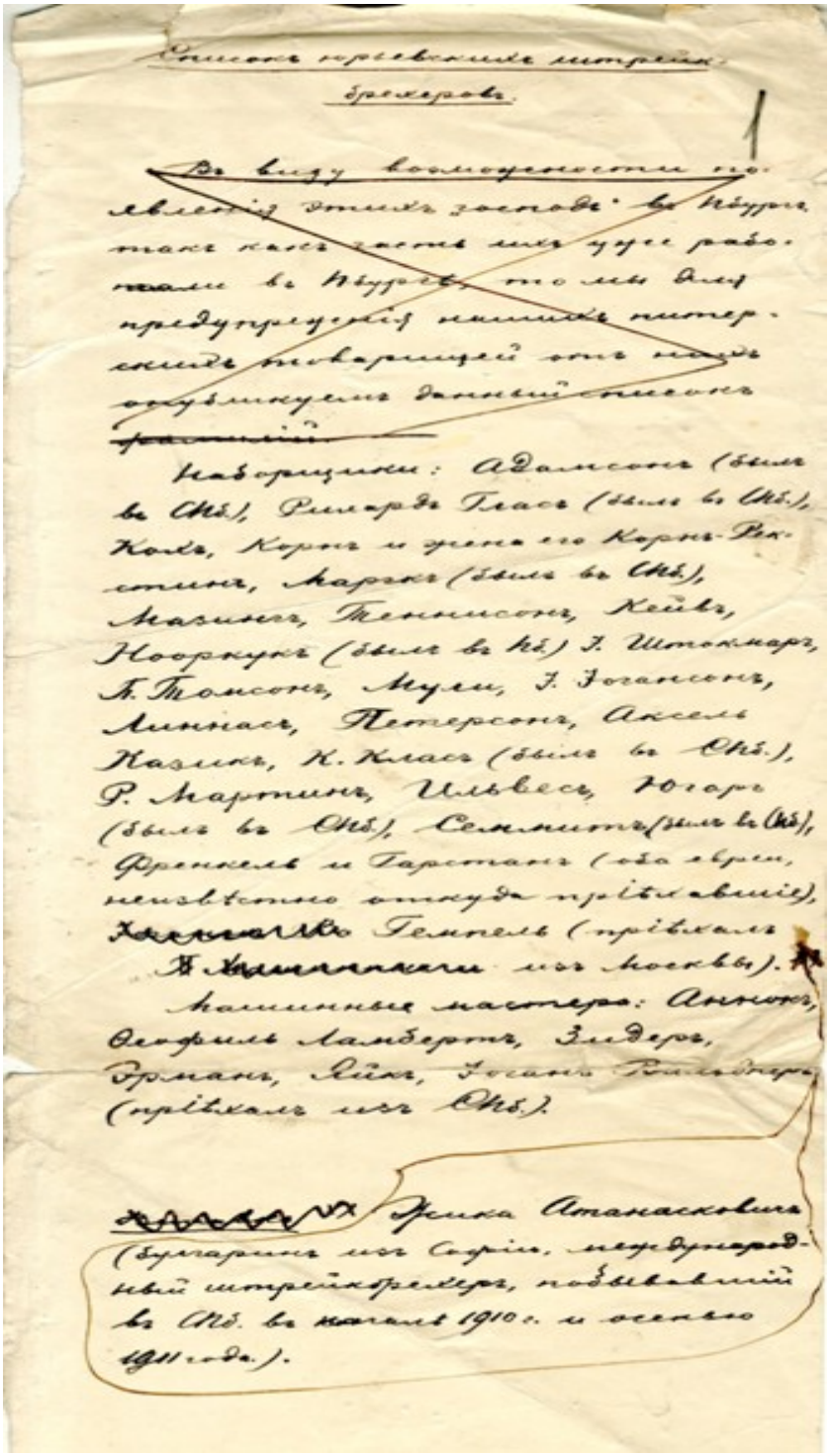
Отпечатано печатн. II района Рижск. Орг. С.Д.Л.К.

Источник: ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. 33104. Л. 1 (оборот).

Приложение № 4

Заметка (чёрный список) неустановленного лица

«Список Юрьевских штрейкбрехеров»



Списокъ юрьевскихъ штрейкбрехеровъ.

1

~~Въ виду возможности появленія этихъ господъ въ Пбургѣ, такъ какъ часть ихъ уже работали въ Пбургѣ, то мы для предупрежденія нашихъ питерскихъ товарищей отъ нихъ опубликуемъ данный списокъ фамилій.~~

Наборщики: Адамсонъ (былъ въ СПб.), Рихардъ Гласъ (былъ въ СПб.), Кохъ, Корнъ и жена его Корнъ-Рекстинъ, Маркъ (былъ въ СПб.), Мазингъ, Теннисонъ, Кейвъ, Нооркукъ (былъ въ Пб.) І. Штокмаръ, П. Томсонъ, Мули, І. Іогансонъ, Линнасъ, Петерсонъ, Аксель Казикъ, К. Класъ (былъ въ СПб.), Р. Мартинъ, Ильвесъ, Югаръ (былъ въ СПб.), Семмитъ (былъ въ СПб.), Френкель и Гарстанъ (оба евреи, неизвѣстно откуда пріѣхавшіе), ~~[illegible]~~ Гемпель (пріѣхалъ ~~[illegible]~~ изъ Москвы).

Машинные мастера: Аннокъ, Өеофиль Ламбертъ, Зидеръ, Эрманъ, Яйкъ, Іоганъ Вильдеръ (пріѣхалъ изъ СПб.).

~~[illegible]~~ Жика Атанасковичъ (булгаринъ изъ Софіи, международный штрейкбрехеръ, побывавшій въ СПб. въ началѣ 1910 г. и осенью 1911 года.).

Источник: ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 5433в. Л. 1.

Приложение № 5

Покаянные письма штрейкбрехеров-наборщиков

Л. Александровой и Н. Даниленко помещенные в большевистской

газете «Правда»

Прошу товарищей-наборщиковъ и наборщицъ и всѣхъ рабочихъ печатнаго дѣла извинить меня за то, что я работала во время забастовки въ типографіи П. П. Сойкина.

Даю слово, что больше этого никогда не случится.

Л. А. Александрова.

Въ типографіи Стасюлевича была забастовка и я, зная, что она будетъ ликвидирована на другой день, не дождался этого дня и, не считаясь съ послѣдствіями, поступилъ въ типографію, боясь, что потомъ мнѣ не попасть туда работать. Я работалъ тамъ раньше, до забастовки, нѣсколько лѣтъ, и привычка, и приличный заработокъ, а главное удобство—понудило стать невольно штрейкбрехеромъ.

Каждый изъ товарищей пойметъ мое положеніе и, надѣюсь, не будетъ строго судить мой поступокъ, въ которомъ каюсь. Напоминаю еще разъ—я калѣка (безъ ноги) и „путаться" по типографіямъ въ поискахъ мѣста крайне трудно. Прошу товарищей принять меня въ свое общество и снять съ меня позорную кличку штрейкбрехера.

Въ ожиданіи вашего справедливаго рѣшенія.

Наборщикъ **Н. Даниленко.**

Источник: Правда. 1912. 4 сентября. №. 108. С. 4

Приложение № 6

Заметки о штрейкбрехерстве рабочих во время забастовок, помещённые в большевистской газете «Правда»

Типогр., лит. и перепл. «Евг. Тил[illegible] преемники».
(Адмиралтейскій кан., 17).
Въ защиту учениковъ.

Стачка продолжается 13-ый день.

Вывѣшенный у воротъ плакатъ, грозящій бастующимъ разсчетомъ, не произвелъ среди бастующихъ рабочихъ желаемаго для предпринимателей результата за исключеніемъ единицъ.

Теперь со стороны мастеровъ появилась новая махинація. Мастеръ переплетнаго отд., Ядровъ, разсылаетъ письма, съ предложеніемъ идти на работу, нѣкоторымъ бастующимъ рабочимъ, главнымъ образомъ, товарищамъ дѣвушкамъ. Дѣвушки смѣются надъ такими предложеніями.

Не особенно то хороши у гг. хозяевъ дѣла!

Работаютъ штрейкбрехера: наборщикъ Борисовъ М., 2 ученика въ наборномъ отд., въ переплетной — 7 переплетчиковъ: Д. Пѣтушковъ, П. Пановъ, В. Куренковъ, С. Ивановъ, Кастанцевъ, Игоровъ, И. М. Деревнинъ и 1 уч., 8 американца: М. Васильевъ, И. Коноваловъ, Водровъ, тискальщикъ А. Андреевъ.

Всѣ хозяйскіе пріемы разбиваются о твердую организацію бастующихъ. Вѣдь бастующіе великолѣпно знаютъ, если имъ пойти теперь на работу, это значитъ, отказаться отъ защиты учениковъ и отъ тѣхъ соглашеній, которые были завоеваны въ 1911 и 1912 гг.

Бастующіе увѣрены, что всѣ товарищи-печатники г. Петербурга отзовутся на борьбу своихъ товарищей, вставшихъ въ защиту ученичества и своихъ рабочихъ правъ, какъ матеріально, такъ и морально.

Поддержка будетъ нужна, такъ какъ приближаются праздники.

Мѣста и дѣла бастующихъ подъ бойкотомъ.

У БУЛОЧНИКОВЪ.

Булочныя и пекарни Савкова.

(Гороховая, 42, 46 и 50; Фонтанка, 78).

Забастовка продолжается 9-й день.

Штрейкбрехерствуетъ 40 чел. Одинъ, по прозвищу „пятиалтынный", Вас. Козловъ, перешелъ отъ Наумова, членъ проф. о-ва. Ему вынесено бастующими, до 60 чел., порицаніе съ требованіемъ уйти отъ Савкова или изъ о-ва.

Работаютъ бараночники: Александръ Смирновъ, Конст. Царевъ, Конст. Толкачевъ, Николай Яковлев. Толкачевъ, проработавъ день, присоединился было къ бастующимъ, теперь опять штрейкбрехерствуетъ. Фамиліи остальныхъ выясняются. На всѣхъ штрейкбрехеровъ наложенъ бойкотъ.

Мѣста бастующихъ подъ бойкотомъ.

Бастующіе благодарятъ за помощь: рабочихъ бул. бывш. Крутикова — 1 р. 35 к. и бул. А. Филиппова (Сѣнная пл., 17, и Забалканскій, 6)—4 р. 50 к.

Источник: Правда. 1913. 2 апреля № 77 (281). С. 3.